

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

m. U.

Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
Duke University Libraries

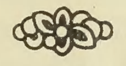
https://archive.org/details/kratkiiocherkist01song

Songaillo, Valentin N

В. Н. Сонгайло

Kratkii

Краткій очеркъ исторіи царствованія Дома Романовыхъ въ стихахъ

МОСКВА. — 1913.

ТИПОГРАФІЯ В. М. САБЛИНА.
Петровка, домъ Обидиной. Телефонъ 131-34.
Москва. — 1913.

891.714
S698k

I.

Конецъ междуцарствія.

Затихла смутная пора, —
Погибли Шуйскій, самозванецъ,
Что бредилъ бармами царя,
Поляковъ ревностный посланецъ.
Россія ждетъ отдохновенья,
Она борьбой изнурена,
И смѣной грознаго правленья
Народовъ жизнь удручена.
Столпы отечества ратуютъ
На пользу родины святой,
Картины мрачныя рисуютъ
Подъ властью вражьею-чужой.
На высотѣ стоитъ достойный
Святого сана Гермогенъ,
И гласъ его, какъ вихрь привольный
Кремлевскихъ дальше мчится стѣнъ.
Онъ призываетъ ко спасенью
Своей отчизны дорогой,
Онъ шлетъ свое благословенье
Борцамъ за вѣру, крестъ святой.
Спѣшитъ съ народнымъ ополченьемъ
Лихой Прокопій Ляпуновъ,
Что жертвой палъ среди волненій
Своихъ собратьевъ — казаковъ.

Со славной смертью Ляпунова,
Лишившись мощнаго вождя,
Въ Россіи водворилась снова
Народовъ шумная вражда.
Кто держитъ сторону поляковъ,
Кто шведа прочитъ на престолъ *), —
А шайки грозныя казаковъ
Вновь сѣютъ бури и раздоръ.
Но въ это время безначалья,
Съ святой молитвой на устахъ,
Сыны свободнаго изгнанья
Точили мечъ въ своихъ стѣнахъ.
Обитель Сергія предстала
Оплотомъ Руси отъ враговъ,
И вражьихъ ядеръ устояла,
— Нападка буйныхъ гайдуковъ.
И Аврамій, келарь Лавры **),
И ихъ отецъ архимандритъ,
Вождей достойно носятъ лавры,
И жизнь ихъ самъ Господь хранитъ.
Герои нужны для Россіи,
Ихъ грамоты летятъ въ народъ,
Какъ голосъ жданнаго Мессіи,
Какъ Руси радостный оплотъ.
Одна изъ грамотъ тѣхъ попала
И въ Нижній-Новгородъ, — а тутъ
Узнали то, о чемъ вѣщала,
Куда, — зачѣмъ ихъ всѣхъ зовутъ.

*) Новгородъ былъ взятъ шведами и шведскій король Густавъ-Адольфъ задумалъ возвести на Московскій престолъ своего брата Филиппа.

**) Авраамій Палицынъ.

Услыша этотъ гласъ призывный,
Козьма здѣсь Мининъ возгласилъ:
„Ужели этотъ голосъ дивный
Тебя, народъ, не ободрилъ?
Ужели, ты, всегда свободный,
На кличъ страданья не придешь,
И подвигъ братскій, благородный,
Отчизнѣ бѣдной не снесешь?
Настало время стать за вѣру,
Россія гибнетъ, — всѣ впередъ!
Безчинствъ довольно изувѣру, —
За нами встанетъ весь народъ!
Нашъ подвигъ будетъ безпримѣрный,
Мы женъ, дѣтей распродадимъ,
И съ ратью мощной, ратью вѣрной —
Поляковъ гордость сокрушимъ“.
Внимая властному призыву
Нижегородцы поднялись,
И всѣ къ красавцу - исполину
Толпою трепетной слились.
На площадь города сносили
Для найма ратныхъ тѣхъ людей,
Все то, что въ жизни накопили,
Для женъ своихъ и дочерей.
Здѣсь и монеты, и запястья,
Зерно бурмицкое, сребро,
Здѣсь слезы радости, участья —
Здѣсь все завѣтное добро.

Казна нашлась, — есть ополченье,
Но нужно витязя найти,
Чтобъ могъ исполнить назначенье
И Русь несчастную спасти.
Нашелся витязь величавый,
Онъ съ Ляпуновымъ былъ въ бояхъ
Но жилъ больной и одичалый
Лѣчась отъ ранъ въ своихъ ногахъ.
Тотъ витязь доблестный и славный
Пожарскій князь былъ удалой,
И въ бой тяжелый, бой неравный
Повелъ отрядъ свой молодой.
Нижегородскихъ ополченій
Примѣръ на многихъ повліялъ;
Безъ разсужденья, безъ сомнѣній
За градомъ градъ къ нимъ приставалъ
Вотъ ополченье подъ Москвою,
Вотъ битвы грозныя съ врагомъ,
И Руси мстящею рукою
Врагъ дерзновенный сокрушенъ!
Самъ Сигизмундъ съ толпой поляковъ
Своимъ на помощь поспѣшалъ, —
Въ стѣнахъ Кремля сидящихъ ляховъ
Прибытьемъ скорымъ ободрялъ.
Но сдался Кремль, его твердыни,
И Сигизмундъ назадъ ушелъ,
Найдя предѣлъ своей гордынѣ,
Въ странѣ, гдѣ мечъ его расцвѣлъ.

Пора иная наступаетъ,
Пора затишья и труда,
И градъ престольный разсылаетъ
Гонцовъ въ другіе города.
Россія ждетъ отдохновенья,
Она враждой изнурена,
И жаждетъ увидать правленье
Въ рукахъ законнаго царя.
Отвсюду выборные люди
Спѣшатъ въ Москву скорѣй прибыть,
Отъ думъ склонивъ главы на груди:
Кому изъ нихъ на тронѣ быть?
Прибыли всѣ, — Москва ликуетъ,
Назначенъ постъ былъ на три дня;
Звонятъ въ церквахъ, — и шумъ волнуетъ,
И море яркое огня.
Три дня прошло — и состоялся
Великій Земскій тотъ соборъ,
Гдѣ гласъ Руси объединялся,
Забывъ вражды кипучій споръ.
Здѣсь общимъ гласомъ положили
(Въ день двадцать первый февраля),
Чтобъ Михаилу предложили
Корону русскаго царя.
Онъ сынъ былъ Ѳеодора, Романовъ,
Бояринъ родомъ, сановитъ;
Отецъ его, по волѣ ляховъ,
Ростовскій былъ митрополитъ.

1613.

Но передъ тѣмъ — онъ Годуновымъ,
Его приказомъ, постриженъ,
И именемъ тогда онъ новымъ —
Былъ Филаретомъ окрещенъ.
1613–1645. Въ то время было Михаилу
Всего шестнадцать только лѣтъ,
Но онъ едва избѣгъ могилы,
Оставя жизнь и шумный свѣтъ.
Узнавъ рѣшеніе собора,
Поляки бросились туда,
Гдѣ жилъ, не зная приговора,
Вдали отъ горя и труда —
Едва лишь юноша, избранный
На царскій столъ, на трудный путь,
На подвигъ мирный, подвигъ ратный,
Чтобъ жизнь въ страну свою вдохнуть.
Но путь далекій неизвѣстенъ,
Поляки просятъ проводить,
А лѣсъ густой и теменъ, тѣсенъ,
И нѣтъ дорогъ, чтобъ въ немъ ходить.
Иванъ Сусанинъ здѣсь явился,
Ихъ проводить онъ предложилъ, —
Но вдругъ съ дороги какъ-то сбился
И долго по лѣсу кружилъ.
Поляки поняли желанье
Ихъ всѣхъ въ лѣсу здѣсь погубить,
И какъ одинъ, безъ состраданья,
Рѣшили дерзкаго убить.

Сусанинъ смерти не боялся:
Царя младого онъ спасалъ —
Ему онъ въ вѣрности поклялся
И смерть съ восторгомъ воспріялъ.
Избравъ на царство Михаила,
Отправили пословъ къ нему
Оповѣстить, что Русь рѣшила
На царскій тронъ вступить ему.
Но молодъ царь, — онъ убоялся
Правленья тягость воспріять,
Съ поклономъ низкимъ отказался
Державу царскую принять.
И Марѳа, мать его, сказала,
Что молодъ онъ, — ему ль царить,
Когда отъ смутъ земля дрожала, —
Ему ль порядокъ водворить?
Послы въ молчаніи внимали
Словамъ владыки своего,
Но снова бармы предлагали,
И тронъ Московскій для него.
Когда жъ упорства въ Михаилѣ
Не въ силѣ были побѣдить, —
То гнѣвомъ Божіимъ рѣшили
Тогда послы ему грозить.
И наконецъ онъ согласился,
Собрался въ путь, — уже въ Москвѣ
На тронѣ царскомъ появился,
Съ тяжелой думой на челѣ.

Россія бѣдствуетъ, — повсюду
Идутъ разбои, грабежи,
И много страждущаго люду
Позадержали платежи.
Казна пуста, народъ въ разорѣ,
Внутри, извнѣ терзаетъ врагъ;
Лисовскій рѣжетъ на просторѣ,
Отъ насъ спасаясь — точно магъ.
Заруцкій въ Астрахань забрался
Край прикаспійскій возмущать, —
Гдѣ сынъ Марины подвизался
Въ надеждѣ царствомъ управлять.
Но юный царь, ища совѣта,
Къ соборамъ земскимъ прибѣгалъ,
На думы тяжкія — отвѣты
Отъ мудрыхъ старцевъ получалъ.
А внѣшній врагъ — то шведъ могучій,
Россію съ сѣвера громилъ,
И Псковъ онъ, жизнію кипучій,
Своею ратью осадилъ.
Но витязь доблестный, Морозовъ,
(Онъ воеводой въ Псковѣ былъ),
Ни силой вражьей, ни угрозой —
Своихъ сѣдинъ не посрамилъ.
Густавъ-Адольфъ въ переговоры
Тутъ съ Русью храброю вступилъ,
И послѣ многихъ разговоровъ
1617. Въ Столбовѣ миръ онъ заключилъ.

По миру этому отдали
Намъ Новгородъ, а за собой —
Заливъ весь Финскій удержали,
Оставя море намъ мечтой.
Покончa съ шведами раздоры,
Не отдыхая отъ трудовъ,
Съ мечемъ въ рукѣ рѣшать всѣ споры
Мы на другихъ идемъ враговъ.
А врагъ могучій и жестокій
Къ стѣнамъ московскимъ подступилъ,
И Владиславъ, царевичъ польскій,
Тѣмъ войскомъ самъ руководилъ.
Взволнованъ царь,— его пугаетъ
Своимъ лукавствомъ злобный врагъ;
Соборъ онъ земскій собираетъ
Для Руси счастія и благъ.
Одушевленные любовью
Къ своей отчизнѣ дорогой —
Рѣшили всѣ, кляняся кровью,
Рубиться не скупясь главой.
Сдержали клятву предъ престоломъ,
Отбиты приступы враговъ,
И Владиславъ ушелъ съ позоромъ
Отъ храмовъ, башенъ и дворцовъ.
Мы заключили перемирье:
1618. Смоленскъ полякамъ закрѣпленъ,
А намъ ни злата изобилье,—
Намъ Филаретъ былъ возвращенъ.

Придя изъ польскаго плѣненья
Отецъ царя, митрополитъ,
Примѣръ и воли, и смиренья,
Народу русскому даритъ.
Царь возвеличилъ Филарета,
Указы вмѣстѣ съ нимъ писалъ,
И безъ его, отца, совѣта —
Онъ ничего самъ не рѣшалъ.
Но Михаилъ годами молодъ,
А козни подлыя бояръ
Несутъ странѣ раздоръ и голодъ,
Какъ мечъ и вражескій пожаръ.
И Филаретъ могучей волей
То самовластье сокрушилъ,
И власть царя, по волѣ Божьей,
Самодержавьемъ облачилъ.
Писцовыя создались книги,
И губныхъ старостъ цѣлый рядъ:
Какъ солнца радостные блики
Дѣла тѣ царскія блестятъ!
Но вотъ не стало Михаила,
Онъ въ вѣчность съ миромъ отошелъ
Какъ Руси скромное свѣтило,
Какъ яркой славы ореолъ.
Ему наслѣдникомъ явился
Сынъ Алексѣй въ шестнадцать лѣтъ;
Народомъ править онъ учился
Изъ дѣлъ отца,—его завѣтъ

1645—1676.

Онъ сохранилъ младой душою,
И сердцемъ, любящимъ народъ,
Идя послушною стопою
Ко благу родины впередъ.
Онъ кроткій былъ, благочестивый,
Бояръ крамольныхъ не искалъ,
И часто подвигъ нечестивый
Жестокой смертью не каралъ.
Зато характеръ слабовольный
Царя нерѣдко увлекалъ
Туда, гдѣ сильный и довольный
Народа врагъ торжествовалъ.
Морозовъ, царскій воспитатель,
Женившись на сестрѣ царицы —
Сталъ воли царской обладатель,
На зависть всей Москвы - столицы.
А царь женатъ на Милославской;
И вотъ, Морозовъ, породнясь
Съ родней царя,—все властью царской
Вершалъ, на подлость не скупясь.
Вездѣ и всюду въ государствѣ
Друзья и родичи сидятъ,—
Корыстолюбіемъ и чванствомъ
Народъ, подвластный имъ, мутятъ.
Пришелъ конецъ долготерпѣнью,
Въ Россіи снова мятежи...
Ведутъ по царскому велѣнью
Народъ на казнь, на правежи.

Но успокоились волненья
Задумался надъ ними царь, —
Что за причина возмущенья, —
Не то ли нынѣ, что и встарь?
А встарину — вотъ что водилось:
Былъ произволъ во всѣхъ судахъ, —
Народу много тамъ судилось,
Но правды не было въ дѣлахъ.
Къ тіуну спорщики являлись,
Но спора ихъ онъ не рѣшалъ, —
На судъ они передавались
Тому, кого народъ избралъ.
Судъ былъ тогда почти словесный,
Истецъ, отвѣтчикъ, — приводилъ
Съ собой послуховъ *), — но безвѣстный
Защиты здѣсь не находилъ.
Для правды, скораго рѣшенья —
Судьею взятка здѣсь была,
Она скрывала прегрѣшенья,
И верхъ надъ спорщикомъ брала **).
Царь Алексѣй рѣшилъ повсюду,
Для всѣхъ издать такой законъ,
Чтобъ можно и простому люду
Смотрѣть привольно изъ оконъ;
Чтобъ въ распряхъ бѣднаго съ богатымъ
Чинили правый судъ одинъ,
А не рукою тароватой
Былъ правъ безправный властелинъ.

*) Свидѣтель.

**) Съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись, — стало пословицей.

Боярамъ избраннымъ и дьякамъ
Царь приказалъ пересмотрѣть
Все то, что произвола мракомъ
Должно навѣки захирѣть.
Отцы здѣсь церкви и статьи
Законовъ греческихъ и русскихъ —
Изъ рамокъ тѣсныхъ, рамокъ узкихъ
Должны въ тотъ сборникъ перейти.
Законъ готовъ — на утвержденье
Всѣмъ людямъ выборнымъ предсталъ
И послѣ споровъ — одобренье
1649. Себѣ въ народѣ онъ стяжалъ,
Но развѣ люди благодарны?
Не оцѣнивъ заботъ царя,
Они, — преступны и бездарны,
Идутъ къ нему, его разя.
Разбойникъ Разинъ появился,
Казаки съ нимъ — и голытьба...
Съ ватагой Стенька удалился
На Волги тихіе брега,
Поволжье поднялъ за собою,
За градомъ градъ къ себѣ склонялъ
И съ непокорною главою
Судьбою Руси онъ игралъ.
Но подъ Симбирскомъ воевода*)
Ему дорогу заградилъ,
И волей Бога, иль народа,
Его успѣхи прекратилъ.

*) Барятинскій.

На Донъ бѣжалъ гроза Россіи
Защиту тамъ себѣ искать...
Увы! — казаки удалые
Дерзнули витязя предать.
Предсталъ въ Москвѣ онъ одичалый
Суровый, въ клѣткѣ запертой, —
И видъ жестокій, величавый,
Разстался съ буйною мечтой.
Ему допросы учинили,
И послѣ пытокъ, наконецъ,
На части ровно раздѣлили —
И сгинулъ добрый молодецъ!
Но раньше Разина, — волненья
Въ средѣ народной начались,
И книгъ церковныхъ исправленья
Со смутой общею слились.
Ликуетъ Никонъ, исправляя, —
Его враги тревогу бьютъ,
И ненавидя, проклиная,
Доносъ на Никона несутъ.
Но любъ былъ Никонъ Алексѣю,
И царь навѣтамъ не внималъ; —
Державной волею своею
Онъ патріарха поощрялъ.
Зазнался Никонъ горделивый,
Превыше всѣхъ себя считалъ,
И непокорный, и хвастливый —
Границы власти не искалъ.

Но вотъ Всевышняго десница
Простерлась надъ его главой,
И блескъ, и шумную столицу —
Смѣнили ссылка и покой.
Но безпорядки и волненья
Могучей Руси не несли —
Позора вражьяго презрѣнья,
Раздѣла жаднаго земли.
Наоборотъ—она стяжала
Страну лихихъ богатырей,
Гдѣ слава мощная лежала
Въ основѣ силою своей.
Малороссійскіе казаки
Враждуя съ Польшею давно,
Гдѣ паны, эти забіяки,
На нихъ накинули ярмо, —
Рѣшились свергнуть наконецъ
Поляковъ гордое величье;
Средь нихъ нашелся молодецъ,
Богданъ Хмельницкій; безъ различья,
Съ мечемъ въ рукѣ — разилъ пановъ,
Разилъ шляхту безъ сожалѣнья,
И много мирныхъ казаковъ
Привелъ онъ на поля сраженья.
Но грозенъ бичъ, борьба трудна,
Ряды рѣдѣютъ молодые, —
Нужна поддержка на врага,
Что клонитъ копья удалыя.

Хмельницкій крымскую орду
Призвалъ къ себѣ—она явилась,—
Въ горячей битвѣ, на бѣду,
Постыдно въ бѣгство обратилась.
Что дѣлать,—снова онъ одинъ,
Предъ нимъ кошмаръ позора, плѣна,—
И снова Польша—властелинъ,
И Руси тяжкая измѣна.
Тогда Хмельницкій порѣшилъ
Царю Московскому „отдаться“,—
Въ Москву посольство отрядилъ,—
И наказалъ—о томъ стараться.
Но не любя вражды кровавой,
Благочестивый Руси царь,
Просилъ ихъ съ польскою державой
Ужиться въ мирѣ, какъ и встарь.
Духъ непреклоненъ былъ казаковъ.
Милѣе имъ турецкій плѣнъ,
Чѣмъ власть заносчивыхъ поляковъ,
Средь лести, крови и измѣнъ.
1653. На земской думѣ порѣшили
Казаковъ въ подданство принять,
И эту вѣсть имъ объявили,
Заставивъ Руси присягать.
И гетманъ, съ нимъ всѣ малороссы
Царю Московскому клялись;
Несокрушимой силой россы
Въ одинъ народъ съ Москвой слились.

Но жаднымъ панамъ тяжело
Разстаться съ прелестью Украйны...
Благоухало и цвѣло
Тамъ счастье жизни, рая тайны.
И вотъ съ оружіемъ въ рукахъ
Царь въ Польшу двинулся съ войсками,
Съ девизомъ вѣры на устахъ,
Съ миролюбивыми рѣчами.
— „Я не хочу,—онъ говорилъ,—
Ни славы ратной, ни награды;
Но Богъ мнѣ власть мою вручилъ,
Ни для потѣхъ, ни для услады.
Тамъ храмы наши оскверняютъ,
Жидамъ на откупъ отдаютъ,
Тамъ православныхъ угнетаютъ,
Тамъ грабятъ, рѣжутъ, топятъ, бьютъ.
Я на защиту нашей вѣры
И храмовъ Божіихъ иду —
И пусть заплатятъ изувѣры
За ихъ кровавую вражду".
Слова царя имѣли силу,
Къ нему стекалися толпой,
И защищались лишь для виду,
Неся покорность и покой.
За градомъ градъ главы склоняли,
И на Кремля своихъ стѣнахъ —
Россіи знамя водружали,
Трезвоня радостно въ церквахъ.

Хмельницкій тоже не дремалъ,
И вмѣстѣ съ царскими полками —
Онъ съ юга Польшу ублажалъ,
Огнемъ и острыми мечами.
А тутъ еще и Карлъ десятый
Съ своими шведами пришелъ,
И городъ славный и богатый —
Варшаву, Краковъ пріобрѣлъ.
Король увидѣлъ все безсилье
Ему отчизны дорогой,
И сталъ прикладывать усилье
Скорѣе миръ вершить съ Москвой.
Межъ тѣмъ, пройдя границы Польши,
Побѣдоносною стопой —
Карлъ шведскій вздумалъ двинуть дальше
Полки могучею рукой.
Завоевательныхъ стремленій
Полна мятежная душа, —
Безъ здравой мысли, разсужденій,
На насъ идетъ — разить спѣша.
Не дремлетъ Русская держава,
И съ Польшей миръ ей заключенъ,
А съ миромъ—снова брани слава,
И новый край пріобрѣтенъ *).
Теперь мы можемъ, не стѣсняясь,
На шведовъ силы устремить,
И гимнъ побѣдный, упиваясь,
Побѣдной пѣснею трубить.

*) Удержана Малая и Бѣлая Россія.

Динабургъ, Дерптъ — предъ нами пали,
Мы на брегахъ Балтійскихъ водъ,
Гдѣ дѣды славу завѣщали,
Маня сюда изъ рода — въ родъ.
Ордынъ-Нащекинъ воеводой
Въ край завоеванный былъ данъ,
И надъ суровою природой
Разбился Руси шумный станъ.
Но вотъ Хмельницкаго не стало,
Онъ въ вѣчность рано отошелъ,
И все вдругъ тамъ забунтовало,
Гдѣ миръ недавно лишь расцвѣлъ.
Часть буйно къ Польшѣ потянула,
Другая тянетъ на Москву —
На наше горе и тоску
Часть Польши вновь перетянула.
И гетманъ выбранный, Выговскій,
Врагамъ исконнымъ отдался,
А вмѣстѣ съ нимъ и витязь польскій
Вновь противъ Руси поднялся.
Опять разладъ, опять напасти...
Ливонскихъ нашихъ городовъ
Въ своей держать не въ силѣ власти —
1661. Мы отдаемъ во власть враговъ *).
На Польшу снова мы въ походъ
Со слабой силой выступаемъ; —
Печальный былъ вражды исходъ,
И имъ мы много уступаемъ...

*) По миру въ Кардосѣ 1661 г. передаемъ Швеціи.

Но истощенные враждой,
Безъ жажды новыхъ испытаній,—
Бойцы полны однихъ желаній,—
То мира смутною мечтой!
Миръ заключенъ; Ординъ-Нащекинъ
1667. Его въ Андрусовѣ свершилъ, —
Но недоволенъ старый воинъ,
Что чудный край онъ раздѣлилъ:
Днѣпра налѣво половина
Къ Россіи скромна отошла —
Страна направо исполина —
По миру — Польша заняла.
Но градъ Смоленскъ и Кіевъ древній
Россія вновь себѣ взяла,
И тѣмъ опять къ границѣ прежней
Любовной грудью прилегла.
Но Дорошенко появился
И независимый, живой, —
Въ иное мыслью погрузился,
Ища свободы надъ страной.
Зачѣмъ Днѣпромъ Украйну дѣлимъ,
Россію Польшѣ отдаемъ...
Цѣнить мы воли не умѣемъ,
Себя рабами признаемъ.
Я гетмамъ вашъ! — Одна Украйна!
Она свободна, какъ мечта,
Умовъ иныхъ иная тайна
Мнѣ непонятна и смѣшна.

И передался онъ султану,
Рѣшась владыкою признать,
Давъ право алчному смутьяну
Страну родную разорять.
И азіаты ополчились,
Не разъ на насъ войной идя,
Пока опять ни примирились,
1681. Въ Бахчисараѣ миръ найдя.
Настала мирная десница,
И жизнь кипитъ внутри страны, —
Старушка — матушка, столица,
Живетъ не трепетомъ войны.
Она свободно просвѣщенья
Народовъ западныхъ беретъ,
И самъ Матвѣевъ, безъ смущенья,
Оркестръ и сцену ей даетъ*).
Но чужды массамъ тѣ стремленья,
Имъ не знакомъ языкъ боговъ, —
Они погрязли въ суевѣрьѣ
Далекихъ, дѣдовскихъ вѣковъ.
Ни царь съ своимъ пресвѣтлымъ взглядомъ,
Его бояре, ихъ умы, —
Съ инымъ на вещи новымъ взглядомъ,
Не побѣдили жизни тьмы.
Матвѣевъ палъ величья полный,
Бывъ въ чернокнижьѣ обличенъ,
И врагъ завистливый, довольный,
Безумный мыслью не смущенъ.

*) Въ царствованіе Алексѣя Михайловича впервые появились при дворѣ театральныя представленія, или мистеріи. Положилъ этому начало образованный бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.

Но бросивъ сѣмя просвѣщенья
Его слѣдовъ не затоптать,
И жизни новой насажденья —
Кто, дерзкій, смѣетъ разметать?
Кто смѣетъ, дерзостный, нарушить
Державный воли свѣтлый взглядъ, —
Имъ освѣщенное разрушить,
И съ созданнымъ итти въ разладъ?
Не ты-ль, вѣнчанный на престолѣ,
Потомокъ царственный царей,
Что сѣлъ на отчемъ рано тронѣ,
У властью скованныхъ дверей?
Не ты-ли, Ѳедоръ молодой,
Что власть отца наслѣдьемъ принялъ,
1676 — 1682. И тѣломъ слабый и больной]
Могучій предковъ духъ воспринялъ?
Нѣтъ, ты не отнялъ, ты имъ далъ
Начала новыя сознанья, —
Ты мысли царь, ты либералъ,
Ты сынъ свободнаго созданья.
Ты предъ бояриномъ склоняться
Земнымъ поклономъ воспретилъ,
И тѣмъ, кто въ пьянствѣ будутъ драться, —
Битье батогомъ — отмѣнилъ.
1682. И мѣстомъ воспретилъ считаться,
Кичиться предкомъ, не умомъ,
Не по заслугамъ назначаться
Въ своемъ величьѣ родовомъ.

Какую бурю поднялъ ты
Среди всесильнаго боярства,
Но ты съ престола высоты
Хранилъ достойное упрямство.
Ты доказалъ, что ты одинъ
Судьбы народныя вершаешь,
Что ты, какъ мощный властелинъ,
Отъ бѣдъ страну свою спасаешь.
Тебя возславятъ поколѣнья
Сыновъ родной тебѣ страны,
Справляя тризну разрушенья,
Пустой, надутой старины!
Царь Ѳедоръ умеръ, не оставя
Ни сыновей, ни дочерей,
Творца міровъ всечасно славя
За подвиги минувшихъ дней.
Остались братья — Іоаннъ,
Одной съ нимъ матерью рожденный, —
Но слабъ царевичъ былъ Иванъ,
И духомъ былъ онъ удрученный.
Ему-ль пріять бразды правленья,
Народовъ массой управлять —
Подчасъ вину безъ сожалѣнья
Достойнымъ гнѣвомъ наказать?
Другой былъ братъ, — его моложе,
Онъ отъ Нарышкиной рожденъ,
Здоровый тѣломъ, духомъ тоже,
Живымъ разсудкомъ умудренъ!

1682—1696.

1682—1696.

Но умирая — братъ державный
Престола имъ не передалъ,
Народъ же русскій — властью равной
Обоихъ ихъ не надѣлялъ.
Когда святѣйшій патріархъ
На красное крыльцо явился,
Какъ русской церкви іерархъ
Къ народу съ рѣчью обратился, —
То всѣ воскликнули:— „Царемъ
Пусть будетъ Петръ, — вся Русь клянется,
Что только лишь о немъ одномъ
Молитва къ небу вознесется".
И послѣ этого Москва
Петру младенцу присягнула,
За ней и Русь издалека
Съ своею клятвой потянула.
Но недоволенъ этимъ былъ
Родъ Милославскихъ благородный,
(Отъ нихъ Иванъ происходилъ*)
Что значитъ гласъ для нихъ народный?
Была ихъ партія сильна,
И Софья**) во главѣ стояла
Ума и мужества полна;
Она средь нихъ звѣздой сіяла.
Мужчинѣ равная умомъ,
Образованьемъ—много выше,
Она мечтала о другомъ,
Что было ей милѣй и ближе.

*) Первая жена царя Алексѣя Михайловича изъ рода Милославскихъ.

**) Сестра царевичей отъ перваго брака Царя Алексѣя Михайловича съ Милославской.

Она хотѣла воспріять
Себѣ бразды правленья въ руки,
Хотѣла царствомъ управлять,
Не прозябать, какъ тѣнь, отъ скуки.
На помощь ей притти стрѣльцы
Должны примѣрною отвагой,—
Лихой народъ,—все молодцы,
Своею буйною ватагой.
Веселье шумное, пиры,
Разгульной жизни наслажденье,—
Вотъ, что имъ нужно до поры,
Пока настанетъ пробужденье.
Не такъ давно они опять
Крикливой смутой наслаждались,
И Долгорукіе *) унять
Ихъ страсти дикой не рѣшались.
И вотъ на этомъ недовольствѣ
Рѣшаетъ Софья строить планъ,
Хитря, играя на притворствѣ,
Открыто—ей мѣшаетъ санъ.
Ея клевреты межъ стрѣльцовъ
Искусно страсти разжигаютъ,
И недовольство ихъ умовъ
Враждой умѣлой возбуждаютъ.
Ихъ увѣряютъ—Іоаннъ
Лишенъ простола незаконно,
Что онъ ему Всевышнимъ данъ,
И правомъ освященъ исконно.

*) Отецъ и сынъ — главные стрѣлецкіе начальники.

Всему Нарышкины*) виной,
И устраненъ онъ ихъ интригой
Въ Кремлѣ подкупленной толпой,—
Не гласомъ родины великой!
Стрѣльцы готовы бунтовать,
Имъ нуженъ знакъ на преступленье,
Чтобъ руку дерзкую поднять,
Разрушивъ узы соглашенья.
15 мая 1682. Имъ поданъ знакъ: на утро рано,
Едва заря на небесахъ,
Зардясь улыбкою румяной
Скользнула въ темныхъ облакахъ—
Несясь стрѣлою роковою,
Умѣлой пущенной рукой,—
Стрѣльцовъ дорогой столбовою
Промчался всадникъ молодой.
За нимъ другой, за этимъ много,
И всѣ несутся и шумятъ,
И въ этомъ шумѣ какъ-то строго
Слова отдѣльныя звучатъ.
Кричатъ: „царевича убили,
Его Нарышкины сейчасъ
Рукой преступной задушили,
Народа кары не страшась!“
Въ набатъ ударили, сбѣжались,
Схватили ружья, копіи рядъ,
Къ Кремлю ватагою помчались,
А тамъ еще—всѣ мирно спятъ.

*) Родственники царя Алексѣя Михайловича по второй его женѣ Натальѣ Кирил. Нарышкиной.

Здѣсь передъ окнами дворца
Толпа несвязно зашумѣла,
Кричатъ: „давайте молодца,
Мы знаемъ, рукъ чьихъ это дѣло!
Сюда Нарышкиныхъ скорѣй,
Они царевича сгубили,
И съ ложа пышнаго царей
Въ покровъ могильный облачили.“
Желая ихъ разубѣдить
Въ обманѣ, местію дышащимъ,
Царица, съ сонмомъ лицъ дрожащихъ,
Къ толпѣ рѣшила поспѣшить.
Она явилась на крыльцо*),
Съ ней два царевича стояли...
Спокойно-кроткое лицо
Стрѣльцы Ивана увидали.
Они почуяли обманъ
И злыхъ навѣтовъ измышленье—
Къ себѣ итти хотѣли въ станъ,
Но здѣсь явилось искушенье.
На площадь выкативъ вино
Клевреты Софьи угощаютъ,—
Крикливо, шумно и хмѣльно
Ковшемъ изъ бочекъ наливаютъ.
Туманитъ головы напитокъ
И разжигаетъ пылъ страстей,
И снова силъ младыхъ избытокъ
Направленъ волею людей.

*) Красное крыльцо.

Тутъ Долгорукій *) появился,
И приказалъ имъ разойтись,
Но въ тотъ же мигъ онъ покатился
Съ ступень крыльца на копья внизъ.
За нимъ послѣдовалъ Матвѣевъ **),
А дальше, кровью разъярясь,
Они искали все злодѣевъ,
По граду стольному носясь.
И много въ звѣрствѣ ихъ легло
Любимцевъ царскихъ благородныхъ,
И много жизней отцвѣло
Работъ не кончивъ плодотворныхъ.
Въ то время ужаса и страха,
Одна, не вѣдая его,
(Не для нея топоръ и плаха)
Средь войска Софья своего.
Стрѣльцы покорно исполняютъ
Наказъ царевны молодой,—
Избрать царями заставляютъ
Надъ всею русскою землей
Двоихъ царевичей; но съ ними
За малолѣтствомъ ихъ — она
Дѣла вершаетъ, и самими
Руководить она должна.
Сильна угроза, страхъ великъ,
Всѣ соглашаются съ стрѣльцами —
Правительница Софія. 1682—1689. И вотъ надъ русскими главами
Союзъ сей царственный возникъ.

*) Начальникъ стрѣльцовъ.
**) Бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ, другъ царя Алексѣя Михайловича и воспитатель царицы Натальи Кириловны.

Устроенъ тронъ для нихъ единый,
И сзади, скрыто отъ людей,
Почти на самой серединѣ,
Есть мѣсто для сестры царей *).
На всѣхъ пріемахъ предъ народомъ,
На тронѣ, сзади находясь,
Подъ серебра тѣнистымъ сводомъ,
И взоровъ грозныхъ не страшась,
Она оттуда говорила
Двумъ братьямъ царственнымъ своимъ,
Что дѣлать, — отвѣчать что имъ,
И всѣмъ за нихъ руководила.
Давно желанное свершилось,
Царевна — властна и сильна,
А съ властью смута прекратилась,
Какъ набѣжавшая волна.
Ея помощники слѣпые,
Орудье цѣли роковой,
Пожали лавры боевы
Царевны щедрою рукой.
Они — „надворная пѣхота“,
Имъ много льготъ еще дано,
И Софьи яркая забота
Связала новое звѣно.
И даже подвигъ ихъ кровавый
Высокій столбъ запечатлѣлъ **), —
А демонъ мрачный и лукавый
На нихъ торжественно смотрѣлъ.

*) Этотъ серебряный тронъ до сего времени сохранился въ Грановитой палатѣ въ Москвѣ.

**) Въ память ихъ дѣянія былъ воздвигнутъ на Красной площади противъ лобнаго мѣста столбъ.

Но скоро Софья убѣдилась,
Какъ полагаться на стрѣльцовъ,
И казнью лютой завершилось
Дѣянье буйныхъ удальцовъ*).
Отобранъ титулъ, только данный**)
Кровавый памятникъ снесенъ***),
И мира день, столь долго жданный,
На русской нивѣ водруженъ.
Но въ это время Янъ Собѣсскій****)
У Вѣны турокъ сокрушилъ;
Ища союзовъ Европейскихъ
Россіи дружбу предложилъ.
Царевна руку протянула,
Султанъ давно ей надоѣлъ, —
Отъ турокъ крымцевъ оттянула,
Чтобъ брату братъ не порадѣлъ.
Но помощь Софья обѣщала
Полякамъ только лишь тогда,
Когда градъ Кіевъ пріобщала
Къ своимъ владѣньямъ навсегда.
Съ трудомъ Собѣсскій согласился
Столь славный городъ уступить, —
Но дѣлать нечего — рѣшился,
Хотя слезу успѣлъ пролить.
По Московскому договору 1686. Миръ заключенъ, — опять нашъ городъ,
Предлогъ излюбленный войны,
Гдѣ Руси вѣрные сыны
Не разъ несли нужду и голодъ.

*) Стрѣльцы надѣялись на защиту раскола, и за казнь своего начальника и виновника движенія князя Хованскаго,—подняли бунтъ, но были усмирены.
**) Надворная пѣхота.
***) Столбъ на Красной площади.
****) Польскій король.

Царевна войско снарядила,
1687. Голицынъ, князь, его повелъ,
Но войско къ Крыму не ходило,
И князь его назадъ привелъ.
Пройти нельзя — вся степь горѣла,
Въ ней можно силу погубить,
И не свершивъ благого дѣло —
Лишь славу Руси умалить.
Но русскій вождь не унываетъ,
1689. Вновь въ Крымъ полки свои ведетъ
И здѣсь миръ съ ханомъ заключаетъ,
Но ничего намъ не даетъ.
Въ Москву Голицынъ воротился,
Къ стопамъ властительнымъ припалъ —
И вдругъ въ героя превратился,
Какъ будто-бъ сонмы побѣждалъ.
Онъ награжденъ — съ нимъ воеводы
Побѣднымъ дѣлятся вѣнцомъ;
Молчатъ смущенные народы
Такимъ таинственнымъ концомъ.
Но дѣло просто, — власть не вѣчна,
Изъ Софьи рукъ она скользитъ,
Хотя порою и безпечно
Она о тронѣ говоритъ.
И надо русскому народу
Свое правленье показать,
Счастливымъ въ бурную погоду,
И славы блескомъ надѣлять.

Она надѣялась, что этимъ
Удержитъ власть въ своихъ рукахъ —
Но можно тѣшиться лишь дѣтямъ
Надеждой въ пламенныхъ мечтахъ!
Полна царевна честолюбья,
Въ мечтахъ ея — россійскій тронъ,
И мысль, и жажда властолюбья
Ей навѣваютъ сладкій сонъ.
Едва лишь съ Польшею кичливой
Удачный миръ ей заключенъ,
Какъ титулъ мощи горделивой
Къ своей ей власти пріобщенъ.
И самодержицей россійской
Себя отнынѣ назвала,
И планъ о власти исполинской
Въ умѣ великомъ создала *).
Но здѣсь явилось пробужденье —
И вспомнила она о томъ,
Что власть царицы — заблужденья
Явилась только лишь плодомъ.
Что есть законный повелитель,
Умомъ и силой исполинъ,
Средь смертныхъ — будто небожитель,
Среди великихъ — господинъ.
Теперь не мальчикъ онъ смиренный
Въ заботахъ дѣтскихъ средь полей, —
Теперь онъ витязь дерзновенный
У власти царственныхъ дверей.

*) Ея мечтою было—вѣнчаться на царство.

Уже не разъ онъ заявлялъ
Свои права на тронъ россійскій,
И жадно взоръ его блисталъ
При видѣ шапки византійской.
Царевна видѣла борьбу,
Желѣзной волей содрагалась,—
Но на смиренную мольбу
Главою гордой не склонялась.
Ей нуженъ путь, и всѣ съ него
Должны немедля удалиться;
Ища спасенья своего,
Предъ волей царственной смириться.
Ея клевреты не дремали,
Убійцы посланы къ Петру,—
Но жизнь его оберегали,
Зовя на смертную борьбу.
Къ царю, любовью пламенѣя,
Въ Преображенское стрѣльцы
Явились,—жизни не жалѣя,
Какъ неба свѣтлые гонцы.
Они Петра предупредили;
Онъ ночью въ Лавру ускакалъ,
Гдѣ всѣ его уже любили,
И гдѣ пріютъ себѣ сыскалъ.
Сюда къ нему толпой стекались
Его приверженцы, и съ нимъ—
Итти на Софью собирались,
Молясь угодникамъ святымъ.

Тоскуетъ Софья—передъ нею
Открылась новая пора,
И кровь, отъ страха леденѣя,
Взываетъ къ милости Петра.
Но непреклоненъ братъ гонимый,
На миръ съ сестрой онъ не пошелъ,
И волей непоколебимой
Пріютъ строптивой самъ нашелъ.
Въ Новодѣвичій монастырь
Онъ приказалъ ей удалиться,
Читать апостоловъ, псалтирь,
И о грѣхахъ своихъ молиться.
Былъ Шакловитый имъ казненъ,
Голицынъ въ ссылку удалился,
А Петръ на тронѣ утвердился,
Борьбой суровой удрученъ.

II.

Настала свѣтлая пора,
Пора работы неустанной,
И прежде юная игра
Явилась силою желанной.
Его потѣшные полки—
Семеновскій,—Преображенскій,
Забавъ младенца далеки,
Горятъ отвагою не женской.

Самъ Петръ труды ихъ раздѣляетъ,
И дѣлу ратному уча—
Своимъ примѣромъ поощряетъ,
Ихъ жизнь тяжелую дѣля.
Потѣхи кончены—и дѣло
Предъ новой силою лежитъ,
И царь ретиво и умѣло
На битву грозную спѣшитъ.
1695. Сто двадцать тысячъ войскъ весною
Онъ противъ турокъ снарядилъ,
И тѣшась пылкою мечтою
Къ брегамъ Тавриды устремилъ.
Похода цѣль—забрать Азовъ,
Ногою крѣпко утвердиться
У моря южныхъ береговъ,
И тамъ съ врагомъ исконнымъ биться.
Но неудаченъ былъ походъ—
Нѣтъ флота, нужныхъ инженеровъ,
Чтобъ крѣпость взять, ища подходъ,
Изморомъ взять чтобъ изувѣровъ *).
Петръ отступилъ, но для того,
Чтобъ съ новой силою собраться,
И снова взять Азовъ стараться
Искусствомъ войска своего.
Въ Воронежѣ онъ верфь устроилъ
И здѣсь, какъ плотникъ, съ топоромъ,
Суда военныя онъ строилъ,
И Русью правилъ,—былъ царемъ.

*) Не было нужныхъ инженеровъ, которые могли бы вести правильную осаду крѣпости,—и флота, дабы прекратить доставку припасовъ осажденнымъ.

Прошла зима—суда готовы,
Ихъ тридцать счетомъ набралось—
Легки они, красивы, новы—
Въ нихъ мощь морская создалась.
И лѣтомъ снова подъ Азовомъ
Петръ съ грозной ратiю стоитъ,
И стѣны крѣпости онъ съ новымъ
Искусствомъ воинскимъ громитъ.
Такъ скоро турки насъ не ждали
И надлежащихъ, нужныхъ мѣръ,
Въ защиту стѣнъ не предприняли,
1696. И палъ прибрежный легковѣръ.
У стѣнъ Азовскихъ убѣдиться
Могъ въ силѣ флота русскiй царь,
Создать скорѣй его стремится,
Какъ не стремились дѣды встарь.
Казна пуста, нѣтъ миллiоновъ,
Но генiй царскiй не дремалъ,
И вотъ изъ нѣдръ своихъ народовъ
Онъ суммы нужныя собралъ.
Спѣшатъ духовные владыки*)
На кличъ призывный приходить;
Пускай доходы не велики—
Корабль имъ надо снарядить.
За ними свѣтскiе владѣльцы
Усадьбъ богатыхъ и луговъ—
Велѣнью царскому радѣльцы—
Суда готовятъ на враговъ.

*) Постановлено, чтобъ духовные владѣльцы съ 8000 крестьянскихъ дворовъ, а свѣтскихъ—10000—выстроили по кораблю, оснащенному и вооруженному.

Изъ-за границы мастера
Свое искусство изощряютъ,
И волю мощную царя
Наемной службой исполняютъ.
Но нѣтъ на Руси мастеровъ,
И Петръ рѣшилъ поправить дѣло,
Отправивъ русскихъ молодцовъ
Въ страну, гдѣ творчество кипѣло.
Наказъ Петромъ былъ данъ такой:
Безъ знанья дѣла — не являться,
Не то, придется посчитаться
Съ царемъ, какъ съ Божьею грозой!
Но вотъ Лефортъ *), его бесѣды
О иноземныхъ городахъ,
О жизни ихъ, о чудесахъ —
Влечетъ на новыя побѣды.
Но тѣ побѣды — не войны,
Не крови цѣлые потоки —
Иныхъ началъ онѣ полны,
Сметая старые пороки.
Рѣшился царь все самъ узнать,
И самъ воочію увидѣть, —
Что можно — тамъ же изучать,
Хотя всего нельзя провидѣть.
1697. И вотъ весною снарядилъ
Къ дворамъ Европы онъ посольство,
И много толковъ возбудилъ,
И много встрѣтилъ недовольства.

*) Женевецъ Францъ Лефортъ, одинъ изъ обитателей Нѣмецкой слободы, пользующійся особой симпатіей царя Петра.

А почему? что во главѣ
Лефортъ и Головинъ стояли,
А съ ними въ свитѣ, на концѣ,
Петра Михайлова писали.
А Петръ Михайловъ дворянинъ
Никто иное — Царь Московскій,
Россіи мощной исполинъ,
Подъ маской скромною посольской.
Но недовольство не страшитъ
Царя великихъ начинаній, —
Изъ града въ градъ онъ самъ спѣшитъ
Ища науки и познаній.
То онъ за книгой незнакомой
Часами цѣлыми сидитъ, —
То вдругъ могучій, черноокій,
На верфи съ топоромъ стоитъ.
Въ странѣ Голландіи далекой
Четыре мѣсяца онъ жилъ,
Пока умомъ своимъ глубокимъ
Детально дѣлъ ни изучилъ.
Оттуда въ Англію явился,
И тамъ безъ устали опять
Онъ днями цѣлыми трудился,
Чтобъ все узнать и все понять.
Но время мчится незамѣтно —
Вдругъ изъ Москвы нежданный слухъ,
Что бунтъ вновь непокорныхъ слугъ
Разросся тучею несмѣтной.

Спѣшитъ въ Москву царь-трудолюбецъ,
Но мечутъ огнь его глаза,
И онъ, совсѣмъ не честолюбецъ,
На тронъ идетъ, врагамъ гроза!
Въ Москву пріѣхалъ — бунтъ оконченъ,
Стрѣльцы разбиты — правый судъ
Для нихъ тяжелой карой конченъ,
И кипа дѣлъ пошла подъ спудъ.
Но недоволенъ царь допросомъ:
Изъ судныхъ дѣлъ не видѣлъ онъ,
Что, по таинственнымъ доносамъ,
Царевной сонмъ стрѣльцовъ смущенъ.
Онъ самъ допросы учиняетъ,
Невѣрныхъ слугъ своихъ казнитъ,
Участье Софьи обличаетъ
И снова местію разитъ.
Предъ кельей Софьи заключенной
Повѣсилъ до двухсотъ стрѣльцовъ, —
Ея поступкомъ раздраженный,
На страхъ таинственныхъ враговъ.
Царевну, съ именемъ Сусанны,
Постричь немедля приказалъ,
И смуты, и вражду прервалъ,
Давно минутою желанной.
Она же — въ кельѣ одинокой
1704. До самой смерти прожила,
И образъ власти, столь далекой,
Съ собой въ могилу унесла.

Свершивъ дѣла внутри страны,
И кончивъ брань междоусобья —
Царь жаждетъ съ Швеціей войны,
Ища себѣ морей раздолья.
Намъ нуженъ путь къ морскимъ брегамъ,
Свободы жаждетъ русскій житель,
И море грезится купцамъ,
Какъ жизни дивный обольститель.
Въ Воронежъ мчится русскій царь, —
Пріѣхалъ — радостно трепещетъ:
Предъ нимъ рѣки открыта даль,
И новый флотъ красою блещетъ.
Почти - что двадцать кораблей
Велѣнью царскому покорны,
И жаждутъ битвы грозныхъ дней,
И жаждутъ славы благородной.
Насталъ желанный, свѣтлый мигъ:
Чрезъ годъ самъ Петръ, флотильей правя,
Къ Царьградскимъ берегамъ проникъ,
Немало турокъ тѣмъ смущая.
Но не грозою Царь нашъ шелъ,
Посланникъ съ нимъ съ рѣчами мира,
И онъ сюда его привелъ
Для дружбы радостнаго пира.
Миръ заключенъ, — мечта Петра
Однако въ немъ не возсіяла,
И море Черное — Царя
Въ свои объятья не пріяло *).

*) Миссія посольства Украинцева заключалась въ томъ, чтобы получить свободный доступъ къ Черному морю, но Турція въ этомъ наотрѣзъ отказала.

Но лишь насталъ грядущій день —
Петръ объявилъ войну со шведомъ,
И снова брани грозной тѣнь
Легла межъ нами и сосѣдомъ.
Но русскій царь — онъ не одинъ
Съ могучимъ шведомъ биться хочетъ, —
За нимъ и Польши властелинъ
О помощи Петра хлопочетъ; —
Король и Даніи далекой
Войска въ подмогу намъ даетъ,
И Петръ, красавецъ черноокій,
На бой полки свои ведетъ.
Не дремлетъ Руси дивный геній,
И страхъ герою незнакомъ —
Онъ полонъ Вышняго велѣній
Въ своемъ порывѣ боевомъ.
Борьба нелегкая настала —
Предъ Руси ратью молодой
Бойцовъ прославленныхъ возстала
Твердыня съ славой вѣковой.
Еще безусый, но удалый,
Король*) съ воинственной душой,
Повелъ войска на бой кровавый,
Мечтая славой боевой.
Онъ къ Копенгагену явился,
Куда его никто не ждалъ...
Попавъ врасплохъ — король смутился,
Союзъ созданный разорвалъ.

*) Карлъ XII.

На русскихъ Карлъ теперь ударилъ
(Подъ Нарвой были мы тогда),
Но здѣсь постигла насъ бѣда,
И шведъ опять себя прославилъ.
Узнавъ о Нарвскомъ пораженьѣ
Въ унынье генiй не пришелъ,
Но слово здраваго сужденья
Въ своемъ величiи нашелъ.
Онъ говорилъ — еще не разъ,
Быть можетъ, врагъ восторжествуетъ,
И поколотитъ въ битвѣ насъ —
Пускай никто не протестуетъ.
Зато у нихъ же научиться
Сумѣемъ мы и побѣждать,
И врагъ не можетъ не смириться,
И нашей мощи не признать.
Кипитъ работа неустанно:
Колокола на пушки льютъ,
И неумолчно, безпрестанно,
Изъ пушекъ радостный салютъ *).
Наборы рекрутъ ежегодно
Неутомимый утвердилъ,
И этой мѣрою свободно
Онъ убыль войскъ возстановилъ.
Такой работы безпримѣрной
Явились быстрые плоды,
И шведъ, со славой неизмѣнной,
Побѣды отдалъ намъ бразды.

*) Каждая отлитая пушка подвергалась испытанiю.

У мѣстечка Эрестфера
Шереметевъ ихъ разбилъ,
Доказавши для примѣра,
Что Россія — не безъ силъ.
Торжествуетъ Петръ державный,
Шереметевъ — награжденъ,
Жезлъ фельдмаршальскій, столь славный,
Былъ царемъ ему врученъ.
Вслѣдъ и орденъ *) учрежденный
Побѣдитель получилъ,
И камнями испещренный
Свой портретъ царь Петръ вручилъ.
Торжествуетъ градъ престольный,
Звонъ во всѣ колокола,
Залпы пушекъ, пиръ застольный —
Все побѣда создала.
Послѣ радостной побѣды
Ободрилась наша рать,
Пораженья терпятъ шведы,
Время, значитъ, начинать!
И пошелъ самъ Петръ на крѣпость,
По прозванью Нотебургъ;
Быстрота, — геройство, смѣлость,
Взялъ, назвавши Шлиссельбургъ **).
Пала крѣпость, а за нею
И послѣдній ихъ оплотъ
Покорился чародѣю,
Побѣдившему и флотъ.

*) Андрея Первозваннаго, только что учрежденный.
**) Т.-е. ключъ — городъ, посредствомъ котораго надѣялся отпереть входъ въ Балтійское море.

Въ морѣ шведская эскадра,
Сдачи крѣпости не ждя,
Подвозила имъ для кадра
Войска на два корабля.
Отдѣлившись отъ флотильи
Корабли пришли къ Невѣ;
Не спросивъ совѣтъ Севильи
Колыхалися во тьмѣ.
Ночь темна, луна на небѣ
Яркимъ блескомъ не горитъ,
И съ мечтой о пылкомъ фебѣ
Въ дремѣ сладкой полуспитъ.
Но не дремлетъ русскій геній,
Караулитъ шведовъ онъ;
Съ нимъ и Менщиковъ — сомнѣній
Вѣрный витязь отрѣшенъ.
Съ ними два полка могучихъ
Новой гвардіи сидятъ,
На волнахъ Невы зыбучихъ
Тихо къ кораблямъ спѣшатъ.
Пробудились поздно шведы,
Пушекъ залпы раздались,
Но у насъ вѣнецъ побѣды,
Въ гости къ нимъ мы забрались.
Самъ служа своимъ примѣромъ
Царь все время впереди,
И своимъ поступкомъ смѣлымъ
Указуетъ всѣмъ пути.

Взяли въ плѣнъ суда мы шведа,
Торжествуемъ безъ конца:
Это первая побѣда
Въ морѣ русскаго бойца.
Завладѣвъ Невы брегами
Петръ тамъ крѣпость заложилъ*),
Самъ работалъ топорами,
Самъ съ рабочими тамъ жилъ**).
Порѣдѣлъ дремучій лѣсъ,
И осушены болота;
Появился градъ чудесъ,
Царя-плотника забота.
Петербургомъ градъ назвался;
Петръ его такъ полюбилъ,
Что сюда жить перебрался,
Здѣсь столицу учредилъ.
Быстро городъ тотъ разросся
И торговымъ пунктомъ сталъ,
Духъ Петра надъ нимъ вознесся,
Солнцемъ яркимъ заблисталъ.
Прибалтійскій край за этимъ
Шереметевъ покорялъ,
И изрядно, мы отмѣтимъ,
Этотъ край опустошалъ.
Дерптъ и Нарва взяты были;
Штурмы — очень тяжелы;
Долго, долго не забыли
Мы тѣхъ ужасовъ войны.

*) Петропавловская, на островѣ Люстъ-Эландѣ (веселый островъ), принадлежащемъ теперь къ Петербургской сторонѣ.

**) Въ домикѣ изъ 4-хъ комнатъ, недавно сгорѣвшемъ.

Этимъ временемъ Карлъ шведскій
Въ Польшѣ Августа громилъ,
И потѣхой молодецкой
Цѣлый свѣтъ онъ удивилъ.
Петръ въ трудахъ военной брани,
Врагъ побѣдный передъ нимъ.—
Хочетъ славы онъ и дани,
Хочетъ властвовать надъ нимъ.
Въ это время дерзновенный *)
Смуту вздумалъ учинить,
И рукой своей бездѣльной
Сталъ мечемъ Петру грозить.
Бунтъ внутри, война со шведомъ,
Что-же дѣлать — Петръ рѣшилъ
Положить конецъ всѣмъ бѣдамъ:
Карлу миръ онъ предложилъ.
И не многаго онъ проситъ:
Въ морѣ **) — гавань лишь одну,
Пусть туда волна заноситъ
Нашу скромную ладью.
Но на это предложенье
Карлъ поспѣшно отвѣчалъ,
Что отдалъ распоряженье,
Дабы Шпарръ ***) въ Москву скакалъ.
Губернаторомъ онъ будетъ
Въ вашей Матушкѣ-Москвѣ,
Пусть столица позабудетъ
О Петрѣ, своемъ царѣ.

*) Атаманъ Булавинъ, поднявшій донскихъ казаковъ противъ Петра и его новшествъ.
**) Въ Балтійскомъ.
***) Одинъ изъ генераловъ шведской арміи.

Но узнавъ рѣшенье шведа
Твердо Петръ тогда сказалъ,
И слова его отвѣта
Свѣтъ на вѣки записалъ:
„Александромъ Македонскимъ
Братъ мой, Карлъ, желаетъ быть,
И съ своимъ онъ хочетъ войскомъ
Часть вселенной побѣдить.
Но не Даріемъ смиреннымъ
Я склонюся передъ нимъ;
Буду биться съ дерзновеннымъ
Жребій насъ разсудитъ съ нимъ“.—
Не вступая въ бой открытый
Петръ рѣшился отступать,
Но могучій, неразбитый,
Началъ все опустошать.
Пусть голодною страною
Карлъ ведетъ свои войска
Вдаль, гдѣ грезится Москвою
Море яркое огня.
Города, деревни, села
Яркимъ заревомъ горятъ,
И картиной невеселой
Шведовъ русскіе дарятъ.
А набѣги ихъ лихіе
На отряды удальцовъ
Шведамъ кажутся плохими
Нашихъ шутками бойцовъ.

Карлъ направился въ Украйну,
Но кругомъ него вездѣ,
Сохраняя молча тайну,
Степь голодная въ огнѣ.
Рать большая... недостатокъ
Сталъ во всемъ онъ ощущать;
Но успѣха есть задатокъ,
Чтобъ войскамъ не голодать.
Изъ Лифляндіи далекой
Левенгауптъ ужъ спѣшитъ
Въ край суровый и убогій,
И съ собой обозъ тащитъ.
Трудно было пробираться
Генералу черезъ насъ,
Надо было пробиваться,
На штыки итти не разъ.
Царь узнавши о движеньи
Левенгаупта — рѣшилъ
Дать ему одно сраженье,
Но едва не упустилъ.
Жидъ, подкупленный врагами,
Взялся быть проводникомъ,
И повелъ онъ насъ степями
Дальше шведскихъ войскъ тайкомъ.
Къ счастью — царь замѣтилъ скоро
Тотъ поступокъ хитреца;
Наказалъ, какъ должно, вора,—
Снова ловитъ бѣглеца.

Наконецъ, при переправѣ
У Лѣсной*) его схватилъ,
И въ воинственной забавѣ
Генерала побѣдилъ.
И обозъ, и артиллерія —
Все досталося Петру,
Унеслась лишь кавалерія,
Унося съ собой вражду.
Бѣглецомъ въ станъ королевскій
Левенгауптъ прискакалъ,
И про подвигъ молодецкій
Нашей рати разсказалъ.
Торжествуя ту побѣду
Петръ промолвилъ:—здѣсь числомъ
Мы впервой равнялись шведу —
Русскій взялъ его штыкомъ!
Но пока великій геній
Обезсиливалъ врага—
Снова вѣсть лихихъ волненій
Донеслась издалека.
Слухъ Мазепу**) называетъ
И измѣнникомъ клеймитъ;
Гетманъ Руси угрожаетъ,
И къ себѣ враговъ манитъ.
Опечаленъ безконечно
Этимъ слухомъ русскій царь:
Онъ довѣріемъ безпечно
Награждалъ Мазепу встарь;

*) Деревня при переправѣ черезъ рѣчку.
**) Гетманъ малороссійскій.

Даже Искру*), Кочубея**),
За доносъ — ему отдалъ,
И Мазепа, не жалѣя,
Ненавистныхъ растерзалъ***).
Но измѣнникъ былъ увѣренъ,
Что народъ пойдетъ за нимъ,
А народъ — остался вѣренъ,
Лишь отрядъ ничтожный съ нимъ.
На Украйну Карлъ явился,
Здѣсь надѣялся найти
Все, чѣмъ гетманъ такъ хвалился,
Но опять — кругомъ враги.
Только Сѣчь ему хотѣла
Саблей помощь оказать,
Но напрасно порадѣла:
Царь велѣлъ ее убрать.
И гнѣздо вражды, волненій,
Навсегда раззорено,
Дабы не было сомнѣній,
Что Петромъ усмирено.
Въ довершеніе несчастья
1708. Шведамъ голодъ угрожалъ,
И морозъ - трескунъ — участье
Съ нами въ битвахъ принималъ.
Карлъ хотѣлъ бы отступленья,
Миръ бы съ Русью заключить,
Но позоромъ — искупленья
Онъ не могъ себѣ купить.

*) Искра — полковникъ.
**) Кочубей — генеральный судья.
***) Незадолго до измѣны были присланы въ Москву доносы на Мазепу, но царь не повѣрилъ доносчикамъ и выдалъ ихъ Мазепѣ, а тотъ ихъ казнилъ.

1709. Наконецъ, весной къ Полтавѣ
Карлъ уставшій подступилъ,
И ее онъ, къ русской славѣ,
Войскомъ храбрымъ осадилъ.
Тамъ сидитъ полковникъ Келлинъ,
Храбрый воинъ, и ему
Небольшой отрядъ былъ ввѣренъ
По составу своему.
Но за нимъ вся Русь стояла,
Мощный духъ Петра въ немъ жилъ,
И на подвигъ окрыляла
Слава дѣдовскихъ могилъ.
Безуспѣшно шведы бьются,
Карлъ искусство истощилъ,—
И герои не сдаются,
И не меньше бранный пылъ.
Видя шведовъ утомленье
Подъ Полтавой—Петръ рѣшилъ,
Генеральное сраженье,
Чтобы споръ нашъ разрѣшилъ.
27 іюня 1709. Въ нашемъ войскѣ начинанья
Къ грозной битвѣ Карлъ узрѣлъ,
И горя огнемъ желанья
Двинуть онъ полки велѣлъ.
Затрещали барабаны,
Всколыхнулись знамена,
И подъ сѣнію Полтавы
Шведовъ двинулась стѣна.

Видитъ Петръ — минута бѣдствій
Настаетъ, иль торжества,
Съ сотней радостныхъ послѣдствій
Волей мощной Божества.
Петръ по фронту объѣзжаетъ,
Смотритъ радостно на всѣхъ,
Ихъ къ побѣдѣ поощряетъ,
Жаждя радостныхъ утѣхъ.
Говоритъ: „настало время
Намъ судьбу Руси рѣшить,
И войны суровой бремя
Битвой славной озарить.
За Петра вы не деретесь, —
Вы за родину свою
Въ этотъ часъ со шведомъ бьетесь
Въ семъ рѣшительномъ бою.
О Петрѣ должны вы вѣдать —
Жизнь ему не дорога,
Лишь бы Русь могла извѣдать
Гибель падшаго врага“.
Два часа бой жаркій длился;
Царь, король — примѣръ для всѣхъ; —
Каждый пламенно стремился
Къ міру славы и утѣхъ.
У Петра пробита шляпа,
Даже въ нѣсколькихъ мѣстахъ,
И сѣдлу нужна заплата —
Память о былыхъ бояхъ.

Карла, раненаго въ ногу,
На носилкахъ понесли,
Но и въ нихъ, по волѣ Бога,
Мы ядро приподнесли.
Карлъ на землю повалился,
Слухъ промчался, что убитъ;—
Весь отрядъ его смутился,
Въ страхѣ онъ отъ насъ бѣжитъ.
Поднятъ Карлъ, и видитъ бѣгство...
Шведы! Шведы!—возгласилъ,—
Но ни страхъ, ни раболѣпство
Ихъ порыхъ не прекратилъ.
Вслѣдъ за ними Карлъ помчался,—
Съ нимъ Мазепа, вѣрный другъ,
Что разсѣять въ немъ старался
Пораженія испугъ.
Торжествуетъ Петръ побѣду,
Бранный геній въ немъ утихъ —
Къ побѣжденному сосѣду
Всей душою онъ приникъ.
За столомъ, во время пира,
Онъ за шведовъ тостъ поднялъ,
И въ мечтѣ о счастьѣ мира
Доблесть ихъ провозглашалъ.
Вѣсть о подвигахъ Петровыхъ
Долетѣла до Москвы,
Гдѣ отъ этихъ дѣлъ достойныхъ
Мѣста нѣтъ и для тоски.

Восемь дней торжествовали...
Залпы пушекъ, звонъ въ церквахъ, —
Всѣ безумно ликовали
Съ рѣчью радостной въ устахъ.
Есть чему и веселиться:
Имя славное Петра
Всей Европою твердится,
Чтя россійскаго орла.
Со временъ полей Полтавы
Сѣверъ весь не признаетъ
Помертвѣвшей шведовъ славы,
Но Россіи гимнъ поетъ.
Слава, Петръ нашъ величавый,
Слава, геній вѣковой,
Что съ своей главою здравой
Русь прославилъ ты собой.
Вся Европа къ намъ склонилась,
И съ Петромъ союза ждетъ, —
Даже Австрія смирилась
И пословъ своихъ къ намъ шлетъ.
И побѣды воспѣвая
Снова въ битвы мы спѣшимъ:
Ревель, Ригу побѣждаемъ,
Выборгъ мы зовемъ своимъ.
А Курляндія вступаетъ
Въ узы тѣсныя родства,
И на брачный пиръ сзываетъ,
Правя свадьбу торжества*).

*) Петръ выдалъ за герцога Курляндскаго свою племянницу Анну Іоанновну.

Въ то же время Петръ старался
Градъ свой новый украшать,
И нисколько не стѣснялся
Всѣхъ вельможъ въ немъ водворять.
Сотни, тысячи онъ тянетъ
Изъ далекихъ областей,—
Быстро городъ заселяетъ
Сонмомъ призванныхъ людей.
Для защиты населенья,
Пусть всѣ въ градѣ мирно спятъ,
Онъ отъ вражьяго вторженья
Крѣпость выстроилъ Кронштадтъ.
На брегахъ красивыхъ Свири
Верфь онъ новую создалъ,
Корабли гнѣздо гдѣ свили,
Взоръ гдѣ царскій отдыхалъ.
Наконецъ, онъ Лавру строитъ,
Изъ Владиміра куда
Мощи Невскаго *) привозитъ,
Прославителя труда.
Между тѣмъ король бѣжавшій
Турокъ поднялъ противъ насъ,
И враждой къ Петру пылавшій,
Онъ привелъ враговъ въ экстазъ.
Триста тысячъ тѣ собрали
Все отборныхъ молодцовъ,
Окружить Петра желали
У Дунайскихъ береговъ.

*) Св. Александръ Невскій.

Окружили. — дѣло плохо,
Но на подкупъ царь пошелъ...
Визирь ихъ, по волѣ Бога,
Много злата пріобрѣлъ.
И на миръ онъ согласился,
Миръ для насъ былъ не тяжелъ:
Царь Азовомъ поплатился,
Укрѣпленья съ Дона свелъ.
Пропустить онъ обязался
Карла шведскаго домой, —
Тотъ чрезъ Русь спѣшить старался
Послѣ брани на покой.
Миръ подписанъ — отпустили
Насъ свободно уходить —
Мы знамена распустили,
Въ барабаны стали бить.
Стройно, точно на парадѣ,
Мимо турокъ мы прошли,
Но заслуженной награды
Изъ похода не несли.
Не теряя Карлъ надежды
Все въ Бендерахъ возсѣдалъ,
И султанъ, закрывши вѣжды,
Снова помощь обѣщалъ.
Наконецъ онъ здѣсь наскучилъ,
И султанъ ему сказалъ,
Чтобы больше онъ не мучилъ
И къ себѣ домой скакалъ.

Карлъ немедля удалился,
Но пока онъ здѣсь все ждалъ
И съ султаномъ лишь возился —
Петръ въ Россіи не дремалъ.
Укрѣплялся онъ на морѣ,
Всю Финляндію занялъ,
И свободный, на просторѣ,
Съ флотомъ по морю гулялъ.
Самъ въ сраженьѣ при Гангудѣ
Часть ихъ флота истребилъ,
И обломковъ въ цѣлой грудѣ
Многихъ храбрыхъ схоронилъ.
Островъ занялъ онъ Аландъ,
Водрузивъ тамъ флагъ побѣдный;
Руси доблестной Роландъ
Завершилъ свой путь завѣтный.
Но упрямство поражая
Сильныхъ нѣкогда враговъ —
Петръ, Стокгольму угрожая,
Снова во главѣ полковъ.
Дѣлать нечего — рѣшили
30 августа 1721. Шведы миръ съ нимъ заключить,
И въ Ништадтѣ предложили
Много русскимъ уступить.
Отданы по миру были
Часть Кореліи — и съ ней
Намъ и Ингрію вручили,
Не жалѣя, безъ затѣй.

И лифляндцы, и эстляндцы,
Были нам подчинены,—
Даже съ Выборгомъ финляндцы
Были здѣсь разлучены.
Торжествуетъ Русь побѣды,
Имя славится Петра;
Въ честь него даютъ обѣды,
Въ честь него кричатъ ура.
Нѣтъ достойному награды,
И поднесъ ему сенатъ,
Не за мирные парады,
А за дѣлъ великихъ рядъ —
Титулъ новый, титулъ славный,
Императора Руси,
Имъ заслуженный, желанный,
На его, творца, стези.
Вмѣстѣ съ этимъ и „Великій“
Также титутъ ему далъ,
И отнынѣ — „Петръ Великій“
Царство наше украшалъ.
Но Великій, геніальный,
Царь на лаврахъ не почилъ,
А собрался въ путь онъ дальній,
1722. На суда войска садилъ.
Внизъ Москвою и Окою
Въ Волгу-матушку пришелъ,
И великою рѣкою
Къ Прикаспію подошелъ.

Тамъ персидскій шахъ не въ силѣ
Нашихъ русскихъ защитить,—
Много ихъ легло въ могилъ,—
Мы пришли за нихъ отмстить.
Но едва мы появились —
Пали Тарки и Дербентъ;—
Персы русскимъ поклонились
За такой лихой моментъ.
Съ миромъ шахъ спѣшитъ покорно,
Намъ даетъ еще Баку;—
Астрабадъ, Гилянь проворно
Прибавляетъ онъ Петру.
Мысль завѣтная свершилась,
Царь пробился на Востокъ,
И Россія укрѣпилась
Съ царствомъ персовъ бокъ-о-бокъ.
Но не только пиръ кровавый
По Европѣ Петръ несетъ,—
Онъ своею мыслью здравой
Къ мирнымъ подвигамъ зоветъ.
Странъ далекихъ начинанья
Хочетъ онъ у насъ ввести —
Нужно намъ образованье,
Жизнью умственной цвѣсти.
Мы отстали отъ сосѣдей,
Мы для нихъ—лишь дикари;
Рядятъ въ бѣлыхъ насъ медвѣдей,—
Странны наши имъ цари.

Чтобы сблизиться съ Европой
Надо внѣшность измѣнить,
И разстаться съ модной робой,
И брады свои посбрить.
Непріятно то боярамъ,
Какъ разстаться съ стариной,
И заморскимъ обезьянамъ
Уподобиться собой.
Но Великій Петръ не шутитъ,
Самъ примѣръ всѣмъ подаетъ —
Непослушныхъ живо скрутитъ,
Самъ обрѣетъ, острижетъ.
Облачилась знать, боярство,
И въ кафтанахъ всѣ блестятъ,
Хоть боятся окаянства —
Въ царствѣ вѣчномъ не простятъ!
Грубы были наши нравы,
Петръ смягчить ихъ захотѣлъ,
И временъ былыхъ забавы
Замѣнить онъ повелѣлъ.
Вывелъ женщинъ изъ затвора,
Имъ являться приказалъ
Безъ малѣйшаго зазора
На пиры, придворный балъ...
Всѣмъ знакома ассамблея, -
Къ ней особенно царь строгъ,
И ослушныхъ, не жалѣя,
Не наказывать не могъ

Сарафаны, тѣлогрѣи,
На нѣмецкое смѣнилъ,—
Хоть не нравились затѣи —
Петръ себѣ не измѣнилъ.
Противъ брака ополчился,
Не велѣлъ его свершать,—
Коль женихъ не согласился,
Иль невѣста — не вѣнчать!
Строго съ Западомъ считаясь
Петръ рѣшилъ, чтобъ новый годъ,
1700. Январемъ бы начинаясь —
Декабремъ кончалъ свой ходъ.
А сентябрь, какъ было раньше,
Далъ бы мѣсто январю,
Ставъ немножечко подальше;
Такъ хотѣлося царю.
Въ отношеньи управленья
Петръ всему хотѣлъ придать
Больше силы единенья,
Чтобъ порядокъ поддержать.
Древней Руси онъ приказы
На коллегіи смѣнилъ,—
Каждой далъ свои указы,
Кругъ ихъ дѣлъ опредѣлилъ:
Такъ — коллегѣ иностранной
Иноземныя дѣла
Далъ онъ въ области пространной
Дабы всѣ она вела.

Управленье дѣломъ ратнымъ,
(Сухопутнымъ и морскимъ, —
Далъ онъ двумъ тогда другимъ*),
По значенію ихъ — равнымъ.
Власть судебная вмѣстилась
Въ ту коллегію-юстицъ**),
Правосудье гдѣ чинилось
Для Россіи разныхъ лицъ.
Для торговли царь назначилъ
Три коллегіи, и въ нихъ
Дѣлъ онъ много предоставилъ
Сухопутныхъ и морскихъ.
Тѣ коллегьи назывались:
Бергъ, коммерцъ, мануфактуръ —
Всѣ для промысла старались,
Совершая жизни туръ.
Государственнымъ доходомъ —
Камеръ***) вѣдать приказалъ; —
Соотвѣтственно — расходомъ
Штатсъ****) на то онъ назначалъ.
Все вершатъ въ коллегьяхъ вмѣстѣ
Члены, съ ними президентъ;
Большинствомъ гласовъ на мѣстѣ
Создавая прецедентъ.
И началъ коллегіальныхъ
Петръ повсюду не бѣжалъ;
Какъ разумныхъ, идеальныхъ,
Ихъ другимъ предпочиталъ.

*) Военная и Адмиралтейская.
**) Юстицъ - коллегія.
***) Камеръ - коллегія.
****) Штатсъ - коллегія.

Въ областное управленье
Тотъ же принципъ Петръ призвалъ;
Государство на губерній
Онъ двѣнадцать раздѣлялъ.
Губернатора назначилъ,
Но ландратовъ*) въ помощь далъ;
Губернаторъ съ ними правилъ,
Съ ними вмѣстѣ все рѣшалъ.
Наблюдать за ходомъ дѣла
Въ этихъ созданныхъ мѣстахъ —
Геній мощный, также смѣло,
Далъ сенатъ; въ его правахъ
Воплотилась думы царской
Сила власти и ума,
И временъ Руси боярской
Дума новая полна.
Но вначалѣ — назначенье
Онъ свое лишь выполнялъ
Въ дни, когда Руси правленье
Царь ему передавалъ;
Самъ же въ подвигахъ далекихъ
Отъ столицы онъ блуждалъ, —
Въ планахъ генія широкихъ,
Гдѣ Россію устроялъ.
И сенатъ съ походомъ Прутскимъ
Въ первый разъ вступилъ въ права,
Замѣнивши въ царствѣ русскомъ
Власть державнаго вождя.

*) Въ каждой губерніи дворяне выбирали ландратовъ (совѣтниковъ), которые составляли совѣтъ губернатора, а онъ являлся какъ бы президентомъ, имѣя два голоса.

Постояннымъ учрежденьемъ
Сталъ тогда младой сенатъ,
Лишь когда Петра велѣньемъ
1718. Былъ открытъ коллегій рядъ.
Тотъ законъ коллегіальный,
Что въ гражданскихъ ввелъ дѣлахъ,
Царь, поставя принципъ равный,
Въ Церковь ввелъ на тѣхъ правахъ.
1700. Патріархъ*), когда скончался,
Не назначенъ былъ другой;
Править церквью назначался
Лишь блюститель молодой**).
Титулъ данъ ему экзарха,
Патріархъ отжилъ свой вѣкъ,
И величья іерарха
Такъ лишился человѣкъ.
Тѣмъ экзархомъ былъ Яворскій,
Онъ любимцемъ слылъ Петра,
И его-то царь Московскій
Взялъ намѣстникомъ Христа.
Но настало скоро время,
И святѣйшій нашъ синодъ,
Въ руки взявъ правленья бремя,
Изъ духовныхъ взросъ особъ.
Въ немъ коллегіи начала
Процвѣтали, какъ вездѣ, —
Геній царскій величаво
Воспарялъ надъ нимъ извнѣ.

*) Андріанъ.
**) Стефанъ Яворскій.

Царь о рангахъ табель издалъ:
Въ ней онъ много измѣнилъ, —
И гражданскій чинъ онъ призналъ,
И военный учредилъ.
На четырнадцать онъ классовъ
Всѣхъ служащихъ раздѣлилъ,
И безъ нынѣшнихъ запасовъ
Съ ними къ службѣ приступилъ.
Кто въ военной службѣ чина
Офицерскаго достигъ —
Сталъ въ сословье дворянина,
Въ сферу высшую проникъ.
Чинъ восьмого класса, равно,
На гражданской — тѣ права
Далъ тому, кто такъ недавно
На дворѣ рубилъ дрова.
Для движенія по службѣ,
Повышенія въ чинахъ, —
Мѣста нѣтъ исконной дружбѣ —
Все и вся въ своихъ рукахъ.
Петръ способныхъ отмѣчаетъ
И, усердіе цѣня,
Онъ такихъ лишь отличаетъ,
Царской милостью даря.
Родъ незнатный, но способный —
Сталъ и Меншиковъ великъ,
И Шафировъ худородный...
Много-много и другихъ.

Самъ служа для всѣхъ примѣрно,
Петръ проходитъ всѣ чины —
Въ барабанъ онъ бьетъ отмѣнно,
Рать готовя для войны.
Заряжаетъ пушку смѣло,
Самъ наводитъ и палитъ,
И врага онъ самъ умѣло
Силой грозною разитъ.
За великій бой Полтавскій,
Геній царскій гдѣ парилъ —
Принялъ чинъ онъ генеральскій
И себя тѣмъ наградилъ.
При Гангудѣ за отличье,
Шведскій флотъ гдѣ былъ разбитъ,
Адмиральское величье*)
Самъ сенатъ ему даритъ.
Какъ на силу государства,
Взоръ на войско обратилъ,
И изъ прежняго бездарства
Къ новой жизни возродилъ.
До Петра ничтожна сила
Регулярныхъ войскъ у насъ, —
Лишь война полки сводила
Въ этотъ битвы страдный часъ.
И служилые**) тянулись
„Конны, людны и оружны",
Точно будто встрепенулись,
Зову царскому послушны.

*) За отличіе при Гангудѣ Петръ получилъ чинъ вице-адмирала.

**) На войну являлись помѣщики, или „служилые люди", пользовавшіеся за это помѣстьями. Въ зависимости отъ величины помѣстій служилые обязаны были приходить на войну съ большимъ или меньшимъ отрядомъ людей, снабженныхъ конями и оружіемъ („конны, людны и оружны").

Дальше — даточные люди
Пѣшимъ образомъ брели,
И склонивъ главы на груди,
Крестъ невольный сей несли.
Но едва война кончалась —
Рать немедленно домой
Царскимъ словомъ распускалась,
Впредь до жизни боевой.
И военной дисциплины
Не имѣла эта рать —
У нея свои причины:
Надо сѣять и пахать.
Часто многіе старались
Уклониться отъ войны, —
„Въ нѣтѣхъ“ *) многіе писались,
Отъ такой себѣ бѣды.
По природѣ очень храбрый —
Русскій — стоекъ не бывалъ
Тамъ, гдѣ вождь лихой и бравый,
Дерзко съ войскомъ насѣдалъ.
Вотъ причина пораженій
Въ чистомъ полѣ предъ врагомъ,
Нѣтъ гдѣ крѣпкихъ загражденій,
Окруженныхъ тѣсно рвомъ.
Но за крѣпостью, валами,
Какъ считалось издавна,
Можемъ биться мы съ врагами,
Сила ихъ намъ не страшна.

*) „Въ нѣтѣхъ“ — отъ слова нѣтъ, т.-е. не найденъ. Часто воеводы, обязанные призывать на войну, но подкупленные, — писали, что такого-то нѣтъ, не найденъ.

Примѣнялись мы и въ полѣ,
„Гуляй-городъ“ *) помогалъ,
Что, раскинувшись на волѣ,
Войско вражье отражалъ.
Недостаточность устройства
Очевидна и ясна,
И для личнаго спокойства
Рать иная намъ нужна.
Иноземцевъ мы на службу
Приглашали издавна, —
Имъ свою дарили дружбу...
Впрочемъ — это не бѣда.
Учатъ строю иноземцы
Нашихъ русскихъ молодцовъ,
Долго бьются съ ними нѣмцы, —
Нѣтъ, какъ нѣтъ, лихихъ полковъ.
Петръ направилъ это дѣло,
„Въ регулярныхъ“ все облекъ,
И могуче, и умѣло
Пользу изъ всего извлекъ.
Онъ рекрутскіе наборы
Ежегодно учредилъ,
И лихой вражды укоры
Недовольныхъ прекратилъ.
Всѣ дворяне непремѣнно
Съ дѣтства въ гвардію идутъ,
И до смерти, всѣ безсмѣнно,
Службу царскую несутъ.

*) Особаго рода укрѣпленія, быстро возводимыя и укрѣпляемыя, согласно требованіямъ того времени.

Послѣ смерти Петръ оставилъ
Двѣсти тысячъ тѣхъ полковъ,
И Россію въ рядъ поставилъ
Лучшихъ, избранныхъ бойцовъ.
Царь о флотѣ неустанно
Также думы напрягалъ,
И на верфи безпрестанно
Корабли онъ снаряжалъ.
Онъ въ наслѣдіе оставилъ
Сорокъ только кораблей;
Восемьсотъ сюда прибавилъ
Яхтъ, баркасовъ и ладей.
Обложилъ онъ всѣхъ „подушно“,
Не съ „земли“, какъ встарину,
И помѣщикъ равнодушно
Теребилъ съ крестьянъ казну.
Эту мѣру поневолѣ
Долженъ Петръ былъ примѣнить:
Нужны деньги, — гдѣ же, болѣ,
Могъ тогда онъ ихъ добыть.
Но объ участи крестьянства
Позаботиться успѣлъ: —
Не позволилъ, чтобъ дворянство
Продавало ихъ враздѣлъ *).
Запретилъ правежъ несчастнымъ,
Что, какъ гнетъ, на нихъ лежалъ,
И своимъ приказомъ властнымъ
Много пытокъ отмѣнялъ. **)

*) Т.-е. въ розницу, — дѣтей отдѣльно отъ родителей.
**) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ отмѣнилъ пытки.

Неустанно о наукѣ,
Самъ учась, все думалъ царь,
Прилагалъ къ тому онъ руки,
Какъ Великій Государь.
Въ залахъ башни*) одинокой
Школу новую завелъ, —
Не дьячекъ тамъ былъ убогій, —
Въ ней Магницкій**) дѣло велъ.
1715. Петръ морскую академью***)
Въ Петербургѣ учредилъ,
И былому неумѣнью
Путь наукой преградилъ.
По провинціи онъ создалъ
„Цифирныхъ" премного школъ; —
Въ нихъ дѣтей дворянскихъ отдалъ, —
То-то здѣсь пошелъ расколъ!
Безъ свидѣтельства жениться
Царь сурово запретилъ, —
Значитъ — надо поучиться...
Всякій въ школу поспѣшилъ.
Ежегодно за границу
Царь учиться отправлялъ, —
Возвратившимся въ столицу
Самъ экзаменъ учинялъ.
Не забывъ про духовенство
Онъ епископамъ сказалъ,
Чтобъ при нихъ, для совершенства,
Храмъ науки процвѣталъ.

*) Сухарева башня.
**) Магницкій — любимецъ Петра, сочинитель первой ариѳметики на русскомъ языкѣ съ арабскими цифрами.
***) Переименованную при Елисаветѣ въ Морской корпусъ.

Пусть священниковъ готовятъ,
Къ богословію придавъ
Рядъ наукъ, гдѣ не позволятъ
Быть невѣждою безъ правъ.
На торговлю царь пытливо
Взоръ свой свѣтлый обратилъ,
И она пошла ретиво
Подъ эгидой высшихъ силъ.
Раньше — плохи и дороги,
И удобныхъ нѣтъ портовъ;
По Днѣпру — лежатъ пороги,
Нѣтъ проѣзда для купцовъ.
Сразу поднялъ Петръ торговлю,
Прибалтійскій край забравъ:
Смѣло руссъ идетъ на ловлю,
Цѣпи прежнія порвавъ.
Въ новой гавани любимой *)
Иностранныя суда,
Размѣстившись прихотливо,
Развернули паруса.
Петръ ихъ весело встрѣчаетъ,
Взоръ любовію горитъ, —
Царь пріѣзжихъ награждаетъ,
Златомъ, серебромъ даритъ.
Водный путь къ Каспію новый
Петръ Великій учредилъ,
И рѣчной системой **) строгой
Онъ моря соединилъ.

*) Петербургъ.
**) Вышневолоцкая система, связывающая Балтійское море съ Каспійскомъ.

Началъ также онъ умѣло
Строить Ладожскій каналъ,
Но закончить это дѣло
Жизни Богъ ему не далъ.
Строилъ фабрики, заводы,
Самъ повсюду поспѣвалъ,
И казны своей доходы
Щедро имъ распредѣлялъ.
Много геній потрудился,
Много онъ Россіи далъ,
Но не разъ съ расколомъ бился
И душой своей страдалъ.
Даже сынъ, его наслѣдникъ,
Чуждъ былъ генія отца,
И рутины проповѣдникъ
Былъ лишенъ царей вѣнца.
Но намѣченной дорогой
Неуклонно Петръ идетъ,
И его ль враждой убогой
Кто-нибудь съ нея смететъ?
Но подъ тяжестью безмѣрной
Царь здоровье потерялъ,
И душой нелицемѣрной
Отъ недуговъ онъ страдалъ.
И тогда, когда невзгоды
Изнуряли плоть его,
Онъ средь бури, непогоды —
Не страшился ничего.

Разъ въ заливѣ подлѣ Лахты
Онъ замѣтилъ, какъ волна,
Словно щепку, бросивъ яхту,
Та солдатами полна, —
Потопить ихъ всѣхъ хотѣла,
Злобой дикою кипя,
Но смутилась, не успѣла,
Предъ Великимъ отступя.
Царь, здоровья не жалѣя,
Даже жизни не щадя,
Лишь любовно пламенѣя,
Въ воду ринулся; — спустя
Лишь минуту — всѣ стояли
Предъ спасителемъ своимъ,
Его имя прославляли,
Онъ — дарилъ улыбку имъ.
Подвигъ доблестный спасенья
Силу царскую сломилъ,
Нездоровьемъ опасенье
Онъ врачамъ своимъ внушилъ.
Но усилья не напрасны, —
Петръ Великій вновь здоровъ,
И на подвиги опасны
Онъ, могучій, вновь готовъ.
Здѣсь Крещенье подвернулось,
Водосвятье и парадъ;
Вновь здоровье пошатнулось,
Хоть Великій и не радъ.

Какъ ни бился, но не въ силѣ
Встать съ постели Великанъ,
28 янв. 1725. И нашелъ покой въ могилѣ,
Властью Высшею призванъ.
Закатилось безвозвратно
Солнце Руси молодой,
Что блистало намъ стократно
Вѣковѣчною красой!
Умеръ царь, — ему наслѣдникъ
Не былъ имъ самимъ избранъ;
Кто же будетъ здѣсь преемникъ,
Небомъ будетъ кто посланъ?
И рѣшили Алексѣя
Сына юнаго избрать*);
Тоже Петръ, — ему, радѣя,
Царство русское отдать.
Но Сенатъ, Синодъ, гвардейцы,
Всѣ сподвижники Петра —
Не приверженцы младенца,
И далекъ онъ отъ двора.
Имъ желательно иное,
Имъ нужна царя жена,
Что съ „Великимъ" дорогое
Время мирно прожила.
И за тронъ Екатерины
Силой дружною возстать,
Поднялися исполины
Всѣ начавъ ей присягать.

*) Сына Алексѣя Петровича 10-тилѣтняго Петра.

Такъ объявлена царицей
Черноокая жена,
И надъ новою столицей
Власть ея водворена.
Передъ нею неотступно
Въ мысляхъ Витязь дорогой:
Всѣ завѣты ей онъ купно
Передалъ, какъ образъ свой.
1725 — 1727. И царица объявила,
Что путемъ его пойдетъ:
1726. Академію открыла*),
Гдѣ наука тронъ займетъ;
Дочь Петра, царевну Анну,
Замужъ выдала**) — опять
Все стараясь неустаннно
Нить Петрову продолжать.
Но совѣтъ ей дерзновенный
Честолюбецъ***) преподалъ,
И надежды сокровенной
Онъ Петра не оправдалъ.
Все значеніе Сената
Вдругъ царица отняла,
И коллегіи палата
Власть иную приняла.
Называться нынѣ стала
Не Сенатъ, а лишь „Совѣтъ“ ****),
И къ Совѣту пріобщала
Слово „тайный“; — спора нѣтъ, —

*) Мысль объ открытіи Академіи наукъ принадлежитъ Императору Петру Великому, но исполненіе ея — Императрицѣ Екатеринѣ I.

**) За Герцога Голштинскаго, объявленнаго Петромъ женихомъ своей дочери.

***) Меншиковъ.

****) Верховный Тайный Совѣтъ. Екатерина объявила себя президентомъ Совѣта, а Меншикова — его первымъ членомъ.

Былъ онъ „тайный“ и „верховный“,
И сидѣли въ немъ тогда
Не Сената штатъ огромный,
Лишь сановниковъ среда.
Было ихъ всего немного,
Но важнѣйшія дѣла,
Волей царскою и Бога,
Эта горсть людей вела.
А надъ ними первымъ членомъ
Хитрый Меншиковъ стоитъ,
И въ сознаніи умѣломъ
Самъ собою все вершитъ.
Нѣтъ предѣла честолюбью,
Хочетъ Герцогомъ онъ быть,
И любитель властолюбья,
Надъ Курляндіей царитъ.
Но курляндцы отказали:
Онъ не нѣмецъ, вѣры чуждъ;
Развѣ бъ могъ онъ, коль избрали,
Полонъ быть ихъ мѣстныхъ нуждъ.
Не успѣвъ въ желаньи этомъ
Онъ задумалъ планъ иной,
И къ царицѣ тутъ съ привѣтомъ
Подошелъ, склонясь главой.
Тамъ онъ выразилъ надежды,
Что когда, помилуй Богъ,
Надлежитъ закрыть ей вѣжды,
Въ вѣчность преступя порогъ, —

1727 — 1730.

Ей наслѣдуетъ, безспорно,
Юный Петръ; ему жена
Пусть является законно
Князя*) дочь, что рождена
Быть царицей воспитаньемъ,
И умомъ, и красотой,
И безмѣрнымъ обожаньемъ
Подъ стыдливою фатой.
Все свершилось по желанью,
И царица, подъ конецъ,
Подчинясь его вліянью —
Завѣщаетъ свой вѣнецъ
Внуку царственнаго мужа,
Князю юному — Петру,
И подругу жизни ту же
Въ пожеланьи дать ему.
Умерла Екатерина;
Снова Меншиковъ могучъ,
И былого исполина
Не страшится грозныхъ тучъ.
Молодъ царственный властитель,
Юнъ онъ тѣломъ и душой,
И надъ нимъ не повелитель —
Мужъ подвластный, но большой.
Изъ дворца къ себѣ въ палаты
Перевесть царя успѣлъ,
Вмѣстѣ ходитъ на парады,
Отстранилъ совсѣмъ отъ дѣлъ.

*) Меншикова.

Съ старшей дочерью своею
Обручить Петра спѣшитъ,
И никѣмъ, какъ только ею,
Взоръ царя не веселитъ.
Но своимъ высокомѣрьемъ
Нажилъ Меншиковъ враговъ,
Что прикрывшись лицемѣрьемъ
Тяготѣли тѣхъ оковъ.
Остерманъ былъ самый страшный;
Долгорукіе-князья, —
Совершая путь опасный,
Были вѣрные друзья.
Молодой князь Долгорукій
Былъ любимцемъ у царя;
Временщикъ же близорукій
Пренебрегъ красавцемъ зря.
Князъ Иванъ царю внушая
Мысль такую проводилъ,
Что не даромъ, ублажая,
Временщикъ Петру служилъ.
Царь далекъ отъ управленья, —
Всюду Меншиковъ вершитъ,
И по волѣ Провидѣнья
Словомъ царскимъ все творитъ.
Какъ бы не было опасно
Самовластіе его,
И не въ мѣру ль, не напрасно,
Цѣнитъ мужа своего?

Подъ вліяніемъ навѣтовъ
Палъ могучій временщикъ,
Для полезныхъ же совѣтовъ
Долгорукихъ родъ проникъ.
Но преслѣдуя, конечно,
Цѣли только для себя, —
Привезли въ Москву безпечно
Безпечальнаго царя.
Здѣсь онъ тѣшится охотой,
Бросивъ царственны дѣла,
Лишь одной его заботой
Жизнь привольная была.
Долгорукіе ликуютъ:
Царь съ княжною обрученъ*),
И заранѣе трактуютъ —
Чѣмъ кто будетъ награжденъ.
Но по волѣ Провидѣнья
Петръ простуду получилъ,
Въ водосвятье, на Крещенье;
1730. Вскорѣ — мирно опочилъ.
Умеръ Петръ безъ завѣщанья,
И верховники, тотчасъ,
Собрались для совѣщанья
Предрѣшить Россіи часъ.
На престолъ царей свободный
Надо выбрать, но изъ тѣхъ,
Кто наслѣдникъ былъ законный,
Чтобъ царить могъ безъ помѣхъ.

*) Екатерина, сестра князя Ивана Долгорукаго, любимца Царя.

1730 – 1740.

Но при этомъ порѣшили
Ограничить власть царя,
Чтобъ верховники служили,
Силу прежнюю храня.
На престолъ избрали Анну,
Какъ племянницу Петра*).
И царицу ту избранну
Ждутъ для русскаго двора.
Снарядили съ этой цѣлью
Долгорукова**) послать,
Наказавъ, что колыбелью
Царства — могъ Москву назвать***),
И условья предложили,
Ихъ должна имъ подписать,
Чѣмъ себя они спѣшили
Власти царской ограждать.
Въ этомъ замыслѣ лукавомъ
Мысль таилась только та,
Что въ избраніи нежданномъ
Все подпишетъ имъ она.
И хотѣли, чтобъ нежданно,
Ихъ посолъ явился къ ней,
И избранница, случайно,
Не узнала ихъ затѣй.
Но желая подслужиться,
Ягужинскій****), Левенвольтъ*****),
Что успѣли подружиться, —
Ей открыли этотъ вольтъ.

*) Анна Іоанновна, племянница Петра Великова, Герцогиня Курляндская.
**) Князь Василій Лукичъ Долгорукій.
***) Резиденція Императрицы — непремѣнно Москва.
****) Генералъ - прокуроръ Сената.
*****) Баронъ Левонвольтъ — Курляндскій резидентъ при русскомъ дворѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтъ ей дали
Все, немедля, подписать,
И надежду предпослали,
Можно, де, потомъ порвать.
Анна такъ и поступила,
Все, немедля, подписавъ,
И къ престолу поспѣшила,
Власть ей данную пріявъ.
Но „условій“ для царицы
Здѣсь не всякій раздѣлялъ;
„Самодержцу“ быть въ столицѣ,
Такъ народный гласъ вѣщалъ.
Депутаты отъ дворянства
Къ ней проникли во дворецъ,
И крамольныхъ окаянству
Положили здѣсь конецъ.
Адресъ ей преподнесенный
Отъ народа, говорилъ:
„Самодержицей законной
Богъ тебя благословилъ.
Царствуй нами, по примѣру
Добрыхъ предковъ старины,
И условья изувѣру
Ты, избранница, верни“.
Анна тотчасъ приказала
Тѣ условья принести,
И немедля разорвала,
Не желая ихъ блюсти.

Вслѣдъ за тѣмъ короновалась
Самодержицей она,
Въ Петербургъ жить перебралась...
Опустѣла вдругъ Москва.
Былъ Совѣтъ *) ей уничтоженъ,
Вмѣсто — созданъ „Кабинетъ“;
Кабинетъ-министръ здѣсь долженъ,
Какъ въ Совѣтѣ, дать совѣтъ.
Блескъ престола окружали
Иноземцевъ большинство;
Цвѣтъ сановный составляли,
Славя власти торжество.
Остерманъ здѣсь былъ и Минихъ,
Левенвольтъ былъ и Ласси,
Но могучѣй этихъ сильныхъ
Былъ Биронъ, гроза Руси.
Не угоденъ сталъ народу
Честолюбецъ молодой,
Что порой себѣ въ угоду
Издѣвался надъ толпой.
Недоимки онъ нещадно,
Безъ разбора собиралъ;
Получивъ тѣ деньги—жадно
На себя лишь расточалъ.
Даже создалъ канцелярью
Недоимки собирать,
И по злобному желанью
Стали мучить и пытать.

*) Верховный Тайный Совѣтъ.

И пошелъ по Руси ропотъ,
Всѣ клянутъ временщика;
До него донесся шепотъ,
И шумитъ издалека.
Вкругъ Бирона шайкой цѣлой
Рой шпіоновъ размѣщенъ,
И доносомъ, и измѣной
Русскій людъ закрѣпощенъ.
Много сосланныхъ, убитыхъ,
Много доблестныхъ родовъ,
Обездоленныхъ, забытыхъ
Стонутъ въ тяжести оковъ *)!
Въ сонмѣ подвиговъ военныхъ
Минихъ храбрый процвѣталъ,
И въ походахъ дерзновенныхъ
Руси славу укрѣплялъ.
1733. Въ польшѣ онъ съ Лещинскимъ бьется,
Бывшимъ польскимъ королемъ,
И за Августа дерется,
Подкрѣпляя власть огнемъ **).
Вскорѣ русская держава
Вмѣстѣ съ Австріей, вдвоемъ, —
На турецкаго султана
1736. Ополчилася мечомъ.
Минихъ войскомъ руководитъ,
Перекопъ могучій взялъ;
Ласси страхъ собой наводитъ
У Азова, гдѣ стоялъ.

*) Особенную жестокость проявилъ Биронъ въ отношеніи семьи князей Долгорукихъ.

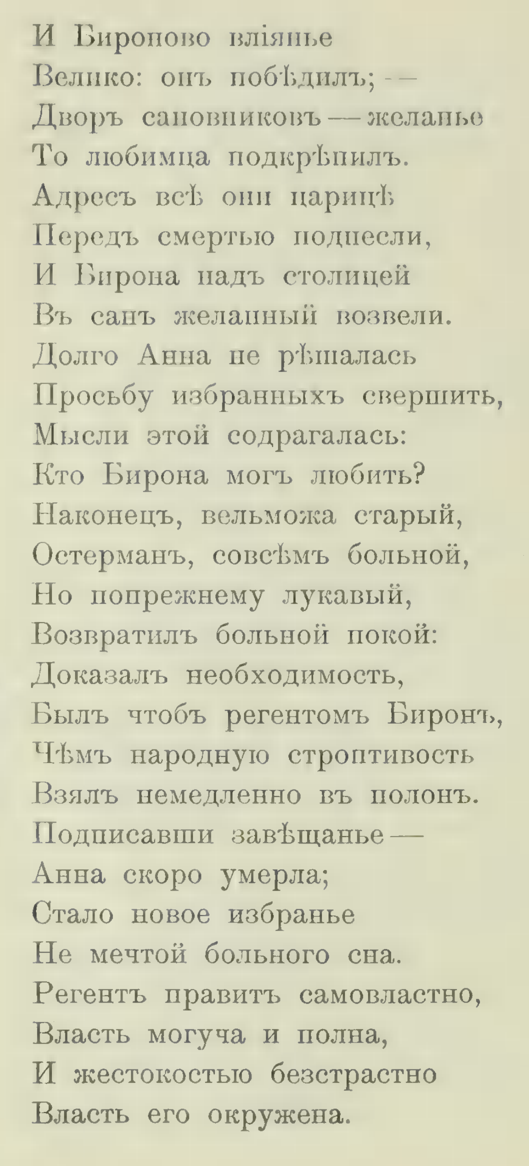
**) Послѣ смерти польскаго короля Августа II, Россія хотѣла видѣть его преемникомъ сына его, Августа III, но Франція приняла сторону бывшаго короля Станислава Лещинскаго. Благодаря войскамъ Россіи, подъ начальствомъ Миниха, Станиславъ бѣжалъ, а поляки признали королемъ Августа III.

Крѣпость пала, уступая
Русской силѣ торжеству,
Власть султана устраняя
Въ службѣ русскому орлу.
Минихъ хочетъ полуостровъ
Весь Россіи покорить,
И, оставя бренный остовъ,
Крымъ навѣки усмирить.
Но болѣзни помѣшали,
Къ нимъ и голодъ подоспѣлъ,
И войска его страдали,
Съ нимъ дѣля судьбы удѣлъ.
Онъ въ Россію возвратился,
Но недолго отдыхалъ;
Снова къ Крыму устремился,
Снова турокъ побѣждалъ.
Взялъ Очаковъ укрѣпленный,
Побѣдилъ и Ставучанъ
И, успѣхомъ ободренный,
Хотинъ взялъ у басурманъ.
Но австрійцы неуспѣшно
Помогаютъ намъ въ бояхъ, —
Заключаютъ миръ поспѣшно:
Надоѣло жить въ степяхъ.
Вслѣдъ и русская держава,
1739. Миръ въ Бѣлградѣ заключа,
Умалила долю славы
Молодецкаго плеча*).

*) Благодаря Бирону Россія не пріобрѣла почти ничего по Бѣлградскому миру, турки же получили назадъ всѣ завоеванныя крѣпости и обязались срыть только одни Азовскія укрѣпленія.

Но пока война кипѣла,
Прославляя нашу рать, —
То царица все хирѣла, —
Видно ей уже не встать!
Надо думать о престолѣ,
Завѣщанье написать
И иной державной волѣ
Тронъ россійскій передать.
И царица порѣшила
Власть отца потомкамъ дать,
А Петровыхъ устранила, —
Имъ о царствѣ не мечтать!
У сестры самой царицы *)
Дочь, племянница, была,
И ее она за принца
Брауншвейга отдала **).
Послѣ брака сынъ явился,
Іоанномъ былъ названъ, —
И теперь, хоть россъ дивился,
Былъ наслѣдникомъ призванъ.
Вдругъ съ царицею припадокъ
Приключился, и Биронъ,
Видя силъ ея упадокъ,
Передъ ней такой взялъ тонъ:
„Молодъ будущій властитель,
Регентъ долженъ быть надъ нимъ,
Чтобы могъ, какъ повелитель,
Править царствомъ онъ одинъ".

*) Сестры Екатерины, бывшей за Герцогомъ Мекленбургскимъ.
**) За Брауншвейгскаго принца Антона Ульриха.

И Биропово вліянье
Велико: онъ побѣдилъ; —
Дворъ сановниковъ — желанье
То любимца подкрѣпилъ.
Адресъ всѣ они царицѣ
Передъ смертью поднесли,
И Бирона надъ столицей
Въ санъ желанный возвели.
Долго Анна не рѣшалась
Просьбу избранныхъ свершить,
Мысли этой содрагалась:
Кто Бирона могъ любить?
Наконецъ, вельможа старый,
Остерманъ, совсѣмъ больной,
Но попрежнему лукавый,
Возвратилъ больной покой:
Доказалъ необходимость,
Былъ чтобъ регентомъ Биронъ,
Чѣмъ народную строптивость
Взялъ немедленно въ полонъ.
Подписавши завѣщанье —
Анна скоро умерла;
Стало новое избранье
Не мечтой больного сна.
Регентъ правитъ самовластно,
Власть могуча и полна,
И жестокостью безстрастно
Власть его окружена.

1740 1741.

Но народъ его не любитъ:
Ропотъ всюду и вездѣ,
И враговъ своихъ опъ губитъ,
И въ палатахъ, и въ избѣ.
Скоро заговоръ явился,
Но Биронъ всѣхъ усмирилъ,
И побѣдою кичился,
И виновныхъ кровь пролилъ.
Не любовь въ среду народа,
Ужасъ онъ хотѣлъ вселить;
Жизни бурная невзгода
Не его должна сломить!
Всюду въ городѣ шпіоны
Бродятъ хищною толпой,
И кругомъ народа стопы
Подъ Бироновой стопой.
Наконецъ, фельдмаршалъ Минихъ
Вновь Россіи удружилъ,
И отъ ужасовъ великихъ
Вмигъ одинъ освободилъ.
Поздно ночью онъ съ отрядомъ
Вѣрныхъ, любящихъ солдатъ —
Во дворецъ прокрался садомъ,
Обошедши стражи рядъ.
Тамъ властителя Бирона
Онъ нежданно захватилъ,
И изъ храма Пантеона
Въ Шлиссельбургъ вдругъ водворилъ.

Послѣ былъ оттуда сосланъ
Въ Пелымъ онъ съ своей семьей,
И ему Всевышнимъ посланъ
Жребій съ тяжкою судьбой.
Вслѣдъ за симъ — правленье Анна
Леопольдовна взяла;
Старца, вѣчно благодарна,
Въ санъ министра возвела *).
Но недолго Минихъ служитъ:
Недовѣрье онъ внушилъ,
И правительница тужитъ,
Что хитрецъ ей власть вручилъ.
Видя явно охлажденье
Онъ въ отставку подаетъ, —
Но съ уходомъ къ улучшенью
Дѣло вовсе не идетъ.
Появился тутъ посланникъ
Отъ Саксонцевъ, графъ Линаръ,
Но не дѣло, только праздникъ,
Аннѣ ловкій гость внушалъ.
Видя дѣла замиранье,
Стали думать и гадать —
Какъ-бы новое избранье
Новой силой возсоздать.
Ужъ давно народа взоры
Привлекаетъ ясный взглядъ,
Шля заслуженны укоры
Укрѣпителямъ преградъ.

*) Минихъ былъ назначенъ первымъ министромъ.

Знаютъ всѣ Елизавету,
Дочь Великаго Петра,
Но она не въ блескѣ свѣта, —
Не пришла ея пора!
Назначая на наслѣдье
Коронованныхъ царей,
Всѣ обходятъ назначеньемъ
Эту дочь богатырей.
При дворѣ Елизаветы
Врачъ французскій проживалъ,
И свои, Лестокъ, совѣты
О престолѣ ей внушалъ.
Наконецъ, на убѣжденья
Дочь Петрова подалась, —
И безъ мысли отступленья
Въ путь опасный собралась.
Въ ночь ноябрьскую, глухую,
Страхъ невольный затая, —
Появилась въ удалую
Рать могучаго царя.
Преданъ полкъ Преображенскій,
Дочь Петра для нихъ законъ,
И служить подъ властью женской
Онъ мечтою увлеченъ.
А царевна молодая,
Съ ней сподвижниковъ ряды,
Ко дворцу во тьмѣ шагая
Власти брать идетъ бразды.

1741 — 1761.

Увѣнчалось дѣло лихо,
Безъ борьбы и безъ труда;
Удалилась Анна тихо,
Но печальна и грустна.
Дочь Петра, Елизавета,
Царство дѣдовъ приняла,
И изгнанника - аскета
Маску скромную сняла.
А младенецъ императоръ
Въ Шлиссельбургъ былъ заключенъ,
И ему тамъ изоляторъ
Былъ пожизненно врученъ.
Тамъ и умеръ одиноко,
А родители его
Были сосланы далеко,
Безъ величья своего *).
Нѣтъ ни пытокъ, истязаній,
Кровью тронъ не обагренъ,
И великихъ начинаній
Свѣтлый путь не омраченъ.
Иноземнаго вліянья
Нѣтъ у русскаго двора,
И лишь къ русскимъ обаянье
Видно въ дочери Петра.
Чтя исконные завѣты
Доброй русской старины, —
Отстранила всѣ совѣты
Нѣмцевъ, Польши и Литвы.

*) Отправлены въ Холмогоры.

Разумовскіе два брата *)
И Шуваловы въ чести...
Вотъ, кѣмъ Русь была богата,
Службу кѣмъ могла нести.
И Бестужевъ - Рюминъ **) смѣло
Могъ тамъ первенство занять,
И политикой умѣло
Честь Россіи охранять.
Иностранныхъ начинаній
Волей царской не терпя,
Все полно иныхъ желаній,
Мысли къ прежнему неся.
Кабинетъ министровъ смѣло
Былъ царицей упраздненъ,
И сенатъ, отцово дѣло,
Былъ ей свѣту возвращенъ.
Изъ далекихъ мѣстъ Сибири
Много ссыльныхъ возвратя, —
Поселила тамъ, гдѣ жили,
Службу царскую неся.
Много знатныхъ иноземцевъ
Изъ Россіи прочь спѣшатъ, —
И не любятъ въ царствѣ нѣмцевъ,
Службой ихъ не дорожатъ.
Самъ Лестокъ, вначалѣ сильный,
Сосланъ былъ потомъ въ Устюгъ,
И карманъ его обильный
Послѣ ссылки сталъ не тугъ.

*) Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, первый сановникъ при ея дворѣ, былъ изъ простыхъ казаковъ возведенъ въ графское достоинство, назначенъ фельдмаршаломъ. Братъ его, Кириллъ, получилъ образованіе за границей, и вернувшись оттуда былъ назначенъ президентомъ Академіи Наукъ и избранъ Малороссійскимъ гетманомъ. Оба не имѣли вліянія на государственныя дѣла.

**) Канцлеръ.

Съ шведомъ распрю продолжая,
Русскій штыкъ возликовалъ; —
Миръ въ Або съ врагомъ свершая,
Земли новыя пріялъ *).
Сѣя всюду просвѣщенье,
Петръ Россіи далъ толчокъ,
И ее, полну стремленья,
Удержать никто не могъ.
Ни двора перевороты,
Ни Биронъ съ его враждой, —
Не могли сломить работы
Мысли съ царственной душой:
Всюду слышатся запросы
Пищи здраваго ума, —
Жаждутъ знанья нынѣ россы,
Пробужденные отъ сна.
Имъ навстрѣчу геніальный
Самъ Шуваловъ **) поспѣшилъ, —
Просвѣщенья идеальный **)
Планъ, какъ могъ, осуществилъ.
Онъ открылъ въ самой столицѣ,
Центрѣ Руси молодой,
Двѣ гимназіи; — въ одной
Лишь дворянства были лица;
А другая разночинцамъ
Предоставлена была,
И въ стѣнахъ своихъ счастливцамъ
Мѣсто - свято отдала.

*) Часть Финляндіи до рѣки Кюмени.

**) Двоюродный братъ графа Петра Ивановича, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, отказавшійся отъ графскаго титула и имѣнія въ 6 тысячъ душъ.

**) Предполагалось въ главныхъ городахъ государства открыть гимназіи, а въ малыхъ — начальныя школы. Въ Москвѣ, какъ центрѣ, — основать университетъ.

Но для высшаго познанья
1755. Университетъ создалъ,
И въ Москвѣ-старушкѣ зданье
Мыслью зрѣлою вѣнчалъ.
Тамъ же — органъ онъ печатный *)
1756. Для народа учредилъ,
И его затѣи знатной
Праздный людъ не осудилъ.
Но Шуваловъ, создавая
Русскій университетъ, —
Слушалъ, не пренебрегая,
То, что скажетъ нашъ поэтъ.
А поэтъ нашъ и ученый
Ломоносовъ былъ тогда,
И его взглядъ просвѣщенный,
Точно яркая звѣзда.
Предъ наукою склоняясь,
Гордо онъ ее цѣнилъ,
Злыхъ навѣтовъ не смущаясь,
Онъ исправно ей служилъ.
Родомъ былъ крестьянинъ скромный,
Вышелъ самъ изъ Холмогоръ,
Но способностью огромной
Побѣдилъ родства укоръ.
Въ школу **) онъ въ Москву явился;
Здѣсь, по возрасту большой,
Неустанно потрудился,
Всѣхъ оставя за собой.

*) При Университетской типографіи начали издаваться „Московскія Вѣдомости“.

**) Заиконоспасскую академію.

Ученикъ, изъ школы первый,
За границу посланъ былъ,
Но и здѣсь, всегда примѣрный,
Русскихъ школъ не посрамилъ.
Сталъ онъ „первый нашъ ученый"
Всесторонне развитой; —
Смотритъ Западъ удивленный
На разбуженный покой.
Но Шуваловъ благородный
Славу Руси бережетъ,
И художеству — свободный
Храмъ онъ мощно создаетъ.
1757. Изданъ былъ указъ царицей,
И по манію пера
Появилась надъ столицей
Слава русскаго двора*).
Созданъ былъ Елизаветой
Съ русской труппою театръ**),
И въ него вошелъ со смѣтой
Новыхъ штатовъ — новый кадръ.
Какъ директоръ и писатель,
Сумароковъ процвѣталъ;
Счастья новаго искателя —
Волковъ***) сердце услаждалъ.
Мирно царство протекало,
Но къ концу его опять
Поле брани задрожало,
Снова бьется Руси рать.

*) Академія художествъ; для созданія кадра русскихъ художниковъ и архитекторовъ, роль которыхъ исполняли у насъ приглашенные иноземцы.

**) Въ Петербургѣ постоянный русскій театръ.

***) Первый русскій актеръ.

За австрійское наслѣдство*)
Съ славнымъ прусскимъ королемъ,
Зная войска совершенство,
Разрѣшаемъ споръ штыкомъ.
Кунерсдорфское сраженье
Лавры новые вплело;
Подъ Берлиномъ пораженье
Городъ русскимъ отдало.
Но въ разгаръ войны кровавой
1761. Жизнь царицы порвалась,
И надъ русскою державой
Власть иная началась.
На престолъ Петръ Третій входитъ,
Но недолго онъ царитъ.
Тѣмъ не менѣе, онъ вводитъ
То, чѣмъ многимъ жизнь даритъ.
Изданъ былъ указъ, которымъ
Концелярья тайныхъ дѣлъ,
Съ искомъ скорымъ, но суровымъ,
Свой закончила удѣлъ.
„Слово, дѣло" **) пропадало,
И народная среда,
Озираясь, не дрожала
Произвольнаго суда.
А дворянское сословье
Не обязано служить;
Если хочетъ, — на привольи
Можетъ жизнь свою влачить.

1761 — 1752.

*) По смерти императора Карла VI на престолъ вступила его дочь, Марія Терезія, но права ея оспаривали многіе претенденты (курфюристы — баварскій, саксонскій и др.), которые готовились къ войнѣ съ ней. Пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Австріи, Фридрихъ, король Пруссіи, неожиданно вторгся въ Силезію и занялъ ее, удержавъ за собою. Это и послужило предлогомъ раздора.

**) „Слово и дѣло" — выраженіе, которое произносилось при арестованіи.

Обязательство отпало,
Но однако, вмѣстѣ съ тѣмъ,
Правъ владѣть не прекращало
Ихъ помѣстьями совсѣмъ*).
Но насколько эти мѣры
Были многимъ по душѣ, —
Не заслуживали вѣры
Тѣ порядки, — гдѣ въ средѣ
Русскихъ войскъ, обычьевъ дѣдовъ.
Иноземное вводилъ, —
И полкамъ, побившимъ шведовъ,
Онъ голштинцевъ восхвалилъ.
Царь предъ Фридрихомъ**) склонялся,
Всей душой благоговѣлъ, —
Подражать во всемъ старался,
Форму прусскую надѣлъ.
И престолъ едва онъ русскій
Только принялъ — приказалъ
Салтыкову***), чтобъ онъ прусскій
Интересъ во всемъ держалъ.
И австрійцы потеряли
Нашъ союзъ, а изъ враговъ —
Въ дружбу мы къ себѣ пріяли
Нами битыхъ пруссаковъ.
Иноземное царь вводитъ, —
Всюду нѣмцы у него,
Чѣмъ въ смущеніе приводитъ
Часть народа своего.

*) Дворянство, освобожденное отъ обязательнаго несенія службы, сохранило, однако, права на владѣнія помѣстьями, тогда какъ раньше это право давалось за обязательную службу.

**) Фридрихъ II, король прусскій.

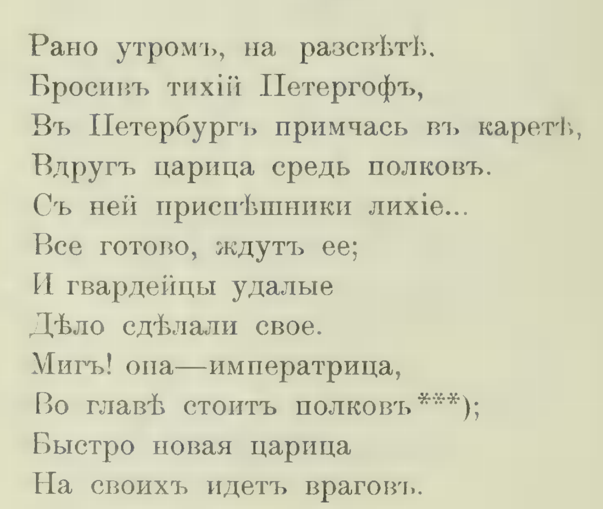
***) Начальствовавшій нашими войсками въ борьбѣ съ Пруссіей за Австрійское наслѣдство; Салтыкову по вступленіи на престолъ имп. немедленно было приказано перейти на сторону Пруссіи.

Но супруга молодая*),
Вкусовъ мужа не дѣля,
Русь всему предпочитая
Служитъ ей, ее любя.
Иностранка по рожденью,
Но Россію полюбивъ,
Отдаетъ ей предпочтенье,
Сердца нѣжнаго приливъ.
Изучивъ языкъ ей чуждый,
И обычаи страны —
Сталъ ей край теперь радушный
Краемъ радостной весны.
Цѣлый день Екатерина
У себя все занята;
Жизнь супруга - властелина
Ей почти совсѣмъ чужда.
Быстро русскаго народа
Къ ней симпатіи растутъ,
Жизни тяжкую невзгоду
На пути ея метутъ.
Есть и люди, что готовы
Жизнь за матушку сложить,
И гнетущія оковы
Силой грозною сломить.
Во главѣ стоятъ Орловы,
Службу въ гвардіи несутъ,
И къ борьбѣ всегда готовы,
Рать къ себѣ примкнуть зовутъ.

*) Принцесса Ангальтъ-Цербтская, получившая въ православіи имя Екатерины Алексѣевны.

Съ ними Дашкова княгиня*),
Предпріимчива, умна,
Сѣти хитрыя раскиня,
Въ высшемъ обществѣ нужна.
Къ нимъ примкнуло духовенство,
Недовольное Петромъ**),
И исконное блаженство
Потерпѣло съ нимъ разгромъ.
Недовольство возбуждая,
Быстро Петръ идетъ впередъ;
Вдругъ, войну провозглашая***),
Ускорилъ переворотъ.

III.

Рано утромъ, на разсвѣтѣ,
Бросивъ тихій Петергофъ,
Въ Петербургъ примчась въ каретѣ,
Вдругъ царица средь полковъ.
Съ ней приспѣшники лихіе...
Все готово, ждутъ ее;
И гвардейцы удалые
Дѣло сдѣлали свое.
Мигъ! она—императрица,
Во главѣ стоитъ полковъ***);
Быстро новая царица
На своихъ идетъ враговъ.

1762—1796.

*) Племянница канцлера Воронцова.
**) Указомъ о причисленіи монастырскихъ и церковныхъ крестьянъ къ государственнымъ.
***) Съ Даніей за Голштинію.
****) 15000 войска.

Тѣшась съ горстью иноземцевъ *),
Петръ грозы не предвкушалъ,
И полки своихъ гвардейцевъ
Въ гости онъ къ себѣ не ждалъ.
Растерялся — что же дѣлать?
Минихъ здѣсь совѣтъ даетъ,
И Кронштадтъ скорѣй провѣдать
Онъ царя съ собой зоветъ.
Укрѣпиться можно скоро,—
Стѣны крѣпки, пушки есть,
И мятежникамъ неспоро
Будетъ въ крѣпость перелѣзть.
Но, увы!—надежда пала,
Все погибло, какъ мечта,
Крѣпость грозная лежала
У царицы ногъ смирна.
Видитъ Петръ, что нѣтъ спасенья,
Выходъ только есть одинъ:
Актъ прискорбный отреченья
Подписалъ сей властелинъ.
Послѣ въ Ропшу былъ отправленъ,
Но недѣлю только жилъ,
И безъ власти, обезславленъ,
Онъ въ изгнаньи опочилъ.
Правитъ всѣмъ Екатерина,
Геній царственный паритъ,
Точно силой исполина
Все подвластное крѣпитъ.

*) Въ Ораніенбаумѣ.

Свѣтлымъ разумомъ царица
Въ помощь славныхъ избрала
Снова русская столица
Жизнью полною жила.
Стали графами Орловы,
Стали Панины въ чести; —
Царства мощныя основы
Ярко начали цвѣсти.
Ставъ едва императрицей
Ей война прекращена*), —
И румяной, бѣлолицей,
Многимъ жизнь подарена.
Да и въ Данію съ войною
Войскъ своихъ не повела,
И надъ свѣтлою рѣкою
Жизнь привольную дала.
Но благія начинанья,
Жажда мира и труда,
Непослушныя желанью —
Пали волею меча.
Подъ вліяніемъ французовъ
Слабый Турціи султанъ
Объявилъ разрывъ союзовъ
Миръ съ Россіею попранъ.
Дѣлать нечего—царица
За Балканы рать ведетъ, —
Снова русская звѣздица
Счастье бранное несетъ.

*) Семилѣтняя.

Графъ Румянцевъ надъ войсками
Съ суши доблестно царитъ,
И съ петровскими орлами
Турокъ весело громитъ.
Тысячъ сто разбилъ при Ларгѣ *);
Крымцы бросились бѣжать,
И въ такой безумной свалкѣ
Ихъ громила Руси рать.
1770. Вслѣдъ затѣмъ онъ при Кагулѣ
Даже визиря разбилъ,
И въ воинственномъ разгулѣ
Вражьихъ силъ не пощадилъ.
Крѣпостей затѣмъ рядъ цѣлый
Палъ подъ мощною рукой,
И опять узналъ свѣтъ бѣлый,
Про побѣдъ геройскихъ рой.
Графъ Румянцевъ за Дунаемъ:
Блещутъ русскіе штыки,
И любуясь вражьимъ краемъ,
Стройно шествуютъ полки.
Съ этихъ поръ онъ „Задунайскимъ“
Сталъ извѣстенъ всѣмъ и вся,
И его къ наградамъ царскимъ
Привела враговъ земля.
Въ то же время Долгорукій **)
Крымскихъ хищниковъ разитъ,
И царица, за услуги,
Титулъ „Крымскаго“ даритъ.

*) Г. Ларго, въ Молдавіи.
**) Князь Долгорукій — главнокомандующій второй арміей.

И на морѣ не дремали:
Двѣ эскадры на водахъ
Путь на Турцію держали
На раздутыхъ парусахъ.
Греки ждали съ нетерпѣньемъ
Руси родственныхъ сыновъ,
И чуждаясь повелѣньемъ,
Бремя сбросили оковъ.
Вся Морея ополчилась; —
Съ русскимъ витяземъ впередъ
Вмигъ на турокъ устремилась,
За обиженный народъ*).
Алексѣй Орловъ начальство
Надъ эскадрами принялъ,
И разилъ врага за чванство,
Чтобы русскихъ силу зналъ.
Затуманился властитель
Черноморскихъ береговъ;
Что за русскій побѣдитель,
Что за сила у враговъ!?
И рѣшилъ султанъ преграду
Цѣлымъ флотомъ учинить
И его къ Архипелагу
Приказалъ онъ помѣстить.
Скоро портъ Чесменскій грозно
Вражьихъ громовъ задрожалъ,
И жестоко, и безбожно
Врагъ врага уничтожалъ.

*) Турки безпощадно угнетали грековъ и славянъ, имъ подвластныхъ.

Впереди эскадры бьется
Самъ Спиридовъ — адмиралъ;
Съ нимъ сцѣпился и дерется
Силъ турецкихъ генералъ *).
Скоро, мужествомъ пылая,
Съ трескомъ въ воздухъ устремясь,
Корабли, не побѣждая,
Пали въ битвѣ, не смирясь.
Турки ужасомъ объяты,
И поспѣшно отступя,
Чинятъ старыя заплаты
Отъ жестокаго огня.
Чинно въ бухтѣ размѣстились
Подъ прикрытьемъ береговъ, —
Но враги ихъ появились
Снова съ жаждою боевъ.
Мыслью новой умудренный
Грейгъ **) совѣтъ своимъ подалъ,
И надеждой ободренный
Брандеръ ***) туркамъ снаряжалъ;
1770. И въ назначенное время,
Подъ прикрытіемъ огня,
Наши брандеры ****), чернѣя,
Идутъ, жизни не щадя.
Забрались въ средину флота,
Огнь ихъ радостью объялъ,
И враговъ краса, забота,
Точно факелъ запылалъ.

*) Турецкій адмиральскій корабль.
**) Капитанъ флота.
***) Суда наполненныя горючимъ веществомъ.
****) Четыре.

Весь дотла флотъ уничтоженъ,
Лишь одинъ корабль стоялъ,
Но и онъ былъ потревоженъ,
Противъ воли въ плѣнъ попалъ.
За Чесменскую побѣду
Графъ „Чесменскимъ“ награжденъ. —
Но не сладко жить сосѣду,
Онъ жестоко удрученъ.
Трудно туркамъ и сражаться,
Рады дружбу предложить,
Но французы постараться
Миръ рѣшили отложить.
Наконецъ былъ миръ подписанъ
1774. При мѣстечкѣ Кайнарджи:
Независимъ Крымъ былъ признанъ;
Пожалѣли то паши.
Керчь съ Азовомъ и Кинбурномъ
Намъ врагами отданы,
И съ столицей Петербургомъ
Снова дружбою полны.
Море Черное свободно
Вновь для русскихъ кораблей *),
Христіанамъ жить привольно
Средь ласкающихъ полей **).
Но пока войною славу
Грозный штыкъ намъ создаетъ, —
Тяжко русскую державу
Врагъ безжалостный гнететъ.

*) Русскимъ купеческимъ кораблямъ открыто было свободное плаваніе изъ Чернаго въ Средиземное море.

**) Признано право покровительства православныхъ христіанъ на востокѣ.

Въ войскѣ нашемъ появилась
Вдругъ нежданная чума, —
Вмигъ въ Украйну удалилась,
Новой яростью полна.
Перебросилась свободно
1771. Въ нашу матушку-Москву,
И гуляетъ тамъ привольно,
Сѣя слезы и тоску.
Гибнутъ тысячи народа,
Стонъ на улицахъ стоитъ,
И ни племени, ни рода,
Бичъ ужасный не щадитъ.
Былъ Еропкинъ *) Салтыкову **)
Въ помощь присланъ для борьбы,
Но и съ нимъ несется снова
Вихрь раздора и чумы.
Трудно съ чернью расправляться,
Голосъ разума имъ чуждъ,
И начальству покорятся
Нѣтъ желаній, нѣтъ и нуждъ.
Лавки заперты, — закрыты
И присутствія мѣста; —
Трупы черные раскрыты,
Какъ народа нищета.
Въ это время слухъ несется,
У Варварскихъ что воротъ,
Кто къ иконѣ ***) проберется —
Отъ чумы найдетъ оплотъ.

*) Сенаторъ Еропкинъ.
**) Фельдмаршалъ графъ Салтыковъ, въ то время начальникъ Москвы.
***) Икона Божіей Матери, выставленная у Варварскихъ воротъ.

Всѣ туда съ надеждой мчатся,
И молебны цѣлый день
Въ сердце страждущихъ стучатся
Разгоняя жизни тѣнь.
Но Амвросій*) понимаетъ,
Что скопленіе — бѣда,
И молебны прекращаетъ,
Образъ снявъ не безъ труда.
Видя въ этомъ нежеланье
Помощь ближнимъ оказать, —
Чернь Москвы безъ содроганья
Стала пастыря терзать.
И надъ старца свѣтлымъ ликомъ
Горе выместивъ свое,
Умертвила съ дикимъ крикомъ, —
Судъ коротокъ у нея!
Для Москвы успокоенья
Шлетъ царица князя намъ**),
И Орлова назначенье
Вторитъ радостнымъ умамъ.
Царедворца появленье
Вмигъ надежду подало,
И въ сметенныхъ ободренье
Волей царственной внесло.
Чернь желанью угождаетъ,
Волю разума творитъ,
И заразу усмиряетъ,
И покой Москвѣ даритъ.

*) Архіепископъ Амвросій.
**) Князя Григорія Орлова.

Но не долго наслаждалась
Русь желанной тишиной, —
Снова буря разросталась,
Унося съ собой покой.
Много было недовольныхъ,
Всѣмъ всегда не угодишь,
И свободой — непокойныхъ
Отъ невзгодъ не оградишь.
Руси старое наслѣдье
Все еще у насъ царитъ, —
Средь раскольниковъ броженье
Скрытой местію кипитъ.
Власть, какъ царскія начала,
Не преемля старины,
Имъ довѣрья не внушала,
И они — вражды полны.
Мудрый умъ Екатерины
Много милостей даритъ*), —
Но они въ тискахъ гордыни,
Глазъ ихъ счастія не зритъ.
Съ ними такъ же и казаки
Изъ Яика городка,
Царства новые служаки**),
Недовольные всегда.
Наконецъ и вождь явился,
Съ Дону пришлый Пугачевъ,
Быстро съ ними подружился,
Сынъ испытанный боевъ***).

*) Освобожденіе отъ двойныхъ податей, позволеніе брить бороду и т. п.

**) При Петрѣ I ихъ переписали и заставили нести службу.

***) Принималъ участіе въ бояхъ противъ Пруссіи, Польши и Турціи, и, несмотря на свою безграмотность, награжденъ чиномъ хорунжаго (первый офицерскій чинъ) по казачьимъ войскамъ.

По народу нужно имя;
Петромъ третьимъ назвался,
И его, Петра, во имя,
Людъ мятежный поднялся.
Пугачевъ издалъ воззванье,
Въ немъ онъ вольность всѣмъ дарилъ,
А раскольниковъ желанье
Онъ брадою усладилъ*).
Тамъ раскольники, казаки,
Тамъ и русскіе, поляки,
Тамъ башкиры, калмыки,
Молодые, старики.
Тамъ и бѣглые крестьяне
Тучей цѣлою летятъ,
И помѣщики-дворяне
Ихъ собою не страшатъ.
Съ этой шайкою мятежною
Пугачевъ на бой спѣшитъ;
Силой гнѣва неизбѣжной
Онъ враговъ своихъ даритъ.
Крѣпость первая, что пала, —
Былъ Илецкій городокъ,
Гдѣ толпа его встрѣчала,
Славя радостный денекъ.
Тоже было и съ другими,
Пали всѣ къ его ногамъ,
И съ казаками лихими
Шли по вражескимъ стопамъ.

*) Въ своемъ воззваньи онъ объявлялъ вольность крестьянамъ и казакамъ, а раскольниковъ „жаловалъ крестомъ и бородою".

Противъ — войско отправляютъ
Но успѣхъ здѣсь не великъ:
Пугачева не сражаютъ,
Ставя этимъ насъ втупикъ.
Наконецъ, сама царица
Съ войскомъ Бибикова*) шлетъ:
Затуманилась станица,
Отъ него удара ждетъ.
Дважды Бибиковъ ретивый
Пугачева съ шайкой бьетъ,
Но заносчиво-хвастливый
Врагъ повинной не несетъ.
Скоро Бибиковъ скончался,
Врагъ усилился опять; —
Михельсонъ за нимъ погнался,
Утомляя Руси рать.
Наконецъ подъ Чернымъ-Яромъ
Пугачева онъ настигъ,
1774. И разбилъ его; не даромъ
Онъ ловилъ желанный мигъ.
Между тѣмъ на мѣсто дѣйствій
Самъ Суворовъ поспѣшилъ;
Императорскихъ войскъ бѣдствій
Вмигъ конецъ онъ положилъ.
Окружили Пугачева...
Слава кончилась его,
И сподвижники лихого
Атамана своего —

*) Назначенъ главнокомандующимъ, а послѣ смерти его смѣнилъ Михельсонъ.

Выдаютъ на судъ суровый:
Въ клѣтку былъ онъ заключенъ,
И въ Москвѣ на помостъ новый
Всенародно былъ введенъ.
Послѣ многихъ истязаній
Жизнь оставилъ Пугачевъ,
И конецъ своихъ скитаній
1775. Снесъ при скрежетѣ зубовъ.
Но не только лишь враждою
Царство русское кипитъ;
Дышитъ жизнію иною,
Миръ и радость вкругъ даритъ.
Край цвѣтетъ Новороссійскій,
И намѣстникъ молодой*)
Сѣетъ волей исполинской
Въ краѣ этомъ рай земной.
Степи быстро заселяетъ,
И крестьянъ влечетъ сюда;
Здѣсь землей ихъ надѣляетъ,
Строитъ села, города.
Овцеводство, винодѣлье,
Много промысловъ другихъ...
Процвѣтаетъ земледѣлье
Въ странахъ нѣкогда глухихъ.
На Днѣпрѣ, у синя-моря,
Гордо высится Херсонъ**),
А вблизи***), избыткомъ споря,
Николаевъ помѣщенъ.

*) Потемкинъ.
**) Построенный Потемкинымъ.
***) При сліяніи рѣкъ Буга и Ингула.

Независимъ Крымъ явился;
Запорожцамъ мѣста нѣтъ*),
И надъ Сѣчью появился
Мирной славы новый свѣтъ.
1775. Пала Сѣчь, гнѣздо разбоя,
Мѣсто „лыцарей“ лихихъ,
Что не вѣдая покоя,
Не дарили имъ другихъ.
Не владѣя больше Крымомъ
Порта къ Крыму тяготитъ,
И съ россійскимъ исполиномъ
Во вражду вступить спѣшитъ.
Но и русскіе стремятся
Надъ татарами царить,
И желанье ихъ — стараться
Власть надъ Крымомъ получить.
И партійныя начала
Восемь лѣтъ терзаютъ грудь;
Гдѣ свобода процвѣтала —
Мирной жизни блекнетъ путь.
Наконецъ Екатерина
Занимаетъ войскомъ Крымъ;
Вмигъ мѣняется картина:
1783. Русью онъ теперь хранимъ**).
И Шагинъ-Гирей послушно
Оставляетъ ханскій тронъ,
И въ Россію добродушно
Поспѣшаетъ на поклонъ.

*) Назначенье запорожскихъ казаковъ — охранять русскую Украйну отъ набѣговъ татаръ, что само-собою пало при при объявленіи независимости Крыма. Но казаки, вѣрные своимъ привычкамъ, продолжали нападать на мирныхъ жителей селъ и городовъ.

**) Ханъ Шагинъ-Гирей, желая усмирить мятежъ, просилъ прислать ему войско, чѣмъ и воспользовалась Екатерина, занявъ Крымъ и присоединивъ его къ Россіи.

А царица Крымъ Тавридой
Повелѣла называть,
И подъ царственной эгидой
Край тотъ началъ процвѣтать.
Правитъ имъ Потемкинъ смѣло,
Жизнь приволья полилась,
И размашисто-умѣло
Русь родная разрослась.
Черноморскій флотъ явился,
Севастополь портомъ сталъ;
Русскій флагъ здѣсь гордо взвился,
Рейдъ судами заблисталъ.
Слышитъ матушка-царица,
Что хорошъ привольный край;
Видитъ радостныя лица,
Слышитъ возгласъ: „что за рай!..
И поѣздку совершила...
Точно сонъ она была;
Все, что только мысль родила,
Всѣмъ была надѣлена.
Группы жителей красиво
Ожидали царскій въѣздъ, —
Арки всюду прихотливо,
Заселенныхъ масса мѣстъ.
Всѣмъ довольна, все хвалила,
И Потемкина, творца,
Званьемъ новымъ наградила
Изъ побѣднаго вѣнца*).

*) Потемкинъ наименованъ „Таврическимъ“.

Но пока императрица
Зрѣла Крымъ съ его красой,
Надъ турецкою столицей
Зародился планъ такой:
При поддержкѣ иностранцевъ,
Англичанъ и прусаковъ,
Крымъ, съ его ватагой ханцевъ,
Вновь отнять изъ рукъ враговъ.
И едва Екатерина
Въ стольный городъ прибыла,
Какъ по волѣ властелина
Турки нашего посла
Въ замокъ*) мрачный заключили,
Произвола не страшась,
Чѣмъ войну намъ объявили,
Порты силою кичась.
Надъ войсками былъ назначенъ
Князь Таврическій**), но онъ
Нерѣшителенъ и мраченъ,
И войною удрученъ.
Замѣчательное дѣло,
Взявъ Очаковъ, лишь свершилъ,
Но и тутъ онъ неумѣло
Много войска положилъ.
А героемъ, нашей славой,
Былъ Суворовъ, генералъ,
Что стремясь на турокъ лавой
Ихъ нещадно избивалъ.

*) Семибашенный замокъ, куда заключали обыкновенно иностранныхъ пословъ.
**) Потемкинъ.

При Фокшанахъ онъ съ Кобургскимъ *),
Разбиваетъ турокъ рать,
Показавъ, что передъ русскимъ
Имъ штыкомъ не устоять.
Слѣдомъ — Рымникская **) битва;
Съ главной силой визарь тутъ,
Но услышана молитва,
Турки снова прочь бѣгутъ.
Бранный геній возвеличенъ,
Былъ Суворовъ награжденъ,
И къ фамильи необыченъ
Титулъ новый пріобщенъ ***).
Россъ на югѣ съ туркомъ бьется,
А на сѣверѣ, опять,
Дерзкій шведъ за мечь берется,
Призывая Руси рать.
Жаждутъ шведы возвращенья
Взятыхъ нѣкогда земель ****);
Видно злое побужденье
Имъ въ главу навѣялъ хмѣль.
Но самой Екатериной
Посланъ шведамъ былъ отказъ,
И надъ русскою долиной
Вновь пронесся бранный гласъ.
Мы на сушѣ и на морѣ
Одержали рядъ побѣдъ,
И немало слезъ и горя
Перенесъ суровый шведъ.

*) Принцъ Кобургскій, предводитель австрійскихъ войскъ, въ союзѣ съ которыми мы вели войну противъ Турціи.

**) На берегахъ рѣки Рымника.

***) Суворовъ за эту побѣду, кромѣ другихъ наградъ, получилъ наименованіе: „Рымникскаго".

****) Шведы потребовали возвращенья всѣхъ земель, взятыхъ у нихъ со временъ Карла XII.

Наконецъ Верельскимъ*) миромъ
Споръ кровавый разрѣшенъ,
И надъ браннымъ жизни пиромъ
Дружбы вновь союзъ скрѣпленъ.
Между тѣмъ все турки бьются,
И въ надеждѣ на дворы**)
Неудачамъ лишь смѣются:
„Подождемъ иной поры!“
Но царица наказала,
Чтобъ Потемкинъ поспѣшилъ,
И турецкаго султана
Окончательно смирилъ.
Тутъ Потемкинъ предписанье
Вмигъ Суворову послалъ,
Чтобы къ туркамъ на свиданье
Къ Измаилу***) подступалъ.
И подъ грозными стѣнами
Геній брани ужъ стоитъ,
И съ россійскими орлами
Крѣпость грозную громитъ.
Самъ войска на штурмы водитъ
И примѣръ собой даетъ,
Самъ осадой руководитъ,
И къ побѣдѣ всѣхъ ведетъ.
Не успѣли оглянуться —
Измаилъ у насъ въ рукахъ;
Не далъ геній пошатнуться
Славѣ въ доблестныхъ войскахъ.

*) Въ Верельской долинѣ.
**) Въ надеждѣ на поддержку иностранныхъ дворовъ.
***) Измаилъ — турецкая крѣпость, славившаяся своею неприступностью; скорѣе небо упадетъ на землю и Дунай потечетъ вверхъ, чѣмъ будетъ взятъ Измаилъ, говорили турки.

Громки русскія побѣды,
И собой они страшатъ;
Дальновиднаго сосѣда
Силой той не веселятъ.
Англичане и пруссаки
Турокъ сторону берутъ,
И безъ битвы, забіяки,
Ихъ въ обиду не даютъ*).
Здѣсь и Австрія рѣшила
Отъ союза отступить,
И побѣды умолила,
Прежде, миръ чѣмъ заключить.
1791. Въ Яссахъ мы переговоры
Съ Портой слабою ведемъ,
И вражды кровавой споры
Въ мирѣ мы конецъ кладемъ.
Крымъ признали за Россіей,
И Очаковъ отданъ намъ;
Снова мы вступаемъ съ силой
Къ моря Чернаго брегамъ**).
Но не только на просторѣ
Рать турецкую громимъ, —
Въ Польшѣ вѣчные раздоры
Мы оружіемъ смиримъ.
И путемъ переговоровъ
Первоклассныхъ государствъ***)
Раздѣлили мы безъ споровъ
Земли иностранныхъ царствъ.

*) Боясь усиленія Россіи, Англія и Пруссія принимаютъ участіе въ судьбѣ слабой Турціи, а Австрія послѣ смерти Іосифа II отказалась отъ союза съ нами.

**) По этому миру сѣверные берега Чернаго моря окончательно закрѣплялись за нами.

***) Россія, Пруссія и Австрія.

1772. Русь въ раздѣлѣ получила
Бѣлоруссію, и ту
Въ царство русское включила,
Какъ достойную лепту.
1793. Скоро снова у поляковъ
Учиняемъ мы раздѣлъ,
И при помощи пруссаковъ
Получаемъ вновь надѣлъ.
Здѣсь на долю мы пріяли
Всю Подолію, Волынь;
Славой новой возсіяли,
Польши сокрушивъ гордынь.
Вскорѣ съ Пруссіей мы снова
Бьемъ поляковъ, но теперь
Дождались конца иного,
Прорубивши въ Польшу дверь.
Нашъ Суворовъ взялъ Варшаву,
И король*), оставивъ тронъ,
Самъ подъ русскую державу
Въ Петербургъ ушелъ въ полонъ**).
1795. Отъ раздѣла намъ досталась
Область Гродны и Литва; —
Область Минская давалась
Въ крылья русскаго орла.
И Курляндію за злато
Вскорѣ мы пріобрѣли, —
Заплативши таровато
За такой клочекъ земли***).

*) Станиславъ Августъ.

**) Отрекшись отъ престола, уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и провелъ остатокъ своей жизни.

***) Сынъ герцога Эрнста Бирона, возстановленнаго Екатериной въ достоинствѣ герцога Курляндскаго, Петръ Биронъ, поспѣшно отказался отъ герцогской короны, за что и получилъ денежное вознагражденіе.

Но не только брань побѣды
Всколыхнула нашъ покой,
И поляки, нѣмцы, шведы
Полонили все войной:
Русь подъ властью царицы
Жизнью свѣтлою живетъ,
И къ вратамъ своей столицы
Просвѣщенья дань несетъ.
Неустанною заботой
Умъ царицы окрыленъ,
И живительной работой
Духъ великій освѣщенъ.
Вскорѣ, какъ престолъ Россіи
Волей Божьей приняла,
Сѣять помыслы благіе
Мать царица начала.
Нужды русскаго народа,
Государства всѣ дѣла
Дороги ей, какъ свобода
Величаваго орла.
Быстро выборные люди
Въ стольный градъ Москву спѣшатъ,
Ихъ довольствомъ дышутъ груди,
И надеждой блещетъ взглядъ.
И сама царица хочетъ
Депутатамъ предложить,
Чтобъ проэктъ, о чемъ хлопочетъ,
Уложенье могъ смѣнить*).

*) Царица имѣла въ виду поручить депутатамъ составленіе проэкта новаго уложенія, т. к. при множествѣ законовъ, иногда не согласныхъ другъ съ другомъ, судьи рѣшали дѣла по собственному произволу, опираясь въ тоже время на законъ.

При работѣ депутатамъ
Въ помощь свой „Наказъ“ дала*),
Чтобы сидя по палатамъ
Мысль наитья не ждала.
1767. Наконецъ въ Москву собрались,
Въ Грановитой**) торжество;
Всѣ явиться постарались,
Не явилось — меньшинство.
Предсѣдателемъ былъ избранъ
Нѣкто Бибиковъ, и онъ
Былъ надъ ними старшимъ признанъ,
Властью славной облеченъ.
Депутаты здѣсь царицѣ
Титулъ громкій поднесли,
И души своей частицы
Искрой счастія зажгли.
Въ этомъ титулѣ „Великой“,
„Мудрой“ — мудрая звалась;
Ни штыкомъ и острой пикой
Эта слава создалась.
„Мать отечества“, совмѣстно,
Такъ же титулъ былъ ей данъ,
И одинъ, какъ намъ извѣстно,
Былъ царицею избранъ.
Но не долго на просторѣ
Та комиссія жила;
1769. Съ Портой бранные раздоры, —
И работа замерла!

*) Инструкцію, въ которой Екатерина высказывала свой взглядъ на постановку дѣла.
**) Грановитая палата въ Кремлѣ.

Распустили депутатовъ,
Кто куда поразбрелись,
И бездарныхъ, и талантовъ,
Всѣхъ — дѣла не создались.
И проэкта уложенья
Не успѣли возсоздать;
Дали лишь ознакомленье
Съ тѣмъ, что надобно желать.
Вслѣдъ затѣмъ Екатерина
Къ дѣлу новому спѣшитъ,
Мыслью мощной исполина
Вновь дѣла Руси вершитъ.
1775. „Учрежденье о губерньяхъ"
Всенародно издаетъ;
Государство въ раздѣленьяхъ
На губерніи кладетъ.
Пятьдесятъ ихъ всѣхъ явилось,
А губернія опять
На уѣзды раздѣлилась,
Чтобы легче управлять.
И палаты, и правленья*),
Расцвѣтаютъ въ городахъ,
Крѣпнутъ мысли насажденья,
И законъ царитъ въ судахъ.
Но не сразу все вводилось:
Цѣлыхъ двадцать лѣтъ потомъ
Наша матушка трудилась
И заботилась о всемъ.

*) Въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ открыты: губернское правленье, казенная палата, палата гражданскаго суда, уѣздный судъ, уголовная палата и т. д.

О сословіяхъ немало
Поработала она,
И въ трудѣ ея — лежало
Много сердца и ума.
Но престолъ и государство
Жизнью трудною живетъ,
И для нихъ Руси дворянство
Службу вѣрную несетъ.
Видя въ немъ свою опору
Имъ пожаловать она
Порѣшила въ эту пору
1785. Много воли и добра*).
Этой грамотою парской
И крестьяне, и дворы,
Покоряясь волѣ барской,
Ихъ наслѣдье съ той поры.
Жизнь крестьянина всецѣло
Царству баръ принадлежитъ,
И въ судьбѣ его умѣло
Все помѣщикъ лишь вершитъ.
У хорошихъ — жизнь привольно,
Безпечально протечетъ, —
У плохихъ — нещадно, больно,
Налагаетъ тяжкій гнетъ.
И помѣщики не платятъ
Больше личныхъ податей,
И судьбы своей не давятъ
Подъ ударами плетей**).

*) Даровала дворянству „Жалованную грамоту".

**) Дворянство освобождено отъ личныхъ податей и тѣлесныхъ наказаній.

Предоставлено имъ право
По желанью лишь служить,
И о томъ желаньи здраво
Могутъ сами разсудить*).
Черезъ каждые три года
На дворянскій ѣдутъ съѣздъ,
И о выборахъ, погодѣ,
Разсуждаютъ здѣсь безъ мѣстъ.
Предводителей дворянства
Выбираютъ тамъ себѣ,
И безъ гордости и чванства
Всѣ живутъ въ своей средѣ.
Какъ не славить имъ царицы,
Какъ ее не восхвалять, —
Царства славнаго звѣздицы
Пѣсней ихъ — не воспѣвать.
Но не только лишь къ дворянамъ
Мысль царицы тяготитъ, —
Къ цеховымъ, купцамъ, мѣщанамъ,
Царскій взоръ ея спѣшитъ.
1785. Создаетъ она поспѣшно
„Положенье городовъ“ **),
Обывателей успѣшно
Раздѣляя на купцовъ,
На ремесленные цехи,
На зажиточныхъ мѣщанъ,
Чтобы въ жизни, безъ помѣхи,
Былъ удѣлъ имъ должный данъ.

*) Дано право служить и не служить.
**) Городовое положеніе.

Разрѣшила собираться
И на выборы свои,
Гдѣ дѣла могли рѣшаться,
Какъ: избранье головы*),
Или членское избранье,
Дабы выборнымъ рѣшать**)
Всѣ дѣла на совѣщаньи,
Какъ имъ градомъ управлять.
Собирать съ кого доходы,
Что построить, что сломать,
Какъ вести на то расходы,
И себя не разорять.
Этимъ „среднее сословье“
Намъ царица создала, —
Въ жизнь народную приволье
Царской волею влила.
Мыслитъ такъ же о крестьянахъ,
Ихъ судьба ей дорога,
Какъ и пашни на полянахъ,
Какъ и скромныя стада.
Право хочетъ крѣпостное
Уничтожить, ослабить,
И на счастіе земное
Свѣтъ божественный пролить.
Но, увы, Екатеринѣ
То лишь частью удалось;
Власть исконную въ гордынѣ
Сокрушить ей не пришлось!

*) Городской голова.
**) Выборные составляли Городскую думу или „Ратушу“.

1764. Монастырскіе крестьяне
Лишь свободу обрѣли*),
Но помѣщичьихъ — дворяне
Пуще ока стерегли.
Даже люди просвѣщенья,
Сумароковъ, напримѣръ,
Не сочувствуя влеченью,
Шли въ разрѣзъ желанныхъ мѣръ.
Всѣ крестьяне зашумѣли,
Воли жаждутъ, воли нѣтъ;
Возмущенья закипѣли,
Но на то готовъ отвѣтъ.
И гуманныя начала
Въ мысли царской отцвѣли;
Къ вѣчнымъ бунтамъ не лежала
Щедрость царственной руки.
Вмѣсто воли имъ царица
1767. Издала такой указъ,
Пусть престольная столица
Слышитъ этотъ царскій гласъ:
Чтобъ крестьяне не дерзали
Жалобъ вѣчныхъ подавать; —
Пусть помѣщики терзали,
Имъ же молча лишь страдать.
И въ Сибирь на поселенье
Могъ помѣщикъ ихъ ссылать,
И въ солдаты на смиренье
Могъ строптивыхъ отдавать.

*) Екатерина составила комиссію изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ для окончательнаго рѣшенія вопроса о монастырскихъ и церковныхъ крестьянахъ. Комиссія постановила отобрать всѣ церковныя имѣнія и поручить ихъ вѣдѣнію коллегіи экономіи, вслѣдствіе чего крестьяне этихъ земель стали именоваться „экономическими“. Эти крестьяне платили по 1 р. 50 к. съ души и часть собранныхъ денегъ шла на содержаніе духовенства, а другая на содержаніе духовныхъ школъ, лечебницъ и т. п.

Такъ мечта освобожденья
Лишь осталася мечтой,
Точно мысли пробужденье
Подъ кипучею волной.
На финансы государства
Взоръ царицы обращенъ,
И впервые въ смѣтахъ царства
Былъ порядокъ водворенъ.
Ассигнацiи вводила,
Банкъ былъ ею учрежденъ,
И туда она вмѣстила
Звонкихъ денегъ миллiонъ.
А кредитные билеты
Побѣжали по рукамъ,
Не прейдя законной смѣты
Помѣщенной по рублямъ*).
Но доходы не велики,
И казна подчасъ пуста; —
Точно радостные блики
Учредили откупа.
И доходы отъ таможни
Взяты также ей въ казну;
Не покойны, но тревожны,
И подчасъ мѣшаютъ сну.
Но на первомъ планѣ ставитъ
Намъ царица тотъ законъ,
Гдѣ науку каждый славитъ,
Какъ волшебной лиры звонъ.

*) Учрежденъ ассигнацiонный банкъ съ основнымъ фондомъ въ 1 миллiонъ рублей, на каковую сумму было выпущено и кредитныхъ билетовъ.

Просвѣщенье для народа
Есть задача всѣхъ царей, —
Въ немъ отсутствуетъ невзгода,
И порочность у людей.
„Коль хотите преступленья
Вы избѣгнуть — поскорѣй
Насаждайте просвѣщенье
Въ темной массѣ всѣхъ людей".
Такъ царица говорила
Въ томъ наказѣ, гдѣ сама,
Мыслью свѣтлою дарила
Волю здраваго ума.
Бецкій въ помощь ею избранъ,
Многимъ въ дѣлѣ помогалъ,
И на подвигъ славный призванъ,
Свѣтъ средь мрака насаждалъ.
Тамъ дома для воспитанья *)
Въ двухъ столицахъ создаетъ,
И голоднаго скитанья
Людъ несчастный не несетъ.
Съ нимъ положено начало
Русскихъ женщинъ воспитать,
Чтобъ науку изучала,
Какъ Она, народа мать.
И при стѣнахъ монастырскихъ **)
Вмигъ училище растетъ, —
Благородныхъ дѣвъ россійскихъ
Поколѣнье въ немъ цвѣтетъ.

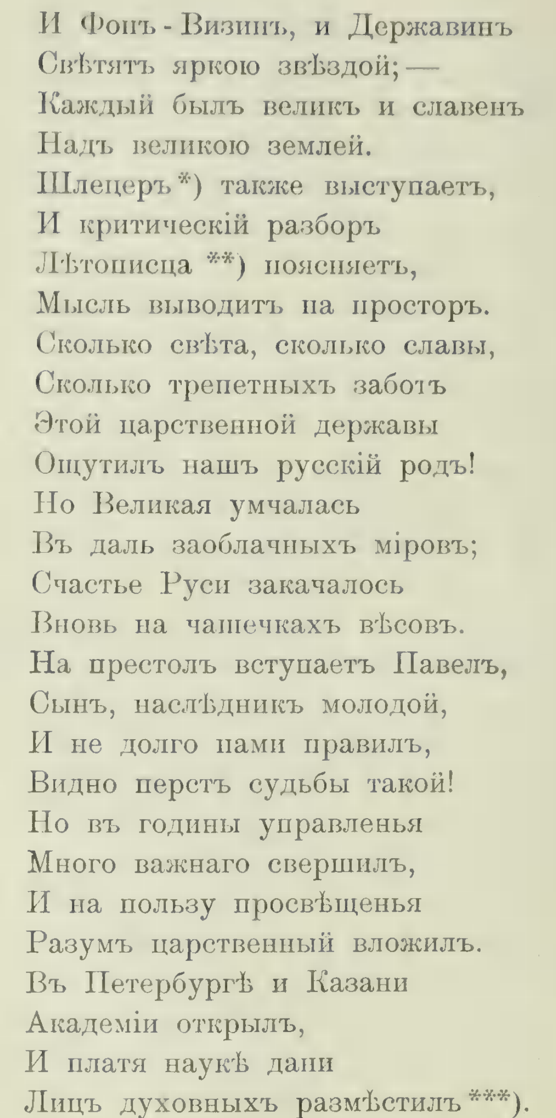
*) По плану Бецкаго были учреждены въ Петербургѣ и Москвѣ воспитательные дома.

**) Смольный монастырь въ Петербургѣ.

Но желаетъ Бецкій строго
Поколѣнье воспитать:
Предразсудковъ было много,
Надо всѣ уничтожать.
Онъ закрытымъ заведенье
Сдѣлать здраво порѣшилъ,
И ума оздоровленье
Въ этой мысли заключилъ.
Процвѣтаютъ тѣ начала,
Создаются корпуса*);
Та же жизнь въ стѣнахъ блистала,
Точно въ морѣ паруса.
Нѣтъ училищъ для народа —
Ихъ немедля создаютъ,
И туда, властямъ въ угоду,
Юныхъ витязей влекутъ.
1783. Академія явилась,
Руси въ ней языкъ цвѣтетъ**),
И въ сознаньи появилось,
Что успѣхъ насъ скоро ждетъ!
А царица неустанно
Служитъ родинѣ святой,
Вся въ работахъ безпрестанно
Дѣлитъ день свой трудовой.
То статьи въ журналы пишетъ,
То комедіи творитъ,
То къ наукамъ страстью пышетъ,
То съ народомъ говоритъ.

*) Артиллерійскій Инженерный Корпусъ, впослѣдствіи переименованный во 2-й кадетскій.

**) Главная задача основанной Академіи — развитіе русскаго языка.

И Фонъ-Визинъ, и Державинъ
Свѣтятъ яркою звѣздой; —
Каждый былъ великъ и славенъ
Надъ великою землей.
Шлецеръ*) также выступаетъ,
И критическій разборъ
Лѣтописца **) поясняетъ,
Мысль выводитъ на просторъ.
Сколько свѣта, сколько славы,
Сколько трепетныхъ заботъ
Этой царственной державы
Ощутилъ нашъ русскій родъ!
Но Великая умчалась
Въ даль заоблачныхъ міровъ;
Счастье Руси закачалось
Вновь на чашечкахъ вѣсовъ.
На престолъ вступаетъ Павелъ,
Сынъ, наслѣдникъ молодой,
И не долго нами правилъ,
Видно перстъ судьбы такой!
Но въ годины управленья
Много важнаго свершилъ,
И на пользу просвѣщенья
Разумъ царственный вложилъ.
Въ Петербургѣ и Казани
Академіи открылъ,
И платя наукѣ дани
Лицъ духовныхъ размѣстилъ***).

1796 — 1801.

*) Шлецеръ—ученый академикъ, занявшійся критическимъ разборомъ лѣтописи Нестора, и выяснившій первые вѣка нашей исторіи.

**) Нестора.

***) Духовныя академіи.

Создалъ корпусъ онъ военный,
Института два открылъ*),
Гдѣ дѣвицъ рукой смиренной
Ангелъ царственный хранилъ**).
Императоромъ основанъ
Въ Дерптѣ университетъ,
Гдѣ въ стѣнахъ, наукой скованъ,
Жилъ прославленный студентъ.
Учрежденье о фамильи
1797. Императорской создалъ,
Произволъ гдѣ и насилье
Роли больше не игралъ.
Тамъ порядокъ о престолѣ
Строго былъ опредѣленъ;
По его монаршей волѣ
Онъ донынѣ сохраненъ.
Въ брани славными дѣлами
Царство Павла возстаетъ,
И надъ русскими орлами
Гимнъ побѣдный вновь поетъ.
Изъ-за Мальты возгорѣлась***)
Битвы грозная вражда,
И въ крови врага согрѣлась
Руси хладная рука.
Англичане и австрійцы
Свой союзъ царю дарятъ
И Суворову, любимцу,
Тѣ войска ввѣрять хотятъ.

*) Военно-Сиротскій корпусъ (позднѣе Павловскій) и два института: Екатерининскій и Маріинскій.

**) Императрица Марія Θеодоровна приняла подъ свое покровительство всѣ женскія учебныя заведенія, явившись для нихъ ангеломъ хранителемъ.

***) О. Мальту отняли французы у рыцарей Мальтійскаго ордена, которому покровительствовалъ императоръ Павелъ I. Это обстоятельство и послужило началомъ военныхъ дѣйствій противъ Франціи. Нашими союзниками были Австрія и Англія.

Павелъ I согласился,
Шлетъ къ Суворову гонцовъ:
Тотъ въ деревню удалился,
Дышитъ свѣжестью луговъ.
Вмигъ собрался старый воинъ,
Въ Питеръ тотчасъ поскакалъ:
Веселъ, счастливъ и доволенъ,
Бранный геній ликовалъ!
А австрійскій императоръ
Жезлъ фельдмаршала вручилъ,
И Суворовъ, не кунктаторъ,
Къ войску мигомъ поспѣшилъ.
Тутъ съ союзными полками
Онъ въ Италіи предсталъ,
И подъ снѣжными горами
Лагерь шумный разбросалъ.
На брегахъ рѣки Требіи,
Адды — онъ французовъ бьетъ,
И при Нови вновь лихіе
Къ лаврамъ онъ полки ведетъ.
Тамъ, гдѣ силой надломился
Русскій воинъ удалой, —
Лишь Суворовъ появился —
Снова все несется въ бой.
И французы уступаютъ
Отъ Суворовскихъ орловъ, —
Поле брани уступаютъ
Для прославленныхъ бойцовъ.

И вершины Сенъ - Готарда,
Знаменитый Чортовъ мостъ,
Служатъ темою для барда,
Прославляя славы ростъ.
За побѣды — „Италійскимъ
Княземъ" былъ онъ награжденъ,
И надъ воинствомъ россійскимъ
Выше всѣхъ былъ вознесенъ *).
Скоро Павелъ возвратиться
Намъ въ Россію повелѣлъ,
И Суворову не биться...
Снова воинъ не у дѣлъ!
Но не долго онъ отчизнѣ
Отдыхъ дней своихъ дарилъ, —
Занемогъ, и славной жизни
1800. Путь въ могилѣ схоронилъ.
Императоръ тоже скоро
11 марта 1801. Вслѣдъ за этимъ опочилъ,
И для новаго раздора
Жизнью краткой не дожилъ.
А сурово надвигались
Тучи, съ запада стремясь,
На Россію ополчались,
Бранной славою кичась.
Императоръ самъ французскій,
Бонапартъ Наполеонъ,
Посягнуть хотѣлъ на русскій
Предковъ славныхъ царскій тронъ.

*) Суворовъ былъ возведенъ въ достоинство „генералиссимуса".

Послѣ Павла на престолѣ
Старшій сынъ его возсѣлъ,
И на немъ, по Божьей волѣ,
Перстъ Господенъ заблестѣлъ.
Александръ войны не жаждетъ,
Мира полонъ духъ его,
Объ устройствѣ Руси страждетъ,
Отрѣшаясь отъ всего.
1801—1825 г. Бонапарта самовластье
Начинаетъ міръ страшить.
И кляня свое несчастье
Долженъ всякъ себя хранить.
Коалиція создалась: —
Англичане, шведы къ ней, —
Къ нимъ и Австрія примчалась,
Русь идетъ на свѣтъ огней.
Но прославленный воитель
1805. Рать союзную разбилъ *),
И герой, и побѣдитель,
Миръ съ австрійцемъ заключилъ.
Послѣ этого пруссаки,
Бонапарта не терпя,
Ополчились, какъ вояки,
Мечъ заржавленный точа.
Къ нимъ на помощь Русь спѣшила;
Бонапартъ предупредилъ:
Сила генія сломила
Немощь вражьихъ, прусскихъ силъ.

*) По занятіи Вѣны Наполеонъ направился въ Моравію, гдѣ русскія и австрійскія войска успѣли соединиться. Здѣсь, при Аустерлицѣ, Наполеонъ разбилъ союзную армію, послѣ чего доведенный до отчаянія австрійскій императоръ Францъ II заключилъ миръ въ Пресбургѣ (1805 г.).

Но Берлинъ въ рукахъ французовъ;
Затужили нѣмцы тутъ,
И спѣшатъ всѣ къ рати руссовъ:
Пусть къ побѣдѣ тѣ ведутъ!
Цѣлый рядъ боевъ упорныхъ,
1807. Но Прейсишъ-Эйлау сталъ
Какъ примѣръ для всѣхъ достойныхъ,
Гдѣ никто не уступалъ.
И остался нерѣшеннымъ
Грозный натискъ двухъ сторонъ;
Нѣтъ и сраму побѣжденнымъ...
Былъ смущенъ Наполеонъ!
Не привыкъ встрѣчать отпора,
Всѣ усилія напрягъ,
И поляковъ для задора
Противъ насъ направилъ врагъ.
Подъ Фридландомъ онъ умѣло
Войско русское разбилъ;
Какъ ни дрались мы, но дѣло
Въ пользу врагъ свою рѣшилъ.
Не свою судьбу рѣшая,
За Европу бьемся мы,
Славой бранной украшая
Битвы генія войны.
Александръ просилъ подмоги
У австрійцевъ, англичанъ; —
Но боятся тѣ дороги
Средь штыковъ во вражій станъ.

Императоръ не дерзаетъ
Кровь Россіи проливать,
Миръ французамъ предлагаетъ; —
Тѣ спѣшатъ его принять.
Александръ съ Наполеономъ
1807. Миръ въ Тильзитѣ заключилъ,
Но всего лишь только въономъ
Часть землицы получилъ *).
Но зато къ „континентальной“
Онъ системѣ насъ привелъ,
Чтобы жизнью идеальной
Миръ подлунный весь зацвѣлъ;
Чтобы Англія смирилась,
Всю торговлю потерявъ,
И суда ея стремились
Прочь отъ гаваней державъ **).
Недовольный этимъ миромъ
Шведскій намъ король грозилъ,
И не дружбу съ шумнымъ пиромъ, —
Онъ войну намъ предложилъ.
1809. Но по миру въ Фридрихсгамѣ
Мы Финляндію беремъ,
И Торнео, точно въ рамѣ,
Между шведами кладемъ ***).
Самъ Густавъ свой тронъ оставилъ,
Тяжела ему война,
И наслѣдье предоставилъ
Для французскаго орла ****).

*) Бѣлостокскую область.

**) Своей континентальной системой Наполеонъ хотѣлъ подорвать торговлю Англіи, заперевъ входъ ея кораблямъ во всѣ гавани континентальныхъ державъ. Этой мѣрой онъ надѣялся смирить непокорную страну и заставить ее подчиниться силѣ своего генія.

***) Эта война окончилась Фридрихсгамскимъ миромъ, по которому мы получили Финляндію до рѣки Торнео.

****) Король Швеціи Густавъ IV отказался отъ престола

Но Тильзитъ Наполеона
Въ высь могучую поднялъ;
Блещетъ Франціи корона,
Свѣтъ въ лучахъ ея дрожалъ.
Троны царскіе смѣняетъ,
Изгоняетъ королей,
Снова властью надѣляетъ,
Тѣшась силою своей*).
Честолюбью нѣтъ предѣловъ,
Мысль въ мозгу его царитъ,
Что свободна, безъ надѣловъ,
Русь одна еще стоитъ.
Геній бранный не простерся
Надъ великою землей;
Императоръ не отрекся,
Смятый бурей боевой.
Ищетъ онъ предлогъ раздора,
Ширитъ польскую страну.
И помимо договора
Землю ей даетъ одну**).
Но такое отношенье
Намъ не нравится къ себѣ;
Польши той возстановленье —
Значитъ — снова быть бѣдѣ!
Александръ объ этомъ пишетъ,
Но уклончивъ былъ отвѣтъ,
И въ отвѣтѣ этомъ дышетъ
Между строкъ — не „да“, но „нѣтъ“!

*) Лишивъ Браганцскій домъ престола—присоединилъ Португалію къ своимъ владѣніямъ (1807 г.). Присоединилъ къ Франціи Церковную область и папу (Пій VII) отправилъ подъ конвоемъ во Францію. Лишилъ престола брата своего Людовика, короля Голландскаго, и включилъ Голландію въ составъ своей имперіи. Лишилъ Бурбоновъ испанскаго престола, посадивъ на него брата своего, Іосифа Неаполитанскаго, а Неаполь отдавъ Мюрату.

**) Присоединилъ къ Варшавскому герцогству з. Галицію, отнятую у Австріи.

Вслѣдъ зазнавшiйся властитель
Оскорбленье вновь несетъ,
Церемонiй не любитель —
Жертву новую беретъ.
Ольденбургскаго владѣнье
Отнимаетъ для себя,
Александра одобренья
Въ дѣлѣ этомъ не спрося.
Царь съ обиженнымъ былъ тѣсно
Связанъ дружбой и родствомъ,
И ему совсѣмъ не лестно,
Что обиженъ тотъ врагомъ.
Шлетъ протестъ Наполеону,
Тотъ вниманьемъ не даритъ,
И заносчивому тону
Стать инымъ онъ не велитъ.
Подрываетъ и система *),
Вывозъ плохъ родной страны**);
Въ разговорахъ эта тема
Взволновала вновь умы.
Снова пошлины онъ вводитъ
На товары, что въ судахъ
Англичанинъ въ портъ приводитъ,
(Съ злобой скрытою въ очахъ ***).
Но не только у французовъ
Тѣ тарифы завели, —
Заставляетъ также россовъ,
Чтобъ за нимъ послушно шли.

*) Континентальная.

**) Значительно уменьшился вывозъ сырья изъ предѣловъ Россiи.

***) Принужденный сдѣлать исключенiя изъ своей системы, Наполеонъ разрѣшилъ ввозъ во Францiю колонiальныхъ товаровъ на англiйскихъ судахъ, хотя и за очень высокую пошлину. Онъ потребовалъ ввести такой же тарифъ и въ Россiи.

Но такое предложенье
Царь рѣшительно отвергъ;
Вызвавъ тѣмъ недоумѣнье
Предъ собой врага повергъ.
Тѣ же роскоши предметы,
Что изъ Франціи къ намъ шли,
И россійскія монеты
Прочь отъ родины несли, —
Обложилъ высокой данью,
Часть — ввозить вновь воспретилъ,
Чѣмъ всесильному желанью
Александръ не угодилъ.
Полонъ мести побѣдитель,
Мрачно грозное чело; —
Въ гнѣвъ рѣшенье привело:
Непослушныхъ не любитель!
Но интригъ Наполеона
Не страшится нашъ орелъ;
Отъ угрозъ суровыхъ звона
Страха онъ не пріобрѣлъ.
А властитель полуміра
Войско грозное собралъ;
Въ немъ любовь къ нему царила,
Что побѣдами стяжалъ.
Съ этой массой онъ въ предѣлы
Нашей родины вступилъ,
И рукой своей умѣлой
Ихъ чрезъ Нѣманъ устремилъ.

Надѣляетъ всѣхъ надеждой,
Соблазняетъ ихъ Москвой,
Но подъ скромною одеждой
Сердце замерло тоской.
А надъ нимъ витаетъ снова
Счастье, геній боевой,
Какъ могучая основа
Въ этой распрѣ роковой.
Александръ съ печалью слышитъ,
Что въ предѣлы врагъ вступилъ; —
Непреклонной волей дышитъ,
И народу возвѣстилъ:
„Не сложу теперь оружья
Я до радостныхъ временъ,
Гдѣ штыкомъ и Руси стужью
Будетъ смятъ Наполеонъ.
Пусть хотя единый воинъ
Войска вражьяго у насъ; —
Я душою непокоенъ,
Не замолкнетъ брани гласъ.
И тогда лишь мечь державный
Я въ ножны свои вложу,
Лишь когда съ Россіей славной
Прочь французовъ провожу“!
Этотъ гласъ въ сердца народа
Съ чувствомъ радостнымъ проникъ;
Всколыхнулася природа,
Молодъ немощный старикъ.

Войскъ немного — тысячъ двѣсти;
У французовъ — ихъ шестьсотъ,
И несутся грозно вѣсти:
Императоръ ихъ ведетъ!
Но народное величье
Съ прежней силой возстаетъ,
И ни слава, ни отличье,
Ихъ собой на бой влечетъ.
Всколыхнулась Русь родная,
Ополчились города,
И волна бойцовъ живая
Устремилась на врага.
Создаются ополченья
Подъ дворянскою рукой;
А купцы всѣ сбереженья
Сыплютъ матушкѣ родной.
Всѣ крестьяне на защиту
Бѣдной родины встаютъ,
И врагу свою обиду
На концѣ ножа несутъ.
Нѣтъ штыка — готовы вилы;
Сабли нѣтъ — топоръ звенитъ,
И серпы порою милы,
И коса во тьмѣ блеститъ.
Не жалѣя достоянья
Предъ врагомъ деревни жгутъ,
И отчизны начинанье
Мощью русскою ведутъ.

Нашу рать Барклай-де-Толли
Подъ свое начальство взялъ,
И сознанье свѣтлой воли
Генiй бранный окрылялъ.
Не стремится вождь на битву,
Врагъ сильнѣйшiй не манитъ,
И предсмертная молитва
Слухъ его не усладитъ.
Хочетъ онъ во внутрь Россiи
Всѣхъ французовъ заманить,
Схватки частыя, лихiя,
Чтобъ могли ихъ утомить.
Чтобы каждый шагъ имъ стоилъ
Сотней жизней и труда, —
И побѣдой не покоилъ;
Пусть имъ памятна вражда.
Скоро Витебскъ насъ прославилъ,
Гдѣ геройски подрались;
Много труповъ врагъ оставилъ,
Мы къ Смоленску собрались.
Но французъ туда же мчится; —
Невѣровскiй передъ нимъ,
Задержать его стремится
Съ войскомъ маленькимъ своимъ.
Задержать, чтобы Раевскiй
Могъ вступить въ старинный градъ,
Дабы помнилъ врагъ — Смоленскiй
Бой созданный для преградъ.

Лихо выполнилъ задачу,
Удивленъ былъ самъ Мюратъ,
Что терпѣлъ здѣсь неудачу
Не однажды, — много кратъ.
Но французовъ наступленье
Надо снова задержать,
Дабы нашимъ отступленье
Можно было-бъ совершать.
Два героя *) подъ Смоленскомъ
Бьются съ арміей враговъ,
И отпоромъ молодецкимъ
Удивляютъ мудрецовъ.
Наконецъ мы съ главной силой
По дорогѣ на Москву,
И герой Смоленска милый
Оставляетъ градъ врагу **).
Видитъ врагъ, что прежней славы
Лавры стали увядать,
И война своей забавы
Не даетъ ему вкушать.
Черезъ плѣннаго Тучкова
Къ Александру шлетъ письмо.
Но для насъ оно не ново:
Рѣчью мирною полно.
Нѣтъ отвѣта на посланье,
И груститъ Наполеонъ,
Что надеждой ожиданья
Павшій духъ не ободренъ.

*) Раевскій и затѣмъ смѣнившій его Дохтуровъ.

**) Задержавъ французовъ у Смоленска (150 тысячъ), Дохтуровъ даетъ возможность главнымъ силамъ выбраться на московскую дорогу, послѣ чего, по приказанію Барклая, вышелъ ночью изъ города, отдавъ его французамъ. Смоленскъ послѣ бомбардировки представлялъ изъ себя груду развалинъ, не сохранивъ и пятой части домовъ.

А Барклай все отступаетъ,
Силы русскія щадитъ,
Въ бой съ французомъ не вступаетъ,
Лавровъ новыхъ не даритъ.
Но войска не понимаютъ
Плановъ здраваго вождя;
Битвы всѣ они желаютъ,
Эту мысль въ сердцахъ тая.
На героя тѣнь измѣны
Бросилъ русскій нашъ народъ,
И ему идетъ для смѣны
Вождь иной, неслясь впередъ.
Прибылъ къ арміи Кутузовъ,
Поздоровался, сказалъ:
„Будемъ нынѣ бить французовъ,
Жребій ихъ теперь насталъ.
Не съ такими молодцами
Надо вѣчно отступать, —
Предъ французскими орлами
Низко головы склонять!"
Ждутъ всѣ боя съ нетерпѣньемъ,
Но на утро — отступать!
Вѣсть встрѣчаютъ съ удивленьемъ,
Какъ приказъ такой понять?
Но не долго отступаютъ:
Близъ села Бородина
Войскомъ поле занимаютъ...
Вѣстью рать окрылена.

Будетъ битва — мы поспоримъ,
Грудью путь имъ преградимъ,
И клеймо печали смоемъ,
Кровью землю обагримъ!
Съ русской вѣрою исконной
Мы готовимся вступить
Въ бой неравный, но законный;
Умереть, иль побѣдить *).
Тишина, благоговѣнье
Въ нашемъ лагерѣ царятъ;
У французовъ же веселье,
Трубы громкія гудятъ.
Но едва отъ сна возстали,
Солнца брызнули лучи, —
Рати грозныя стояли
Другъ предъ другомъ на пути.
Императоръ объѣзжаетъ
Поле ратное, бойцовъ, —
Имъ побѣду обѣщаетъ,
Отдыхъ тягостныхъ трудовъ.
И Кутузовъ предъ полками
Тихо, скромно проѣзжалъ,
Но не громкими рѣчами
Слухъ бойцовъ онъ услаждалъ.
Въ рѣчи краткой и покойной
Онъ немногое сказалъ,
Но въ немногомъ онъ достойный
Духъ героя окрылялъ,

*) Русскихъ около 100 тысячъ, а французовъ—130 тыс.

Молвилъ слово, что за нами
Сердце русское лежитъ,
И Москва съ ея церквами
Въ тылъ сынамъ своимъ глядитъ.
Какъ? Москва? родное слово!
Отдадимъ ли мы ее,
Для того, чтобъ врагъ сурово,
Войско ввелъ въ нее свое?
Чтобъ глумился надъ святыней,
Чтобъ звонилъ въ колокола,
И кичась своей гордыней
Чтилъ не русскаго орла?
И сказалось ретивое,
Всколыхнулися войска
Точно море огневое
Мчась на вражіе брега.
26 августа 1812. Колемъ, рубимъ и стрѣляемъ,
Блещутъ храбростью полки;
Не сдаваясь — умираемъ...
Дивно бьются и враги.
Ночь настала... трупы всюду;
Тысячъ сто ихъ набралось;
Слышны стоны отовсюду,
Въ ужасъ смерти все слилось.
Много витязей достойныхъ
Потеряли въ этотъ бой,
Чтя порывовъ благородныхъ
Столь заслуженный покой *).

*) Мы лишились Багратіона, Кутайсова, Тучкова и друг.

Хочетъ „дѣдушка Кутузовъ“
Бой по утру начинать,
Чтобы снова рать французовъ
Русской силой сокрушать.
Но, увы, такъ много пало
Въ битвѣ нашихъ молодцовъ;
Половины ихъ не стало, —
Мало доблестныхъ бойцовъ!
И Кутузовъ на совѣтѣ
Отступать войскамъ велѣлъ,
И тихонько, на разсвѣтѣ,
Лагерь русскихъ опустѣлъ.
Отступаемъ — вслѣдъ за нами
Рать французовъ по пятамъ:
Смерть проносится рядами,
Стоны слышны тамъ и сямъ.
Наконецъ мы въ подмосковной.
Насъ привѣтствуютъ Фили *)
И въ избѣ крестьянской скромной
Планы новые росли.
Здѣсь Кутузовъ и Раевскій,
Здѣсь Барклай и Бенингсенъ,
И Дохтуровъ молодецкій,
И еще кой-кто вдоль стѣнъ.
Всѣ кипятъ желаньемъ боя,
Любятъ матушку-Москву,
И ее ли для разбоя
Уступить теперь врагу?

*) Деревня близъ Москвы, 1 сент. 1812 г.

Но Кутузовъ споръ рѣшаетъ,
И велитъ вновь отступать;
Съ грустью въ сердцѣ объясняетъ,
Что для насъ — важнѣе рать.
Сохранивъ Москву — мы можемъ
Войско все въ бою сложить,
А безъ войска — чѣмъ поможемъ,
Руси будемъ чѣмъ служить?
Повелѣнье исполняя
Отъ Москвы мы отошли,
Силы наши сохраняя
И врага лишь зря вдали.
А престольная столица
Опустѣла, — всѣ бѣгутъ,
И кровавую зарницу
По пути съ собой несутъ *).
Подъ Москвою побѣдитель;
На Поклонной онъ горѣ,
И красотъ земныхъ любитель
Любовался на зарѣ
Видомъ Матушки - престольной
Что у ногъ его лежитъ;
И сознаніемъ довольный
Онъ къ стѣнамъ ея спѣшитъ.
Вотъ она, желанной цѣли
Величавая мечта;
Градъ, на солнцѣ гдѣ блестѣли
Главы русскаго кремля.

*) Уходя изъ Москвы, жители сжигали свои дома и имущество, котораго не въ состояніи были унести изъ Москвы, дабы оно не досталось французамъ.

У заставы*) депутаций
Долго ждетъ Наполеонъ,
И красу великихъ націй
Видѣть здѣсь желаетъ онъ.
Наконецъ, ему доносятъ,
Что Москва теперь пуста,
Что по ней уныло бродятъ
Оборванцы, голытьба.
Императоръ имъ не вѣритъ:
Городъ чудный передъ нимъ;
Жадный взоръ его ужъ мѣритъ
Называетъ все своимъ.
Наконецъ, къ нему съ поклономъ
Иностранцевъ привели;
Въ словѣ тѣ ему суровомъ
Снова истину рекли.
Дѣлать нечего — онъ двинулъ
Самовластно войско въ градъ;
Удивиться не преминулъ,
И не такъ, какъ прежде радъ.
Но едва французы въ городъ
Всѣ на отдыхъ собрались,
Какъ немедля голодъ, холодъ,
И пожары начались.
Кто виновный, кто дерзаетъ
Смѣло домы поджигать,
На покой кто посягаетъ,
Кто рѣшился бунтовать?

*) У Дорогомиловской заставы Наполеонъ, сойдя съ коня, ожидалъ депутаціи отъ города Москвы.

Наконецъ виновный найденъ,
Не одинъ, — а цѣлый рядъ:
За проступокъ дерзкій казненъ,
Но дома опять горятъ.
Сами русскіе нещадно
Жгутъ пріютъ свой вѣковой,
И французовъ безпощадно
Гонятъ вонъ къ себѣ домой.
Ни имущества, ни крова
Русскій житель не щадилъ:
Жегъ съ азартомъ, жегъ сурово,
И объ этомъ не тужилъ.
Каждый воинъ, каждый хочетъ
Пользу родинѣ принесть:
Не ружьемъ — огнемъ поможетъ;
Вамъ, борцы, — хвала и честь!
Точно бурные потоки
Огнь по улицамъ бѣжитъ,
Искры мечутся далеко,
Пламя грозное дрожитъ.
Въ Кремль укрылся побѣдитель, —
Но и тотъ огнемъ объятъ,
И имущества властитель
Изъ кремлевскихъ стѣнъ изъятъ.
Онъ въ дворецъ Петровскій смѣло
Въ вихрѣ огненномъ скакалъ, —
Но и тамъ заря алѣла,
И пожаръ вкругъ бушевалъ.

И смутился духъ великій,
Въ мысляхъ тучи пронеслись,
И народъ, и край сей дикій
Въ нѣчто грозное слились.
Но потеря для народа
Нашей матушки-Москвы —
Непосильная невзгода,
Хуже глада и чумы.
Сердце русское трепещетъ,
Месть къ врагу затаена,
И въ очахъ героевъ блещетъ
Неослабная вражда.
За оружье всѣ берутся,
Въ ополченье всѣ идутъ;
Старики и дѣти бьются
И пощады не даютъ.
Царь, въ отвѣтъ на донесенье
О такой для насъ бѣдѣ,
Полонъ грусти, сожалѣнья,
Заявилъ: „пускай въ трудѣ,
И въ лишеньяхъ жить я буду,
Пусть всѣ воины падутъ, —
Соберу дворянъ повсюду,
Поселяне къ нимъ примкнутъ —
Самъ надъ ними предводитель,
Я на бой ихъ поведу; —
Или я, иль побѣдитель,
Но на миръ я не пойду.

Истощатся всѣ усилья,
Отращу себѣ браду,
И въ Сибирь не на обилье
По на гладъ скорѣй пойду,
Чѣмъ постыдныя условья
Соглашусь я подписать,
Царства славныя угодья
Миромъ срамнымъ запятнать" *)!
Сей призывъ съ высотъ престола
Весь народъ одушевилъ,
И священный голосъ съ трона
Сердце Руси ободрилъ.
Мира нѣтъ — война повсюду,
Вся Россія — мощный станъ,
И разбуженному люду
Ненавистенъ басурманъ.
Партизаны появились,
Налетаютъ тамъ и сямъ;
То у стѣнъ Московскихъ бились,
То носились по полямъ.
Нѣтъ отъ нихъ врагамъ покоя:
Точно хищные орлы,
Налетая, безпокоя,
Страшныхъ замысловъ полны.
И Сеславинъ, и Давыдовъ,
Такъ же Фигнеръ **) удалой,
Навидались разныхъ видовъ
Въ этой жизни боевой.

*) Императоръ Александръ, въ отвѣтъ на донесеніе о взятіи Москвы, сказалъ: „если у меня не останется ни одного воина, я созову мое вѣрное дворянство и добрыхъ поселянъ, и самъ буду предводительствовать ими. Истощивъ всѣ усилія, я отрощу себѣ бороду и лучше соглашусь питаться хлѣбомъ въ нѣдрахъ Сибири, нежели подпишу постыдныя условія. Наполеонъ или я, я или онъ, — но вмѣстѣ мы царствовать не можемъ..."

**) Сеславинъ, Фигнеръ и Давыдовъ — особенно прославившіеся партизанскіе начальники.

Кличъ призывный возглашаетъ
Платовъ, славный атаманъ:
Спящій Донъ онъ подымаетъ
На защиту христіанъ.
Тѣ явились, драться рады,
Пиръ для нихъ — кровавый бой:
Нѣтъ милѣе имъ услады,
Какъ жестокой сѣчи вой.
Слабнетъ рать Наполеона:
Изнурительна война,
И не блескомъ Пантеона
Средь снѣговъ окрылена.
Холодъ, голодъ одолѣли,
Не тупится русскій мечъ,
А о мирѣ не велѣли
Намъ вести съ французомъ рѣчь.
Ослабѣла дисциплина,
Нѣтъ лихихъ богатырей;
Невеселая картина
Среди вражескихъ огней.
Мира жаждетъ, но напрасно,
Богъ войны, Наполеонъ;
Угрожаетъ намъ онъ властно,
Питеръ хочетъ взять въ полонъ.
Но не дѣйствуютъ угрозы,
И молчанье лишь въ отвѣтъ,
А жестокіе морозы
Шлютъ да шлютъ врагу привѣтъ.

Нѣтъ терпѣнья... Лористона
Посылаетъ онъ гонцомъ,
Чтобы миръ Наполеона
Увѣнчалъ своимъ вѣнцомъ.
Но фельдмаршалъ*) отвѣчаетъ:
„Полномочья для войны
Царь великій мнѣ вручаетъ,
А не мирныя бразды.
Слово „миръ“ я не дерзаю
Даже робко произнесть,
А отвѣтъ я свыше знаю:
Пусть Руси свершится месть!“
Въ то же время вѣсть нежданну
Получилъ Наполеонъ:
Авангардъ его, такъ странно,
Нами былъ вдругъ сокрушенъ.
Вѣсть тревожная смутила:
Началъ русскій наступать,
Или бранное свѣтило
Стало быстро угасать**)?
Отдаетъ онъ приказанье —
Выступать изъ стѣнъ Москвы,
Гдѣ такъ долго ожиданье
Планъ нарушило войны.
И пылая злобной местью
Повелѣлъ онъ Кремль взорвать,
Сжечь дома — и съ этой честью
Край суровый покидать.

*) Кутузовъ.

**) Вѣсть о томъ, что недалеко отъ Тарутинскаго лагеря часть русской арміи напала на французскій авангардъ, предводимый Мюратомъ, сильно смутила Наполеона. Переходъ арміи отъ оборонительныхъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ—не предвѣщалъ ничего хорошаго для французовъ.

Этихъ варварскихъ велѣній
Исполнитель былъ Мортье*),
И безъ лишнихъ замедленій
Кремль пылаетъ весь въ огнѣ.
Арсеналъ, — другія зданья —
Бичъ народа не щадитъ,
Но соборы, какъ созданье
Воли неба — Богъ хранитъ.
Страшный взрывъ разрушилъ стѣны,
И за нимъ еще ихъ шесть
Разразилося для смѣны,
Чтобы все безслѣдно снесть.
А французы отступаютъ,
Ихъ ведетъ Наполеонъ,
Имъ Калугу обѣщаютъ:
Путь войной не разоренъ.
Но туда совсѣмъ желанья
Нѣтъ у насъ его пускать;
Пусть средь глада, прозябанья
Будетъ маршъ свой совершать.
Мы подъ Малоярославцемъ
Имъ препону создаемъ;
Бьемъ штыкомъ, прикладомъ, ранцемъ,
Кучу вражьихъ тѣлъ кладемъ.
И не разъ предметъ раздора
То французскій, то онъ нашъ;
Но рѣшить не можетъ спора:
Врагъ тогда мѣняетъ маршъ.

*) Маршалъ Мортье.

На Смоленскую дорогу
Онъ ведетъ свои войска,
Но она, по волѣ Бога,
Не богата, а пуста.
Все полно тамъ разоренья,
Нѣтъ ни пищи, ни жилья,
И врагу лишь озлобленье
Наша въ даръ даетъ земля.
По пятамъ Наполеона
Войско русское идетъ;
Потрясенная корона
Обезславленной бредетъ.
Всюду мы врага тревожимъ,
Разбиваемъ по частямъ,
И несчастье вражье множимъ,
Смерть незваннымъ шля гостямъ.
Милорадовичъ подъ Вязьмой
Имъ урокъ жестокій далъ,
И пылая неприязнью
Кровью путь ихъ обагрялъ.
А при Красномъ посильнѣе
Били мы еще врага,
Чтобы чувствовалъ больнѣе,
Какъ намъ Русь всѣмъ дорога.
Голодъ, русскіе морозы
Имъ покоя не даютъ,
И суровый голосъ прозы
Въ часъ предсмертный познаютъ.

На Березинѣ мы гибель
Зрѣли жалкаго врага,
И пошла ему не въ прибыль
Часть нажитаго добра.
Здѣсь по плану Александра
Три отряда собрались*),
И въ тылу своемъ безъ кадра
Съ павшимъ витяземъ дрались.
Еле-еле императоръ
По мостамъ провелъ войска;
Въ дѣлѣ ратномъ не новаторъ —
Все же хитро велъ дѣла.
Но не хитрость, геній бранный,
Опытъ войнъ минувшихъ лѣтъ —
Не спасли когда-то славный
Грозной силой — войска цвѣтъ.
Много храбрыхъ потонуло,
Много трупами легло; —
Счастье славы промелькнуло,
Въ вѣчность жизни унесло.
Только жалкіе остатки
При Березинѣ спаслись;
Отступая безъ оглядки
Кто-куда поразбрелись.
23 ноября. Въ ноябрѣ, покинувъ крохи
Бывшей арміи своей,
Унося поспѣшно ноги —
Мчится сокола быстрѣй

*) Отрядъ Витгенштейна, находившійся на сѣверѣ для прикрытія Петербурга; обсерваціонный отрядъ Тормасова, расположенный на югѣ и Дунайская армія, закончившая недавно войну съ Турціей, подъ командой Чичагова.

Самъ, смущенный неудачей,
Богъ войны — Наполеонъ,
Съ нерѣшенною задачей:
Какъ и кѣмъ онъ побѣжденъ?!
Мы спаслись грозы жестокой,
Врагъ со срамомъ убѣжалъ,
И въ странѣ своей далекой
Край суровый проклиналъ.
Торжествуетъ Русь побѣду,
Силу мощнаго царя,
Что нежданнаго сосѣда
Проводилъ въ его края.
Но душою величавый
Царь оружья не сложилъ,
И Европы путь увялый
Вновь надеждой оживилъ.
Онъ рѣшилъ освобожденье
Всѣмъ народамъ принести,
И отъ спячки пробужденье
Въ даръ желанный поднести.
И Кутузовъ приказанье
Александра получа,
За границу въ назиданье
Перешелъ съ грозой меча.
Императоръ самъ явился
Въ нашу армію и съ ней —
Жизнью ратною дѣлился,
Свѣтомъ лагерныхъ огней.

Перейдя на почву нѣмцевъ,
Александръ увѣренъ былъ,
Что не робостью младенцевъ
Духъ Германіи служилъ;
Что къ врагу пылая мщеньемъ
Знамя войнъ поднимутъ съ нимъ,
И свободы пробужденьемъ
Дышатъ трепетомъ однимъ.
Но великій угнетатель
Страхъ такой навелъ на всѣхъ,
Что лишь пруссовъ обладатель
Не страшился мыслей тѣхъ*).
Въ помощь шлетъ свое онъ войско,
Съ нами онъ врага тѣснитъ,
И штыкомъ, и саблей бойко
Рать онъ свѣжую громитъ**).
Но вначалѣ неудачи
Мы въ Германіи несли,
И трудовъ своихъ задачи
Къ грудѣ труповъ привели.
Наконецъ австрійцы, шведы,
Англичане — дали намъ
Свой союзъ, а съ нимъ побѣды,
Гибель немощнымъ врагамъ.
Но звѣзда Наполеона
Яркимъ свѣтомъ не горитъ,
И тяжелая корона
Новой славой не даритъ.

*) Страхъ передъ Наполеономъ былъ столь силенъ, что вначалѣ только одинъ Прусскій король присоединилъ свои войска къ русской арміи.

**) Наполеонъ съ неимовѣрной быстротой успѣлъ снарядить огромную армію (до 300 тысячъ.)

Онъ подъ Лейпцигомъ сраженье
Съ войскомъ храбрымъ проигралъ,
И въ невольное смущенье
Духомъ тамъ мятежнымъ впалъ.
Бились шумные народы,
Бились жизней не щадя,
И кровавыя невзгоды
Саблей острою дѣля.
Битва грозная народовъ
Побѣдила вражій духъ,
Свергнувъ иго отъ французовъ
Какъ болящаго недугъ*).
Вновь во Францію стремится
Побѣжденный великанъ,
И въ душѣ его ютится
Для борьбы готовый планъ.
Войско новое онъ хочетъ
Силой генія крылить,
И несется, и хлопочетъ,
Чтобы вражью кровь пролить.
Въ это время предложенье
Отъ союзниковъ пришло:
Снова мира упоенье
Къ побѣжденному несло.
Но условіемъ служило,
Чтобы Франція одна
Лишь вѣнецъ ему дарила,
Какъ законная страна.

*) Этой битвой Германія освободилась отъ ига французовъ.

Чтобъ до Рейна лишь граница
Новой Франціи была,
И забытая столица
Жизнью мирною цвѣла.
Но такое предложенье
Гордый духъ его отвергъ,
И союзниковъ стремленье
Онъ въ унынье вновь повергъ.
Скромной жизни начинанье
Духъ мятежный оттянулъ;
Вновь оружія бряцанье
И вражду въ сердца вдохнулъ.
Мы къ Парижу устремились,
Врагъ — одинъ Наполеонъ,
А не съ Франціей мы бились,
Въ чемъ народъ оповѣщенъ.
Тщетно силы напрягаетъ,
Чтобъ движенье преградить:
Бранный геній измѣняетъ,
Пересталъ ему служить.
1814. Наконецъ у стѣнъ столицы!
Здравствуй, батюшка Парижъ!
Шлетъ привѣтъ Москва — царица,
Что за дружбу подаришь*)?
Тщетно маршалы**) старались
Насъ въ Парижъ не допустить,
И какъ львы день цѣлый дрались,
Но — судьбы не побѣдить.

*) Наполеонъ ждалъ у Рейна, но союзники, отрядивъ туда незначительный отрядъ, устремились съ главными силами къ Парижу.

**) Вся защита Парижа состояла изъ двухъ незначительныхъ отрядовъ, предводимыхъ маршалами Мармономъ и Мортье.

Только слово Александра —
Въ цѣны городъ превращенъ,
И какъ ветхая мансарда
Былъ-бы въ мигъ одинъ снесенъ.
Но могучей неприязнью
Притѣснителю царь мститъ,
А не Франціи онъ казнью
Безпощадною грозитъ.
И столица не упала,
Не измята и краса,
А въ стѣнахъ своихъ пріяла
Новой силы чудеса.
Отворилися ворота
Передъ славою бойцовъ,
И союзнаго народа
Рать течетъ со всѣхъ концовъ.
Торжествомъ сіяетъ городъ,
Впереди всѣхъ нашъ герой *):
Онъ красивъ, могучъ и молодъ,
Выше всѣхъ онъ головой.
Слѣдомъ прусскій повелитель
Гордо ѣдетъ на конѣ;
Былъ онъ тоже побѣдитель
Въ этой тягостной войнѣ.
И фельдмаршалъ здѣсь австрійскій,
Дружбы полный, Шварценбергъ,
Что съ союзникомъ россійскимъ
Силу вражію повергъ.

*) Императоръ Александръ.

И едва въ Парижъ вступили,
Александръ всѣмъ объявилъ,
Что теперь мы побѣдили,
И счастливый часъ пробилъ.
Долженъ миръ царить на свѣтѣ
И утихнуть бранный пиръ,
А вражда, погибнувъ въ Летѣ,
Позабыть боевъ кумиръ.
Но вести переговоры
Не дерзнетъ Наполеонъ;
Онъ съ семьей — всему раздоры,
Онъ лишь врагъ, — онъ побѣжденъ.
И сенатъ тогда французскій,
Во главѣ съ нимъ Талейранъ,
Объявилъ въ угоду русскимъ,
Что великій геній палъ;
Что престолъ Наполеона
Въ градѣ вѣчномъ ужъ не ждетъ,
И къ семьѣ его корона
Никогда не перейдетъ.
То рѣшеніе сената
Въ Фонтенебло отвезли...
Мраченъ онъ, семья не рада,
Дни величья отцвѣли!
Сорокъ тысячъ войскъ стояло,
Рать немалая была,
И приказа ожидала
Императора - орла.

Но отречься отъ престола
Не хотѣлъ Наполеонъ,
Не хотѣлъ лишиться трона,
Чтобы взялъ его Бурбонъ.
Онъ о битвѣ помышляетъ,
Силой жаждетъ вырвать власть,
Мысль надеждой окрыляетъ
И съ борьбой желаетъ пасть.
Но соратники лихіе,
Маршалъ Ней и Удино,
И еще кой-кто другіе,
Все порвали, какъ звено.
И служить всѣ отказались
Императору-бойцу,
Передъ кѣмъ всегда склонялись,
Рѣя къ славному вѣнцу.
Всѣми брошенный остался
Онъ одинъ, какъ перстъ судьбы,
И отъ трона отказался
Послѣ тягостной борьбы.
Островъ Эльбу во владѣнье,
Какъ подарокъ получилъ,
И туда души стремленье
Волей вражьей заключилъ.
А Бурбоны торжествуютъ:
Палъ могучій великанъ;
Снова имъ престолъ даруютъ
Подъ давленьемъ чуждыхъ странъ.

Поверщивъ дѣла въ Парижѣ
Государи собрались
На конгрессъ*), къ себѣ поближе,
Гдѣ дѣлами занялись.
Но дѣла не заключили —
Мечъ свой снова извлекли,
И оружье устремили
Въ станъ, гдѣ лавры зацвѣли.
Снова духъ Наполеона
Съ силой прежнею возсталъ,
И въ рукахъ своихъ корону
Въ мысляхъ пламенныхъ держалъ.
Собираются отряды,
Съ ними самъ Наполеонъ,
И бойцы, какъ прежде, рады,
Что ведетъ на бой ихъ онъ.
Всколыхнулася Европа:
Эльба**) брошена, и „онъ“
Жаждетъ новаго похода
И грозитъ своимъ мечомъ.
Но герою, — что угрозы,
Духъ могучій въ немъ воскресъ,
Мечетъ онъ, какъ прежде, грозы,
Полонъ снова онъ чудесъ.
Снова сила обаянья
Вновь къ нему бойцовъ зоветъ,
И великаго желанье
Въ сердцѣ каждый вновь несетъ.

*) Въ городѣ Вѣнѣ.

**) Наполеонъ, узнавъ о несогласіяхъ на конгрессѣ и о недовольствѣ Франціи Людовикомъ XVIII, тайно оставилъ островъ Эльбу и высадился на южномъ берегу Франціи съ небольшимъ отрядомъ войска (26 февраля 1815 года).

Снова путь увѣнчанъ славой;
Вотъ Парижъ, желанный градъ,
Гдѣ снесенъ вѣнецъ увялый
Мощью царственныхъ преградъ.
Растерялся и Людовикъ,
Скрыться въ Бельгію успѣлъ,
И величья новый подвигъ
Окомъ царственнымъ не зрѣлъ.
А изгнанникъ — на престолѣ:
Въ Вѣну шлетъ своихъ гонцовъ,
Миромъ блещетъ въ тяжкой долѣ,
Полонъ дружбы теплыхъ словъ.
Но, увы! — довѣрье пало,
Вмѣсто мира — войско шлютъ,
И суровое забрало
Съ шлемомъ воину даютъ.
Споръ кровавый разрѣшился:
Снова палъ Наполеонъ;
1815 Ватерлоо бой явился *)
Днемъ, гдѣ былъ онъ побѣжденъ.
Послѣ этого отрекся
Отъ престола онъ опять;
Мрачно къ острову помчался,
Чтобы жизнь тамъ прозябать **).
А въ Парижѣ вновь рѣшаютъ
Бѣдной Франціи судьбы,
Новый миръ съ ней заключаютъ...
И настал конецъ вражды.

*) До прибытія русскихъ силъ — Наполеону нанесенъ рѣшительный ударъ англичанами и пруссаками при Ватерлоо, гдѣ первыми руководилъ Веллингтонъ, а вторыми — Блюхеръ.

**) Схваченный англичанами, онъ былъ заточенъ на островъ св. Елены, гдѣ и умеръ въ 1821 году.

Что жъ принесъ конгрессъ намъ Вѣнскій?
Польшу Руси отдаетъ,
И за подвигъ молодецкій
Новый край царю несетъ.
Русь теперь полна величья,
Александръ въ устахъ у всѣхъ;
Но не ищетъ онъ отличья,
И далекъ судьбы утѣхъ.
Жаждетъ мирныхъ изліяній,
Дышитъ чистою красой,
И мечтой своихъ желаній
Свѣтитъ родинѣ святой.
Не для битвы онъ кровавой
Волей Вышняго рожденъ,
И къ оружію — неправой
Силой былъ лишь привлеченъ.
Полный мирныхъ начинаній
Онъ реформы совершалъ;
Много сладостныхъ дѣяній
Въ нихъ народу расточалъ.
Какъ помощники — явились
Чарторыжскій, Кочубей;
Въ ихъ душѣ желанья слились
Съ свѣтомъ царственныхъ идей.
Новосильцевъ съ ними вмѣстѣ,
Рядомъ — Строгоновъ стоитъ,
И свободно, и безъ лести
Волю царскую творитъ*).

*) Ближайшами совѣтниками въ дѣлахъ государственнаго управленія были: графъ Кочубей, графъ Строгоновъ, князь Чарторыжскій и Новосильцевъ. Трое послѣднихъ были близки къ государю еще съ самаго дѣтства.

Вѣкъ коллегіи отжили;
1802. Министерства ихъ теперь
Въ новомъ строѣ замѣнили,
Отворяя жизни дверь*).
Ихъ Сперанскій устрояетъ,
Здравый смыслъ имъ придаетъ;
Царь въ немъ геній открываетъ,
Ближе къ дѣлу все зоветъ.
Съ нимъ нерѣдко на совѣтѣ
Ночи цѣлыя сидѣлъ,
И лишь только на разсвѣтѣ
Отдыхалъ отъ сложныхъ дѣлъ.
Открытіе 1 января 1810. Результатъ — совѣтъ создался,
Государственный Совѣтъ,
Гдѣ сановникъ подвизался,
Сѣя вкругъ закона свѣтъ.
Учрежденье раздѣлялось,
Сообразно разныхъ дѣлъ,
На четыре, что создалось,
Дабы къ дѣлу всякъ радѣлъ.
Былъ законовъ департаментъ,
Дѣлъ военныхъ — былъ другой,
Въ третьемъ — все гражданскій правитъ
И духовныхъ взявъ съ собой;
Экономіи — четвертый
Государственной зовутъ,
И ему не буквы мертвой
Жизни здравый смыслъ даютъ**).

*) Александръ учредилъ 8 министерствъ на мѣсто Петровскихъ коллегій.

**) Государственный Совѣтъ, составленный изъ сановниковъ имперіи, получилъ, по преимуществу, характеръ законодательный. Онъ раздѣленъ былъ на 4 департамента: 1 — законовъ, 2 — военныхъ дѣлъ, 3 — дѣлъ гражданскихъ и духовныхъ и 4 — государственной экономіи.

Все, что нужно обсуждаютъ,
И законы создаютъ,
Власти царской представляютъ,
Силу тѣмъ всему даютъ.
Министерскіе отчеты
Разбирались также въ немъ;
Отмѣчались недочеты
Здѣсь повсюду и во всемъ.
Всю Совѣта канцелярью
Самъ Сперанскій въ руки взялъ,
И по царскому желанью
Дѣло крупное вершалъ.
Много также потрудились
На финансовомъ пути, —
Въ жизнь народа углубились,
Чтобъ реформу провести.
Царь радѣетъ для народа:
Знанья хочетъ насаждать,
Чтобъ крестьянъ со знатью рода
Чѣмъ-нибудь хотя равнять.
Запечатанныя Павломъ
Типографіи открылъ,
И еще, въ условьи равномъ,
Много новыхъ разрѣшилъ.
Иностранныхъ книгъ дозволилъ
Массы цѣлыя ввозить,
Школъ количество пополнилъ,
Много новыхъ далъ открыть.

Рядъ и высшихъ заведеній
Русь украсили собой,
И царя благихъ стремленій
Славитъ здравый людъ родной *).
Но рутина неизмѣнно
Заѣдаетъ родъ людской,
И дворяне преотмѣнно
Ходятъ сѣрою толпой.
Не желаютъ подвизаться
Въ этой области ума;
Лучше въ войско записаться:
Блескъ мундира, жизни тьма!
Мѣрой строгой понуждаютъ,
Безъ дипломовъ высшихъ — путь
Всей карьеры умѣряютъ,
Трудно въ высь теперь шагнуть!
Эту мысль царю внушаетъ
Все Сперанскій удалой,
Но, увы! — вооружаетъ
Многихъ строгостью такой.
Цѣлый рядъ враговъ явился,
Всѣ Сперанскаго клянутъ;
Кто за что ругать стремился,
Жить покойно не даютъ.
Наконецъ, по злымъ навѣтамъ,
Былъ отъ дѣлъ онъ устраненъ
И, простившись съ высшимъ свѣтомъ,
Въ глубь Россіи удаленъ.

*) Главнѣйшія изъ учебныхъ заведеній, открытыхъ при Александрѣ I: Харьковскій, Казанскій и Петербургскій университеты, Царскосельскій лицей, Ришельевскій лицей, Демидовское училище высшихъ наукъ въ Ярославлѣ, гимназія высшихъ наукъ Безбородко въ Нѣжинѣ (Черниговской губ.), Лѣсной институтъ, институтъ корпуса Путей Сообщенія, Инженерный корпусъ, Артиллерійское училище, Главный Педагогическій институтъ, Медико-хирургическая академія (преобразована) и др., не считая гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, открытыхъ по разнымъ городамъ Россійской Имперіи.

Но и тамъ кипитъ работа,
Умъ пытливый ищетъ дѣлъ.
И о родинѣ забота
Краситъ тягостный удѣлъ.
Черезъ десять лѣтъ вернулся,
Но значенье потерялъ:
Новый витязь подвернулся,
Царь ему и довѣрялъ.
Аракчеевъ былъ любимецъ,
Онъ инымъ царя манитъ
И, судьбы самой счастливецъ,
Мысли новыя родитъ.
Рядъ военныхъ поселеній
Императоръ создаетъ,
И въ залогъ своихъ твореній
Планъ любимца онъ кладетъ.
По идеѣ — все прелестно:
Самъ крестьянинъ, самъ солдатъ,
То съ сохой ему умѣстно,
То съ ружьемъ онъ на парадъ.
И расходъ на содержанье
Нашей арміи упалъ;
Это царское желанье
Аракчеевъ выполнялъ.
Но на практикѣ надежды
Дали слабые плоды
И ушли, закрывши вѣжды,
Вдаль неся свои труды*).

*) Созданіе военныхъ поселеній не дало жданныхъ результатовъ, а потому впослѣдствіи и было уничтожено.

Много доблестныхъ дѣяній
Царь для родины свершилъ,
И ума, и сердца, знаній —
Ничего не пощадилъ.
Но избытокъ силъ невольно
Истощилъ тяжелый путь;
Много въ жизни вспомнить больно,
Надо сердцу отдохнуть.
Сталъ онъ властью тяготиться,
Тишь, покоя сталъ искать,
Даже думалъ удалиться
И корону передать.
Но однажды онъ на югѣ,
Отдыхая отъ трудовъ,
Простудился въ хладной вьюгѣ
У приморскихъ береговъ.
19 ноября 1825. И не стало солнца свѣта,
Жизнь величья отошла,
И бразды его завѣта
Власть иная приняла.
А народъ Благословеннымъ
Александра окрестилъ,
И сказаніемъ нетлѣннымъ
Это имя окрылилъ *).
Умеръ царь, и на престолѣ
Не оставилъ онъ дѣтей;
Скипетръ царскій, Божьей волей,
Принялъ братъ, краса людей.

*) Пронесся слухъ, что Александръ не умеръ, а удалился въ Сибирь, гдѣ и поселился подъ именемъ старца Θеодора Кузьмича. Это преданіе настолько укрѣпилось въ народѣ, что еще живетъ до сихъ поръ, несмотря на цѣлый рядъ изысканій и опровержeній.

Константину*), по закону,
Долженъ столъ принадлежать
И ему Руси корону
На главѣ своей держать.
Но царевичъ тяготѣнья
Къ царской власти не имѣлъ,
Отъ законнаго наслѣдья
Отказаться онъ хотѣлъ.
И еще при жизни брата
Отказался онъ отъ правъ;
Николая, тоже брата,
На престолъ царей пославъ**).
Актъ объ этомъ отреченьи
Тайно царь отъ всѣхъ хранилъ,
Николая въ заблужденье,
Какъ нежданный, — онъ вводилъ.
Но царевичъ отреченье
Снова лично подтвердилъ,
Брата младшаго значенье
Всенародно укрѣпилъ.
Манифестъ тогда былъ изданъ,
Что вступилъ онъ на престолъ,
И царемъ законнымъ признанъ
Николай былъ съ этихъ поръ.
Но правленья перемѣна
Здѣсь безъ смутъ не обошлась,
И подпольная измѣна
Въ день присяги поднялась.

14 декабря
1825 — 1855.

*) Константинъ Павловичъ и Николай Павловичъ — братья Александра I.

**) Константинъ Павловичъ еще при жизни Александра I отказался отъ своихъ правъ на престолъ въ пользу слѣдующаго за нимъ брата Николая Павловича.

Случай рѣдкій подвернулся,
Было чернь легко поднять;
Людъ мятежный встрепенулся,
Трудно было и унять.
„Константина мы желаемъ,
Николая не хотимъ,
Тамъ — сейчасъ мы присягаемъ,
Здѣсь — мы клятвы не дадимъ!“
Заговорщики твердили,
Что царевичъ*) устраненъ,
Что другому властью силы
Былъ Россіи тронъ врученъ.
Часть повѣрила навѣту,
Часть не вѣритъ, но кричитъ,
И по злостному совѣту
„Константина!“ все твердитъ.
Новый царь увѣщеваетъ,
Слово истины творитъ,
Имъ прощенье обѣщаетъ,
Лаской царскою даритъ.
Но мятежники стѣною
Приближаются къ дворцу;
Грянулъ залпъ — передъ толпою
Много призванныхъ къ Творцу.
Духъ броженья вмигъ смирился,
Виноватый кару несъ:
Кто въ край дальній удалился,
Кто главу на плаху снесъ.

*) Константинъ Павловичъ.

Слухъ о смутѣ за предѣлы
Нашей родины бѣжалъ,
Царства Персіи надѣлы
Онъ мечтою окрылялъ:
На кавказскія владѣнья
Заявляетъ шахъ права;
Все пришло тогда въ движенье
Въ царствѣ сказокъ, лѣни, сна.
Духовенство по мечетямъ
Всѣхъ къ оружію зоветъ,
Раздаетъ его и дѣтямъ
И на бой съ невѣрнымъ шлетъ.
Ихъ Аббасъ-Мирза*) приводитъ,
Закавказскій край бурлитъ,
Мусульманинъ гдѣ тамъ бродитъ
И помочь своимъ спѣшитъ.
Противъ персовъ на Кавказѣ
Войско двинулъ русскій царь,
И Паскевича въ приказѣ
Устремляетъ биться вдаль.
Бьетъ у Елисаветполя,
Эривань**) штыкомъ беретъ
И, прельстясь красою поля,
Къ Тегерану онъ бредетъ.
Устрашенный шахъ стремится
Миръ скорѣе заключить,
Чѣмъ съ врагомъ безцѣльно биться
И столицу уступить.

*) Наслѣдникъ престола Персіи.
*) Крѣпость Эривань, считавшуюся оплотомъ Персіи.

Онъ въ деревнѣ Туркманчаѣ
1828. Миръ желанный подписалъ,
И въ своемъ прелестномъ краѣ
Часть земель намъ уступалъ *).
Двадцать долженъ милліоновъ
Онъ Россіи уплатить
Чтобъ расходы отъ походовъ
Мы могли тѣмъ возмѣстить.
И Паскевичъ называться
Эриванскимъ нынѣ сталъ,
Графомъ началъ величаться:
Царь за подвигъ награждалъ.
Въ это время на Балканахъ
Не на жизнь — на смерть вражда,
И неправый въ жизни правыхъ
Бьетъ и рушитъ города.
Турки грековъ притѣсняютъ,
Ненавистенъ духъ славянъ,
И невѣрныхъ попираютъ,
Нанося во всемъ изъянъ.
Тѣ молчали; но терпѣнью
Есть граница, какъ во всемъ, —
И, по Божьему велѣнью,
Ополчилися мечомъ.
Но одни не въ силѣ биться,
Рать борцовъ не велика,
Надо сильнымъ заступиться
И притти издалека.

*) Россія получила ханства Эриванское и Нахичеванское.

Царь Россіи величавый,
Рыцарь тѣломъ и душой,
Видитъ силы гнетъ неправый,
Слышитъ стонъ души больной.
Заступается онъ словомъ,
Хочетъ участь облегчить,
Хочетъ въ сонмищѣ суровомъ
Свѣтъ любви въ сердца пролить.
Но султанъ далекъ призыва,
Сердце черствое молчитъ,
Жаждетъ съ Русью онъ разрыва,
Пусть война сей споръ рѣшитъ!
Нѣтъ терпѣнья — объявляетъ
Николай тогда войну,
Войско въ бой благословляетъ,
Устремляя на борьбу.
Бьемъ мы въ Азіи османовъ,
Бьемъ въ Европѣ ихъ опять;
Стонетъ царство оттомановъ
И бѣжитъ отъ Руси вспять.
Вновь Паскевичъ Эриванскій
Турокъ въ Азіи разитъ;
Обездоленный султанскій
Воинъ русскаго бѣжитъ.
Палъ Ахалцыхъ, Карсъ намъ сдался,
Занятъ былъ и Эрзерумъ;
Полумѣсяцъ закачался
Подъ наплывомъ тяжкихъ думъ.

А въ Европѣ съ Виттенштейномъ,
Съ храбрымъ Дибичемъ мы бьемъ,
И въ напорѣ безпредѣльномъ
Туркамъ мы урокъ даемъ.
Взяли Варну и Браиловъ,
Чрезъ Балканы перешли,
И предѣлъ своихъ порывовъ
Въ градѣ славномъ*) мы нашли.
Мира проситъ врагъ смущенный,
Русь ему его даетъ,
И немного ободренный
Врагъ сраженный отдыхъ ждетъ.
Мы восточный берегъ моря**)
Получили для себя;
По Дунаю мы безъ горя
Шлемъ послушныя суда.
Море Черное открыто
Для россійскихъ кораблей,
Дарданеллы не забыты
Съ свѣтомъ радостныхъ огней***).
Но успѣха много въ дѣлѣ
Императоръ войску далъ;
Передъ нимъ полки рѣдѣли,
Ихъ примѣромъ ободрялъ.
Чрезъ Дунай войска онъ лично
Самъ безъ страха направлялъ;
Правилъ лодкою отлично,
И волной повелѣвалъ.

*) Адріанополь.
**) Чернаго моря.
***) Открыто свободное плаваніе по Дунаю, Черному морю и Дарданелламъ.

Этотъ миръ вернулъ и грекамъ
Независимость страны,
Давъ расцвѣтъ младымъ побѣгамъ
Новой радостной весны.
Сербы такъ же не остались
Царской милостью безъ правъ,
И къ свободѣ пріобщались,
Въ руки власть себѣ забравъ.
И Валахью, и Молдавью
Николай не позабылъ,
Положивъ конецъ безправью —
Власть правительствъ укрѣпилъ*).
Славны царскія побѣды,
Рѣютъ русскіе орлы,
Тише стали и сосѣди,
Помня ужасы войны.
Но волнуются поляки,
Войско ихъ готово въ бой,
Рвется ревностно до драки,
Не щадя страны покой.
17 ноября 1830. Мятежомъ кипитъ Варшава,
Кто за русскихъ — всѣхъ долой,
И мечомъ въ огнѣ пожара
Блещетъ витязь молодой.
Сеймъ рѣшаетъ дерзновенно
Польскій тронъ у Руси взять;
Не стѣсняясь, откровенно,
Онъ посмѣлъ о томъ сказать.

*) Тѣснимая турками Молдавія и Валахія только по Андріанопольскому миру получили значительную самостоятельность. Императоръ Николай обязалъ султана не вмѣшиваться во внутреннее управленіе княжествъ, не свергать самовластно господарей, не обременять народъ непосильными податями, довольствуясь умѣренною податью, и т. п.

Царь въ отвѣтъ на эту дерзость
Сотню тысячъ войска шлетъ,
И его, развивши рѣзвость,
Дибичъ опытный ведетъ.
Онъ при Гроховѣ мятежныхъ
Билъ жестоко, не щадилъ,
И трофеевъ неизбѣжныхъ
Много, много захватилъ!
Слѣдомъ бой при Остроленкѣ;
Снова Дибичъ побѣдилъ,
И опять по старой мѣркѣ
Войско пановъ разгромилъ.
Но холера прекратила
Эти подвиги бойца,
Въ гробъ досчатый уложила,
Въ сѣни хладнаго вѣнца.
Слѣдомъ былъ Паскевичъ присланъ;
Онъ ударилъ — и отъ всѣхъ
Разомъ доблестнымъ былъ признанъ
Безъ труда и безъ помѣхъ.
Подступилъ къ самой Варшавѣ,
1831. Быстро штурмомъ Волю*) взялъ,
И къ давно добытой славѣ
Славу новую стяжалъ.
26 августа 1831. А на утро взялъ и городъ,
Русскій штыкъ здѣсь роль игралъ;
Не блокада и не голодъ
Волю польскую смирялъ.

*) Воля—предмѣстье г. Варшавы.

Царь мятежниковъ караетъ,
Нѣтъ свободы прежнихъ дней:
Сеймъ и войско отнимаетъ
Въ царствѣ пламенныхъ идей.
Имъ намѣстникомъ назначилъ
Онъ Паскевича, и тотъ
Усмирять Варшаву началъ,
И смирилъ гнѣздо хлопотъ.
Но едва мы отдохнули
Отъ Варшавской суеты,
Какъ ужъ въ Венгрію махнули
Съ сердцемъ, полнымъ доброты.
Францъ-Іосифъ призываетъ
Безпорядки усмирить;
Императоръ посылаетъ
Двѣсти тысячъ венгровъ бить.
1849. Появились, усмирили,
Снова въ Австріи покой.
Славно мы походъ свершили,
Съ честью прибыли домой!
Но завистливо державы
Смотрятъ въ русскую страну;
Что-то слишкомъ много славы
Пало на нее одну.
Ослабить ее желаютъ
Гордой Англіи сыны,
И французы помогаютъ:
Видно — мы для нихъ страшны.

Турокъ противъ возбуждаютъ,
Тѣ — готовы насъ разить:
Но, увы, не побѣждаютъ,
И не въ силѣ насъ разбить.
Мы же бьемъ ихъ безпощадно.
А Нахимовъ цѣлый флотъ
18 ноября 1853. У Синопа, какъ отрадно,
Схоронилъ подъ сѣнью водъ.
Самъ Османъ-Паша попался,
Адмираломъ флота былъ, —
Не хотѣлъ, неволей сдался,
А какимъ героемъ слылъ!
Эта грозная побѣда
Всю Европу подняла;
Просимъ помощи сосѣда,
Тотъ не внемлетъ, полонъ зла*).
Даже Австрія забыла
Милость русскаго царя,
И услугъ не предложила,
Силой намъ своей грозя**).
Флотъ союзный безпокоитъ
Всюду насъ по берегамъ:
Вдоль Одессы пушкой водитъ,
Давъ работу морякамъ.
И въ Балтійскомъ, Бѣломъ морѣ,
У Камчатскихъ береговъ —
Натерпѣлись много горя
Отъ назойливыхъ враговъ.

*) Просили помощи у Прусскаго короля, но онъ отказалъ, обязуясь только сохранить нейтралитетъ и то подъ условіемъ, чтобы русскія войска не переходили Дуная.

**) Австрія, забывъ недавнюю услугу Россіи, приняла противъ Россіи угрожающее положеніе послѣ того, какъ наши войска подъ начальствомъ Паскевича перешли Дунай и осадили Силистрію.

И къ Кронштадту англичанинъ
Даже вздумалъ подступить,
Но ушелъ онъ опечаленъ:
Здѣсь въ Россію не вступить.
По частямъ вездѣ отбили
Флотъ союзный отъ бреговъ,
Но, увы, не охладили
Жара ревностныхъ враговъ.
Главнымъ мѣстомъ нашихъ бѣдствій
Крымъ явился; передъ нимъ,
Не щадя преступныхъ дѣйствій,
Врагъ рукою зла гонимъ.
На брегу онъ появился*),
Къ Севастополю идетъ;
Россъ на Альмѣ**) укрѣпился,
Въ гости вражью силу ждетъ.
Тридцать тысячъ нашихъ бьется,
Шестьдесятъ — союзникъ ввелъ;
Намъ побѣда не дается...
Князь на сѣверъ насъ увелъ.
Кораблями преградили
Для врага мы въ бухту входъ;
Что похуже — затопили,
Сокративъ тѣмъ русскій флотъ.
Вслѣдъ за этимъ Севастополь
Сталъ геройствомъ поражать;
Неприступный, какъ акрополь,
Въ страхѣ сталъ врага держать.

*) Союзное войско 2-го сентября высадилось у Евпаторіи, съ цѣлью взять крѣпость Севастополь и уничтожить русскій черноморскій флотъ.

**) Главнокомандующій крымской арміей, князь Менщиковъ, съ цѣлью задержать движеніе союзниковъ на Севастополь, — занялъ позиціи при р. Альмѣ.

Инженеръ Тотлебенъ важно
Съ суши городъ укрѣпилъ;
Подъ огнемъ врага отважно
Валъ за валомъ возводилъ.
Точно львы герои бьются,
Впереди всѣхъ — адмиралъ;
Вкругъ него снаряды вьются,
Въ свистѣ ихъ Корниловъ палъ.
Отражаемъ войско англовъ,
Бьемъ зуавовъ мы штыкомъ;
Не страшась сардинскихъ кадровъ,
Мы встрѣчаемъ ихъ мечомъ.
Два великихъ князя бьются,
Николай и Михаилъ; —
Пули цѣлымъ роемъ вьются,
Но Господь ихъ жизнь хранилъ.
Въ ихъ лицѣ благословенье
Вождь державный войску слалъ,
И позора отступленье
Царскимъ словомъ не прощалъ.
Но Европа подкрѣпляетъ
Утомившихся бойцовъ,
Ихъ надеждой окрыляетъ
Противъ нашихъ молодцовъ.

IV.

И въ разгаръ борьбы жестокой
Императоръ Николай
18 февраля 1855. Удалился въ путь далекой,
Въ безпечальный, мирный край.
Александръ*) пріялъ наслѣдье,
И на тронъ отца вступилъ,
Но собою лихолѣтья
Онъ въ Крыму не прекратилъ.
Мы вражды суровой бремя
Тянемъ, жизни не щадя,
Поражая вражье племя,
Въ вихрѣ грознаго огня.
Но не Меншиковъ главою,
Горчаковъ начальство взялъ,
И могучею рукою
Крѣпость грозно охранялъ.
Пелисье**) ведетъ всѣ силы
Бастіоны наши брать;
Снова свѣжія могилы
Пріютила наша мать.
Но къ несчастью нашъ любимецъ,
Нашъ Нахимовъ удалой,
Поплатился, несчастливецъ,
Разудалою главой.

1855 — 1881.

*) Императоръ Александръ II.

**) Генералъ Пелисье—вновь назначенный Наполеономъ III главнокомандующій.

Къ намъ однажды съ свистомъ грознымъ
Разрывной снарядъ влетѣлъ,
И кускомъ неосторожнымъ
Гордость Руси онъ задѣлъ.
И умчалось вдохновенье,
Духъ защитниковъ угасъ;
Измѣнило Провидѣнье
Въ этотъ битвы грозный часъ.
Мы отбили сильный приступъ,
Но траншеи все ползутъ;
Захватили мины выступъ,
Силой взрыва — городъ рвутъ.
Въ то же время снопъ картечи,
Масса ядеръ къ намъ летитъ;
Отъ суроваго предтечи
Городъ рушится, дрожитъ.
Наконецъ затихли звуки,
Залпы пушекъ замерли,
И на приступъ, какъ на муки,
Вновь союзники брели.
На Малаховомъ курганѣ
Храбро бились мы тогда,
И въ безумномъ ураганѣ
Били грознаго врага.
Но предъ силой все клонится,
Пунктъ опорный отданъ былъ;
1855. Въ сѣверъ града россъ стремится,
27 августа Вновь преграды укрѣпилъ.

А межъ тѣмъ и Муравьевымъ
Вскорѣ Карсъ у турокъ взятъ,
И такимъ подаркомъ новымъ
Духъ героевъ вновь поднятъ.
Севастополь, Карсъ отчасти
Къ миру стороны влекутъ;
(Собрались въ Парижѣ власти *),
Разговоръ о томъ ведутъ.
Севастополь мы обратно
Получили отъ врага;
Все, что взялъ онъ — аккуратно
Вновь вошло въ свои брега.
Но Азійскія трофеи
Туркамъ отдали мы вновь;
Ятагановъ корифеи
Снова сѣютъ тамъ любовь.
И Дуная такъ же устье
Злобной Турціи отдавъ,
Отступились съ тяжкой грустью
Отъ своихъ законныхъ правъ.
Порта храбро обязалась
Христіанъ въ правахъ сравнять
Съ тѣмъ, что только разрѣшалось
Мусульманину вершать.
Море Черное съ Дунаемъ
Всѣмъ торговымъ кораблямъ
Націй разныхъ — стали раемъ
По открытымъ вновь путямъ **).

*) Въ Парижѣ состоялся конгрессъ изъ представителей Европейскихъ державъ, на которомъ и заключены были мирныя условія.

**) Черное море и Дунай признаны открытыми для торговыхъ судовъ всѣхъ націй.

А Россія соглашалась
Въ морѣ Черномъ лишь держать
Тѣ суда, что разрѣшалось,
И отнюдь не прибавлять.
1855. Миръ Парижскій тѣмъ оконченъ,
Снова все вошло въ права;
Гдѣ недавно бой законченъ —
Поросла уже трава.
Но Кавказъ, гнѣздо мюридовъ*),
Съ нами все борьбу ведетъ;
Много нашихъ евпатридовъ
Тамъ главы свои кладетъ.
Самъ Шамиль дѣла вершаетъ,
Горцы всюду въ крѣпостяхъ...
Градъ свинцовый насъ встрѣчаетъ
Въ высяхъ, долахъ и лѣсахъ.
Но борьба идетъ упорно,
Укрѣпляемъ каждый шагъ,
И хотя не такъ проворно,
Но все ближе дикій врагъ.
Наконецъ, тѣснимый нами,
На Гунибъ**) Шамиль пришелъ,
И за крѣпкими стѣнами
Онъ убѣжище нашелъ.
Но твердыня не надежна,—
И послѣдній палъ оплотъ;
Все, что было,—безнадежно
Потерялъ онъ въ этотъ годъ.

*) Въ 30-хъ годахъ на Кавказѣ появилась новая магометанская секта „Мюридизмъ". Послѣдователямъ ея предписывалось полное отреченіе отъ всего земного, полное повиновеніе высшему духовному лицу, или имаму, непрерывная борьба противъ невѣрныхъ или христіанъ и т. п.

**) Гора Гунибъ, на вершинѣ которой находилась крѣпость.

И Шамиль махнулъ рукою,
Русскимъ въ плѣнъ отдался онъ,
И на камнѣ, подъ горою,
25 августа 1859. Былъ Барятинскимъ*) плѣненъ.
Вмѣстѣ съ тѣмъ востокъ Кавказа
Также русскому царю
Поклонился безъ приказа,
Зря свободную зарю.
1864. Скоро западъ покорился,
Водворилась тишина;
Горецъ въ граждан превратился,
Миромъ жизнь его полна.
И гнѣздо кровавой брани
Стало тихо процвѣтать
Подъ эгидой русской длани...
Вотъ, что значитъ—усмирять!
Одновременно къ побѣдамъ
Войско въ Азіи ведемъ,
И къ дѣламъ, а не къ бесѣдамъ
Силу русскую зовемъ.
Еще раньше мы желали
Край азійскій охранить,
И для этого мы стали
Укрѣпленій рядъ вводить.
На рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ смѣло
Сталъ Джулекъ**), а вслѣдъ за нимъ
Создалось рукой умѣло
Много новыхъ, не одинъ.

*) Князь Барятинскій—главнокомандующій на Кавказѣ, назначенный сюда послѣ восточной войны.

**) Укрѣпленія на правомъ берегу рѣки Сыръ-Дарьи: Джулекъ, Вѣрное и др.

Постепенно расширяемъ
Мы участокъ вкругъ себя;
1864. Аульету забираемъ,
Трудъ немалый понеся;
Туркестанъ беретъ Веревкинъ,
А Чекментъ—Черняевъ взялъ,
И въ Коканскомъ ханствѣ громкомъ
Дѣломъ штыкъ нашъ возсіялъ.
Туркестанская явилась
Область новая у насъ,
Оренбургу подчинилась,
Прославляя жизни часъ.
Но коканцы все въ волненьи,
И бухарцы заодно:
Всюду все одно сомнѣнье,
Дружбы лопнуло звено.
Дальше въ степи мы стремимся,—
1865. Взятъ Черняевымъ Ташкентъ,
Съ Романовскимъ дальше мчимся, —
1866. Взятъ и приступомъ Ходжентъ.
Ханъ коканскій усмирился
И съ покорностью пришелъ,
Но бухарскій не склонился,
Снова съ нами въ бой пошелъ.
У эмира мы за это
1866. Уро-Тюбе и Джюзакъ
Взяли быстро въ то же лѣто,
Наказавши забіякъ.

Послѣ миромъ подарили,
Не хотѣли больше брать;
Войско наше удалили
На квартиры отдыхать.
Въ краѣ школы основали
И дороги завели;
Караваны вновь сновали
И товары намъ везли.
Постепенно по Амуру
Мы къ востоку все бредемъ;
Часто штыкъ и пулю-дуру
Мы въ Китай для страха шлемъ.
Но успѣшно заселяемъ
Мы амурскіе брега,
Города тамъ воздвигаемъ*),
Шля народъ издалека,
И отъ Волги—на востокѣ
Къ океану подошли,
Заселивши по дорогѣ
Все, что милымъ тамъ нашли.
Но земель избытокъ полный,
Трудно всѣми управлять,
Что ни дѣлай—недовольный
Станетъ голосъ возвышать.
Вновь мятежъ поднялъ поляковъ.
Снова шумныя толпы
Ждутъ на улицахъ казаковъ,
Ждутъ для крови, для борьбы.

*) Благовѣщенскъ, Софійскъ и др.

Гимны снова распѣваютъ,
Прокламаціи летятъ,
И народъ все возбуждаютъ,
И покорства не хотятъ.
Но правительство старалось
Строгихъ мѣръ не принимать:
Все съ гуманностью считалось,
Чтобы ихъ не раздражать.
Но поляки понимаютъ
Все по-своему — и вотъ
Лишь безсильемъ объясняютъ
Мягкость царственныхъ заботъ.
Наконецъ, поляки явно
1863. За оружіе взялись,
И на русскихъ преисправно
Всею силой поднялись*).
Вновь на войско нападаютъ,
Шайки прячутся въ лѣсахъ
И оттуда выступаютъ
Въ латахъ, шлемахъ и мечахъ.
Успокоить ихъ прислали
Муравьева**), и они
Живо ружья побросали,
Подчинясь, какъ въ прежни дни.
Вслѣдъ губерніи создали,
Нѣтъ сената, войска нѣтъ;
Русской рѣчью обязали,
Строже сталъ за все отвѣтъ.

*) Въ началѣ 1863 г. въ Польшѣ произошло явное возстаніе по поводу рекрутскаго набора.

**) Графа Муравьева, назначеннаго начальникомъ С.-Западнаго края.

Привислинскимъ нынѣ краемъ
Царство Польское звалось,
И по имени, какъ знаемъ,
Съ Русью-матушкой слилось.
Десять лѣтъ съ тѣхъ поръ промчалось,
Снова въ Азію спѣшимъ;
Тамъ, гдѣ Хива помѣщалась,—
Дикъ народъ и нелюдимъ.
Степи все пескомъ покрыты,
Нѣтъ дорогъ, нѣтъ и воды,
И не мало тамъ зарыто
Безшабашной голытьбы.
Отъ хивинцевъ нѣтъ покоя:
Караваны на счету,
И на нихъ, какъ звѣри воя,
Мчатся, грабятъ на лету —
Дѣти Хивы безначальной,
Эти хищники степей;
Въ плѣнъ къ себѣ уводятъ дальній, —
Нѣтъ спасенья ихъ когтей!
Царь послалъ имъ начертанье,
Чтобъ разбои прекратить,
Русскихъ плѣнныхъ въ состоянье
Прежней воли водворить.
Но твердыней недоступной
Ханъ прикрылся и молчитъ, —
Снова замыселъ преступный
Онъ въ умѣ своемъ таитъ.

Рѣшено тогда покончить
Съ этимъ вражескимъ гнѣздомъ;
Чтобы замыселъ исполнить,
1873. Войско шлютъ туда гонцомъ.
И весною три отряда
Выступаютъ въ дальній путь...
Тяжела пути преграда,—
Гдѣ придется отдохнуть?!
Подъ начальствомъ Кауфмана*)
Въ степи дальнія идутъ,
И поклонники корана
Въ гости ихъ къ себѣ не ждутъ.
Сколько муки и лишеній
Намъ пришлось одолѣвать,
Сколько пламенныхъ стремленій
Подъ песками погребать.
То въ морозъ идемъ по снѣгу,
То песокъ намъ ноги жжетъ...
Нѣтъ дороги, нѣтъ и слѣду,
Цѣлый день солдатъ не пьетъ.
Что ни шагъ, — то жертва пала,
Алой струйкой кровь бѣжитъ,
Жизнь младая вновь увяла,
Видъ страданья леденитъ.
Сколько витязей достойныхъ,
Сколько ревностныхъ сыновъ,
Недвижимыхъ и покойныхъ —
Стали жертвою орловъ.

*) Генералъ-лейтенантъ фонъ-Кауфманъ.

Но героямъ—нѣтъ преграды:
Въ маѣ—въ ханство мы пришли,
Безъ похвалъ и безъ награды
Въ три недѣли все смели.
Города мы брали съ боя,
Часть изъ нихъ сдалась и такъ,
И на нихъ свой взоръ покоя
Отдыхали отъ атакъ.
29 мая 1873. Наконецъ, столица пала,
Въ степи ханъ отъ насъ бѣжалъ;
Русь его не догоняла,
Самъ къ стопамъ царя припалъ.
Изъявилъ ему покорность,
Съ нимъ союзъ онъ заключилъ,
И за мирную наклонность
Ханство снова получилъ.
Но утратилъ часть владѣній,
Отъ Руси зависимъ сталъ,
И безъ спора, и безъ преній,
Много злата обѣщалъ.
Вотъ что пишетъ о походѣ
Знаменитый Вамбери*),
Побывавшій въ той природѣ
Раза два, иль даже три.
„Пораженъ я, въ изумленьѣ,
Мощнымъ духомъ безъ границъ,
Что явило въ томъ движеньѣ
Войско сѣверныхъ столицъ.

*) Знаменитый ученый и путешественникъ, хорошо изучившій этотъ край.

Нѣтъ преграды невозможной,
Имъ песокъ, степь безъ воды,
Край суровый, бездорожный,
Точно путь родной страны.
Все, что было недоступно,
Русскій воинъ побѣдилъ;
Духомъ съ силой совокупно
Міръ весь этимъ удивилъ.
И блѣднѣютъ передъ ними
Тѣхъ походовъ яркій тонъ,
Что когда-то совершили
Ганнибалъ, Наполеонъ“!
Но покоемъ безпечальнымъ
Руси жить не суждено,
Пусть порядкомъ идеальнымъ
Будетъ все внутри полно.
И съ востока туча снова
Надвигается на насъ,
Закрывая лучъ святого,
Гдѣ мольбы и стона гласъ.
Призываютъ насъ славяне
На борьбу съ своимъ врагомъ;
Мы вѣдь тоже христіане,
Подъ однимъ живемъ крестомъ!
Но поруганъ символъ свѣта,
Притупился турокъ мечъ,
Заставляя безъ отвѣта
Кровь ручьемъ родную течь.

Турки рѣжутъ, не стѣсняясь,
Женщинъ, старцевъ и дѣтей, —
Звѣрствомъ дикимъ упиваясь,
Стономъ бѣдныхъ матерей.
Вся Болгарія въ пожарахъ,
Трупы грудами лежатъ;
Турки въ красныхъ шароварахъ
Отъ огня къ мечу спѣшатъ.
Сербы тоже пострадали,
Черногорцамъ тяжело;
Турки ихъ не баловали,
Счастье съ ними не цвѣло.
Но насталъ конецъ терпѣнью,
Падшихъ братьевъ кровь зоветъ
Наконецъ, къ свободѣ, мщенью,
И народъ на бой ведетъ.
Генералъ Черняевъ *) сербовъ
Противъ турокъ въ бой ведетъ,
И свободныхъ, а не смердовъ
Подъ знамена онъ зоветъ.
Черногорцы подъ начальствомъ
Князя храбраго идутъ,
И геройствомъ, не нахальствомъ,
Верхъ надъ турками берутъ.
Николай для нихъ примѣромъ,
Онъ повсюду впереди;
Смертью брыжжетъ изувѣрамъ
Отъ страдальческой груди.

*) Русскій генералъ Черняевъ, явившійся послужить добровольцевъ въ ряды славянскихъ войскъ, былъ назначенъ главнокомандующимъ со стороны Сербіи.

И о подвигахъ удалыхъ
Слава по свѣту летитъ,
И героевъ величавыхъ
Снова лаврами даритъ.
Но у турокъ войскъ немало,
Сербы были стѣснены,
И бойцы уже устало
Отъ невзгодъ удручены.
Сербы помощи желаютъ,
Просятъ русскаго царя,
И надеждою пылаютъ
Часъ спасенья близко зря.
Александръ II султану
Ноту *) тотчасъ же послалъ,
И войну, рѣзни забаву,
16 октября 1876. Прекратить онъ предписалъ.
Слово мощное рѣшило
Участь тяжкаго бойца,
Вновь улыбкой освѣтило
Ликъ печальный удальца.
Перемирье заключили,
Разговоры начались;
Много въ нихъ добра сулили,
Но къ чему они свелись?
Тайно туркамъ англичане
Помощь вѣрную сулятъ;
Пусть не думаютъ славяне,
Что османовъ побѣдятъ.

*) Нота—письменное дипломатическое обращенiе одного государства къ другому.

Дѣло кончилось печально,
И султанъ лишь сообщилъ,
Что отнынѣ идеально
Онъ свободу всѣмъ вручилъ*).
И свободные славяне
Жизнью мирной заживутъ,
А враждою мусульмане
Ихъ къ мечу не приведутъ.
Но гяуры, это райя,**)
Вовсе ждали не того;
Участь загнаннаго края
Вновь осталась безъ всего.
И тогда Россія смѣло
За оружіе взялась;
Не за слово, а за дѣло,
Отомстить она клялась.
Но пока переговоры
Съ Портой русскими велись,
Видя въ будущемъ раздоры
Мы къ границѣ подались.
У Дуная войско стало,
И верховнаго Вождя
Здѣсь, собравшись, ожидало,
Жизнь бивачную ведя.
И Великій Князь***) главою
Былъ поставленъ отъ царя,
Чтобы славой боевою
Жилъ, побѣды намъ даря.

*) Турецкій султанъ издалъ конституцію и объявилъ, что даетъ свободу всѣмъ своимъ подданнымъ, а, слѣдовательно, и славянамъ.

**) Райя—животное.

***) Великій князь Николай Николаевичъ былъ назначенъ главнокомандующимъ Дунайской арміей.

12 апрѣля 1877.

Государь сюда же прибылъ,
Манифестъ онъ здѣсь издалъ,
И тогда обратно убылъ,
Россъ когда лишь силу взялъ.
И престола здѣсь наслѣдникъ*),
Онъ отрядомъ управлялъ,
И какъ царственный посредникъ
Насъ въ любви объединялъ.
Членовъ Царственнаго Дома
Много въ войскѣ состоитъ,
И крававаго содома
Прелесть имъ судьба даритъ.
Чрезъ Румынію къ Дунаю
Войско русское идетъ,
И невѣдомому краю
Звонъ мечей своихъ несетъ.
Но, увы, Дунай разлился,
Много пролило дождей;
Какъ нашъ воинъ ни стремился,
Но стоялъ здѣсь много дней.
Наконецъ вода поспала;
Къ переправѣ приступя,
Наше войско боя ждало,
Дѣло спѣшное ведя.
И задачей здѣсь явилось:
Какъ бы турокъ обмануть,
Чтобъ отъ взора ихъ укрылось,
Гдѣ хотимъ мы къ нимъ шагнуть.

*) Александръ Александровичъ.

Въ ночь съ 14 на 15 іюня.

Планъ удался превосходно:
Мы отъ Зимницы рѣку
Одолѣли такъ свободно,
На другомъ ставъ берегу.
Утвердились; — вслѣдъ за этимъ
Забираемъ города,
И своимъ оружьемъ мѣтимъ
Ихъ желѣзныя врата.
Мы Тырновомъ, Никополемъ
Овладѣли въ краткій срокъ,
Но съ жестокимъ, грознымъ боемъ;
Видно — Самъ Господь помогъ.
Вслѣдъ за этимъ чрезъ Балканы
17 іюля. Гурко нашъ отрядъ ведетъ;
Какъ ни бились басурманы,—
Шипка намъ проходъ даетъ*).
Точно также наше дѣло
Славно въ Азіи идетъ,
Гдѣ покойно и умѣло
Князь Великій турокъ бьетъ**).
18 апрѣля. Баязетъ безъ боя взяли,
Обложили крѣпость Карсъ,
Гдѣ порядкомъ простояли,
Но и здѣсь помогъ намъ Марсъ.
Потерпѣвши неудачу
Самъ Мухтаръ-Паша***) ушелъ,
И оставивъ Карсъ на сдачу
Къ Эрзеруму путь нашелъ.

*) Шипкинскій проходъ—главный проходъ черезъ Балканы, сильно охраняемый турками.

**) Главнокомандующимъ нашихъ войскъ на Кавказѣ былъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ.

***) Мухтаръ-Паша—главнокомандующій турецкой арміей.

5 мая. Ардаганъ мы въ маѣ взяли,
Много плѣнныхъ, пушекъ рядъ,
Чѣмъ немало запугали
Мы суровой Порты взглядъ.
29 апрѣля. У Браилова взорвали
Броненосецъ сгоряча;
Ядра съ берега пускали,
Пѣснь побѣдную крича*).
А другой ко дну пустили
Ночью 14 мая. Два героя молодыхъ.
Что тихонько подступили
На ладьяхъ своихъ плохихъ.
Тѣ герои — лейтенанты:
Нашъ Дубасовъ, Шостаковъ;
Показавъ свои таланты
Скрылись въ вихрѣ облаковъ**).
И о подвигѣ могучемъ
Свѣтъ тотчасъ заговорилъ;
Снова къ подвигамъ плавучимъ
Подвигъ новый прикрѣпилъ.
За успѣхи — неудачи
Стали русскіе терпѣть,
И о Плевнѣ быстрой сдачѣ
Не пришлось намъ порадѣть.
Самъ Османъ-Паша***) умѣло
Плевну городъ укрѣпилъ;
Много войско тамъ засѣло,
Видъ Османа ихъ бодрилъ.

*) Турки, желая воспрепятствовать переходу нашихъ войскъ черезъ Дунай, ввели туда нѣсколько большихъ броненосцевъ, тогда какъ у насъ не было ни одного сколько-нибудь значительнаго судна.

**) Дубасовъ и Шостаковъ темною ночью подошли къ броненосцу на своихъ маленькихъ катерахъ и, не обращая вниманія на страшную опасность, подвели подъ него мины и взорвали его.

***) Османъ-Паша, лучшій изъ турецкихъ военачальниковъ.

Двѣ атаки безуспѣшно
Мы на турокъ провели;
Наступаемъ лихо, спѣшно,
Много мертвыми легли!
Видя — штурмомъ невозможно
Крѣпость сильную забрать,—
Начинаемъ осторожно
Плевну войскомъ осаждать.
Очевидно міру стало,
Что пока не сданъ сей градъ,
Русскихъ дальше не пускала
Сила вражескихъ преградъ.
Шипку турки попытались
Оттянуть изъ нашихъ рукъ,
Цѣлыхъ восемь дней старались,
Не страшась и смерти мукъ.
Десять тысячъ потеряли,
Къ заключенію пришли,
Что напрасно осаждали,
Время даромъ погребли.
30 и 31 августа. Снова штурмъ ведемъ на крѣпость,
Сотни жизней здѣсь кладемъ,
Но геройство — лишь нелѣпость,
Укрѣпленій не беремъ.
И напрасно разудалый
Бѣлый всюду генералъ,
Безпечальный, дико-храбрый,
Свой отрядъ на штурмы бралъ.

Ни геройствомъ, ни отвагой,
Чѣмъ самъ Скобелевъ блисталъ,
Не украсилась атака,
Городъ доблестный не палъ.
И рѣшили, чтобъ Тотлебенъ*)
Вновь къ осадѣ перешелъ;
Отслужили тамъ молебенъ,
И осадный часъ побрелъ.
Къ намъ явилось подкрѣпленье,
Мы позиціи беремъ,
И въ Дубнякъ, Телишъ сомнѣнье
На штыкахъ врагу несемъ.
Два исхода — иль пробиться,
Или крѣпость русскимъ сдать;
Витязь къ первому стремится:
Лучше съ славой умирать.
Но Османа не пустили
Наши русскіе штыки,
Пулю въ ногу засадили
Разъяренные враги.
28 ноября. И Османъ-Паша намъ сдался,
Сорокъ тысячъ войска съ нимъ;
Штыкъ турецкій намъ склонялся,
Мы врага безсилье зримъ.
Къ Александру былъ представленъ
Порты рѣдкостный герой,
Мечъ царемъ ему оставленъ
За такой отважный бой.

*) Знаменитый инженеръ Тотлебенъ, прославившійся еще во время осады Севастополя.

Но еще до взятья Плевны
Наши въ Азіи дѣла
Такъ блестящи и безбѣдны,
Слава русскихъ тамъ цвѣла!
У Алоджи пораженье
Лорисъ-Меликовъ нанесъ,
И геройское сраженье
Утомленный врагъ не снесъ.
Массу турокъ въ плѣнъ мы взяли,
Офицеровъ и пашей;
Часть съ Мухтаромъ*) убѣжали
Подъ защиту крѣпостей.
Къ Карсу вслѣдъ за этимъ спѣшно
Войско русское идетъ,
И теперь его успѣшно
Штурмомъ доблестнымъ беретъ.
Ни искусство, ни умѣнье,
Волчьи ямы и форты,
Не сломили наше рвенье,
Не щадя и животы.
Нѣтъ для русскаго преграды,
Нѣтъ ни брутсверовъ, ни рвовъ;
Нѣтъ для витязей награды,
И порыву — нѣтъ оковъ.
Въ Малой Азіи, конечно,
Обезпеченъ нашъ успѣхъ,
И въ Европѣ не безпечно
Ждемъ отъ дѣлъ своихъ утѣхъ.

*) Главнокомандующій Мухтаръ-Паша.

Шипки, армія разбита,
Что Радецкій сокрушилъ,
И дорога намъ открыта,
Край суровый сталъ намъ милъ.
Помнятъ всѣ, какъ чрезъ Балканы
Русскій воинъ преступилъ,
И снѣга, морозы, раны,
Пылъ бойцовъ не охладилъ.
Въ вихрѣ снѣжномъ буря вьется,
Пропасть темная у ногъ,—
Русскій только лишь смѣется,
Что усталъ и такъ продрогъ.
Развѣ можно доблесть эту
Словомъ смертнымъ воспѣвать?
Пѣснь небесъ, гдѣ здѣсь поэту,
Въ морѣ звуковъ отыскать?
8 января. Взяли мы Адріанополь,
Быстро дальше побрели,
И уже Константинополь
Видимъ зорко мы вдали.
Но Европа предложила
Дальше россу не ходить,
Побоялась — наша сила
Можетъ также ей грозить.
19 февраля. Въ Санъ-Стефано заключили
Перемирье съ Портой мы,
А въ Берлинѣ утвердили
Іюнь. Миръ и подвиги войны.

Черногорцы и румыны,
Независимо османъ,
Вмѣстѣ съ Сербіей долины
Украшаютъ, точно станъ.
И отнынѣ турокъ грозный
Ихъ не смѣетъ полонять
И законъ вражды безбожный
Къ дѣтямъ, женамъ примѣнять.
Князя власть болгары знаютъ,
Связь же съ Турціей лишь та,
Что исправно удѣляютъ
Дань изъ злата и сребра.
Югъ Болгарьи*)—автономный,
Во главѣ — христіанинъ**)
И контроль Европы томный
Величаво сталъ надъ нимъ.
Боснія съ Герцеговиной
Рукъ турецкихъ отошли,
Стали дивною картиной
Съ свѣтомъ радостной весны.
А Россія получила
Бессарабію опять,
И къ Дунаю подступила,
Чтобъ границу охранять.
На брегахъ азійскихъ землю,
Портъ Батумъ и крѣпость Карсъ,
Намъ вручили неотъемля,
Наградить желая насъ.

*) Большая часть Южной Болгаріи, подъ названіемъ Восточной Румеліи.

**) Восточная Румелія соединена въ одну провинцію съ административною автономіей и христіаниномъ губернаторомъ подъ контролемъ Европы.

А теперь, кончая войны,
Мы къ реформамъ перейдемъ,
И, свободою покойны,
Отъ невзгоды отдохнемъ.
Но въ ряду реформъ великихъ
Выше всѣхъ стоитъ одна,
Гдѣ изъ нравовъ полудикихъ
Человѣкъ пріялъ права;
Гдѣ свобода появилась,
Брошенъ страшный произволъ,
Солнце Руси засвѣтилось,
Славы блещетъ ореолъ.
И великій императоръ,
Александръ Второй стоялъ
Въ этомъ дѣлѣ, какъ новаторъ,
И народъ свой устроялъ.
Крѣпостное право пало,
Воля всѣмъ возвращена;
Тамъ, гдѣ только тьма блуждала,
Словомъ вмигъ освѣщена.
Но крестьянъ закрѣпощенье
Съ давнихъ поръ у насъ велось,
И не сразу ихъ смиренье
Силѣ властной поддалось.
Жили прежде смерды-люди *) —
Это въ Кіевской Руси, —
Ихъ свободно дышутъ груди,
Чтя небесныя выси.

*) Прежде крестьянъ—люди, или смерды—въ древнія времена Кіевской Руси выступаютъ не только въ качествѣ землевладѣльцевъ и промышленниковъ, но и въ качествѣ свободныхъ самостоятельныхъ землевладѣльцевъ. На ряду съ князьями, боярами, смерды являются обладателями селъ, т.-е. хозяйственныхъ усадебъ съ пахотными землями и разными угодьями.

Земледѣлье имъ пристало,
И промышленность ведутъ,
Много селъ принадлежало,
Пашни вкругъ жилья бѣгутъ.
Но и здѣсь уже огромно
Та же разница растетъ,
И „мужикъ“ — не „мужъ“ *), и скромно
Трудъ съ семьей своей несетъ.
Рѣдко были исключенья,
Чтобы смердъ „великимъ“ сталъ**),
И въ бояре къ удивленью
Прочихъ смердовъ попадалъ.
Княжій мужъ свои угодья
Силой рабскою хранитъ,
Челядь чувствуетъ поводья
И боярина дрожитъ.
Князю смерды дани платятъ,
Мужи княжіе — не то;
Дань платить ихъ не заставятъ
И ни князь — другой никто.
Умиралъ ли смердъ безъ сына—
Дочь наслѣдья не беретъ,
А по волѣ властелина
Князю все добро даетъ***).
За убійство смерда платятъ,
Точно „княжій онъ холопъ“,
Жизнь въ пять гривенъ цѣнятъ, давятъ,
И за все въ отвѣтѣ лобъ****).

(* Княжіе мужи, бояре.

**) Нѣкоторые изъ смердовъ разживались и становились „великими смердами“, попадая даже въ бояре, но это было рѣдкимъ исключеніемъ, отмѣчаемымъ лѣтописцемъ.

***) Въ статьѣ Русской Правды, трактующей о наслѣдьи боярскомъ и людскомъ.

****) Лобъ, т.-е. голова.

Постепенно сильный слабымъ
Здѣсь вездѣ овладѣвалъ,
И „наймитъ“ съ „закупомъ“ *) жаднымъ
Въ рабство волю продавалъ.
И сироты и изгои **)
Подпадаютъ подъ рабство,
И въ боярскіе покои
Всѣ хоронятъ удальство.
Много смердовъ разорилось
Отъ усобицы князей;
Кровомъ, хлѣбомъ поплатилось
Отъ монгольскихъ ига дней.
Тотъ, кто спасся отъ полона,
Могъ кто смерти избѣжать, —
Ужъ не въ силѣ въ краѣ стона
Вновь хозяйство созидать.
Часть къ счасливцамъ прибѣгаетъ,
Тоже смердамъ, изъ своихъ,
Часть къ боярамъ попадаетъ,
Хаты строитъ въ земляхъ ихъ.
И за эту землю пашетъ,
Убираетъ съ поля хлѣбъ,
Гдѣ бояринъ имъ укажетъ,
Гдѣ случится больше требъ.
Самъ себя закрѣпощаетъ,
Въ неоплатный долгъ идетъ,
И годами освящаетъ
Нашъ мужикъ обычай тотъ.

*) Наймитъ—получавшій хлѣбъ и придатокъ, т.-е. жалованье, и закупы, получавшіе плату впередъ, запродавшіе себя въ рабство до отработки этой платы, или „купы“.

**) Сироты, т.-е. лишившіеся своихъ родителей и имѣнья люди; изгои—разорившіеся купцы, неграмотныя дѣти духовенства, выкупившіеся на волю холопы и т. п.

Но крестьянъ землевладѣнью
Окончательный ударъ
Нанесенъ, когда радѣнью
Часъ насталъ для высшихъ баръ.
Раньше князь землею правилъ,
Но земля — лишь та его,
Гдѣ онъ домъ, село поставилъ
Отъ богатства своего.
XI и XII в. А затѣмъ князья повсюду
Взяли все, на чемъ сидятъ,
Нѣтъ земель свободныхъ люду,
Что хотятъ, то и вершатъ.
XIII вѣкъ. Стали княженья въ наслѣдье
Дѣтямъ, внукамъ отдавать,
Какъ законное владѣнье,
И на части раздѣлять.
Дальше — ханъ ярлыкъ вручаетъ
И землей не „правитъ“ князь,
Но землею „обладаетъ“,
Власти данной не скупясь.
Стало всѣмъ землевладѣльцамъ
Трудно земли заселять,
Обнищавшимъ погорѣльцамъ
Вновь угодья открывать.
Разрѣшенье князь вручаетъ,
Гдѣ и какъ кому сидѣть;
Тѣхъ землею надѣляетъ,
Этимъ — пашней не владѣть.

И крестьяне превратились
Въ арендаторовъ земли,
То у князя пріютились,
XIV вѣкъ. То боярамъ трудъ несли.
Старожильцы крѣпко сѣли
На насиженныхъ мѣстахъ,
Поколѣнья жили, зрѣли
Въ тѣхъ же селахъ, деревняхъ.
И наслѣдственныя выти
Дѣтямъ снова отдаютъ;
Тѣмъ знакомы хаты, клѣти,
Все за нихъ они несутъ.
Перехожіе*) явились,
На свободныя поля
Только срокомъ пріютились,
За владѣнья ихъ платя.
Съ волостями и владѣльцемъ
Договоры заключа,
Стали на землѣ сидѣльцемъ,
Жизнь тяжелую влача.
Срокъ аренды простирался
Съ года лѣтъ до десяти,
И крестьянинъ обязался
Съ выти подати нести.
Рожь, ячмень, овесъ, пшеница —
Шли владѣльцу на доходъ,
И еще порой сторицей
Живность бралъ себѣ въ приходъ.

*) Уже въ удѣльную эпоху, въ XIV и XV вѣкахъ, дѣленіе крестьянства подраздѣлилось на двѣ категоріи: старожильцы, крѣпко усѣвшіеся на мѣстахъ, цѣлыми поколѣніями проживали въ извѣстныхъ селахъ и деревняхъ, наслѣдственно держа свои выти, или участки земли. Другую категорію составляли перехожіе крестьяне, снимавшіе {на время свободные участки земли у боярина, либо монастыря. При этомъ крестьяне заключали устные или письменные договоры, или порядныя, съ волостями и владѣльцами.

Несъ повинности крестьянинъ
И на барщину ходилъ,
Какъ проценты — то бояринъ
Для себя за все вводилъ;
Не дожилъ когда до срока —
Неустойку онъ платилъ,
Что боярину оброка
Полной мѣрой не вносилъ.
Во крестьянство кто рядился —
Поручителей тотъ слалъ,
За отказъ и тотъ платился,
Неустойку отдавалъ.
Но владѣлецъ богатѣетъ
Все при помощи крестьянъ,
Рукъ подручныхъ не жалѣетъ,
Съ ними къ дѣлу очень рьянъ.
И естественно — владѣльцы
Закрѣпить желаютъ ихъ:
Развѣ можно, чтобъ радѣльцы
Въ селахъ стали жить своихъ...
Переходы возбраняютъ:
Пусть на мѣстѣ всѣ живутъ
И владѣльцевъ не мѣняютъ,
Запустѣній не даютъ.
Старожильство — вотъ причина
Чтобъ крестьянъ не выпускать,
И на пользу господина
Снова пашни убирать.

Рядъ писцовыхъ книгъ *) владѣльцамъ
Помощь также оказалъ
И за тѣмъ землевладѣльцемъ,
Гдѣ записанъ, вѣчно сталъ.
А крестьянинъ перехожій
Пожилое **) тамъ платилъ,
Гдѣ на промыселъ отхожій
Иль къ другимъ онъ уходилъ.
Юрьевъ день для перехода
Лишь въ году назначенъ былъ ***)
И крестьянская подвода
Шла къ тому, кто былъ ей милъ.
Но не часто переходы
Могъ крестьянинъ совершать,
Надо было на расходы
Денегъ много пособрать.
И задолженность явилась,
Смотришь — гдѣ не доплатилъ
Разъ, другой — цѣна набилась,
Долгъ собой все поглотилъ.
Неоплатнымъ онъ явился,
Добровольно — гдѣ уйти,
Но на вывозъ подрядился —
Могъ къ другому перейти.
Въ чемъ же вывозъ заключался?
Въ томъ, что тотъ, другой, платилъ
Съ кредиторомъ расчитался,
А затѣмъ и увозилъ.

*) Въ теченіе XVI вѣка въ податныхъ цѣляхъ составлялись такъ называемыя „писцовыя книги", и лица, зарегестрированныя въ писцовыя книги, считались принадлежащими тѣмъ, за кѣмъ они записаны.—Писцовыя книги, на ряду съ другими документами—отказными, дарственными, купчими и др., получили значеніе крѣпостей, на которыя ссылались землевладѣльцы, какъ на доказательства старожильства крестьянъ.

**) Плата за пользованіе усадебными постройками.

***) По судебнику Ивана III.

Здѣсь кабальнымъ становился:
Долгъ за нимъ огромный былъ,
Жизнь онъ цѣлую трудился,
Но едва ли уплатилъ.
Межъ владѣльцевъ чтобы споры
Съ переходомъ прекратить,
То писались, что въ тѣ поры
Будутъ вѣчно тамъ-то жить.
Вотъ какъ стали крѣпостными
Подневольно мужики,
И подъ барами своими
Стонутъ, свѣта далеки.
Незавидно было время,
Мало думаютъ о нихъ,
И тяжелой жизни бремя
Сокрушаетъ ихъ самихъ.
Ѳедоръ царь, Борисъ отчасти
Участь облегчить хотятъ,
Умѣряютъ сильныхъ страсти
И тиранить не велятъ.
Смута многихъ разорила,
А крестьянство — больше всѣхъ;
Неимущихъ тьма ходила
Бобылями безъ утѣхъ.
Съ воцареньемъ Михаила
Подать новая легла,
Чтобъ казна войска кормила
И борьбу съ врагомъ вела.

Алексѣй не разъ повинность
И натурой заводилъ,
А народную терпимость
Волей царской укрѣпилъ.
Тяжело налоговъ бремя,
Подать тяжко всѣмъ нести,
Но такое видно время,
Надо родину спасти*).
Власть дворянства возрастаетъ,
Но крестьянинъ все хирѣлъ,
И въ неволѣ утопаетъ,
Скромно свой неся удѣлъ.
Но правительства забота
Не къ крестьянину идетъ;
Тяжела того работа,
Со смиреньемъ все несетъ.
А въ вопросѣ о крестьянствѣ
Лишь о бѣглыхъ говорятъ,
Чтобъ побѣгъ ущербъ въ дворянствѣ
Меньше могъ бы причинять.
До Петра такъ все ведется,
Бѣглыхъ ловятъ по Руси;
Спрятать бѣглыхъ доведется —
Даже думать — Богъ спаси!
Недовольствомъ на порядки
Жизнь тяжелая влечетъ
Бѣгать часто безъ оглядки
Въ край, гдѣ вольный духъ растетъ.

*) Смутное время, а затѣмъ и война царя Алексѣя Михайловича—требовали громаднаго напряженія народныхъ силъ для наполненія пустой государственной казны.

Степи Дона собираютъ
Уйму бѣглой голытьбы,
Стеньку Разина рождаютъ,
Коноводомъ для борьбы.
И крестьянство крѣпостное
Сердцемъ къ бунту пристаетъ;
Все свободное, живое
Въ мысляхъ — бѣглому несетъ.
Но анархіи движенье
Результатовъ не даетъ,
И крестьянъ закрѣпощенье
Съ прежней силою идетъ.
А протестъ тяжелымъ стономъ
Лишь по Руси пролетѣлъ,
Но мечомъ и цѣпи звономъ
Онъ сковалъ судьбы удѣлъ.
Петръ Великъ, судьба народа
Новой жизнью зажила,
Но стѣсненная свобода
Правъ при немъ не обрѣла.
Больше онъ крестьянъ стѣсняетъ,
Власть помѣщикамъ даетъ,
Тотъ подушной собираетъ,
И въ казну его несетъ*).
Въ царство славное царицы,
Гдѣ сіяетъ Руси лучъ, —
Вновь крестьянъ печальны лица,
И надъ ними темень тучъ.

*) Послѣ введенія „подушной“, которую обязывался платить какъ крестьянинъ, такъ и холопъ, роль дворянства получаетъ иную окраску. Недавній служилый человѣкъ и военный защитникъ родной земли, онъ теперь является отвѣтственнымъ сборщикомъ крестьянской подати и устроителемъ хозяйственнаго благополучія своихъ крѣпостныхъ. Въ дворянинѣ землевладѣлецъ начинаетъ пересиливать воина, и этотъ перевѣсъ землевладѣльца воиномъ сопровождается развитіемъ крѣпостного права. (Проф. М. М. Богословскій).

Рабство крѣпнетъ неустанно,
И помѣщикъ произволъ
Совершаетъ безпрестанно,
Причиняя массу золъ.
Крѣпостной крестьянинъ тихо
Долженъ все переносить;
Не позволено, чтобъ лихо
Могъ онъ жалобу вносить
На помѣщика злодѣя,
Что свободу такъ тѣснитъ, —
Спинъ и жизни на жалѣя
И глумится и казнитъ.
Вещью просто сталъ крестьянинъ,
Рабъ безъ мысли и безъ чувствъ,
И надъ нимъ стоитъ лишь баринъ
Грознымъ витяземъ распутствъ.
Вѣкъ величья, вѣкъ свободы,
Оды громкія шумятъ, —
Но рабовъ несутся стоны,
Точно рой шмелей гудятъ.
Пробуждается сознанье
У вершителей судебъ,
Что народу нужно знанье,
Что рабство — источникъ бѣдъ.
Жарко пренія ведутся
И въ комиссьи, гдѣ проектъ
Ужъ давно составить бьются;
Результатъ — лишь фразъ эффектъ.

И въ изданіяхъ печатныхъ
О свободѣ все твердятъ,
И проэктовъ идеальныхъ
Цѣлый рядъ къ тому сулятъ.
Всей душой къ освобожденью
Сердце Матушки лежитъ,
Но конецъ закрѣпощенью
Все же тронъ намъ не даритъ.
Тутъ Радищевъ съ предложеньемъ
Предъ Великою предсталъ,
Чтобъ не силой принужденья,
Самъ помѣщикъ волю далъ.
„Развѣ можно, отвѣчаетъ,
Ихъ на то уговорить:
Кто послушаетъ, кто станетъ,
Волю тѣмъ рабамъ дарить“ *)!
И царицей геніальной,
Въ мысли здраваго ума,
Какъ химерой идеальной
Принята была мечта.
И она въ нее не вѣритъ,
Слово въ дѣло не прешло,
А мужикъ, какъ прежде, мѣритъ.
Горемъ тяжкимъ рабства зло.
И въ „наказѣ“ проблескъ свѣта
Жизнь страны не озарилъ,
И свободнаго привѣта
Мужику не подарилъ.

*) Акад. А. Лаппо-Данилевскій.

Но зародышъ появился,
Сѣмя стало назрѣвать,
Въ немъ зачатокъ жизни бился,
Чтобъ уже не угасать.
Постепенно, шагъ за шагомъ,
Мысль о волѣ все идетъ,
И свободу вѣщимъ магомъ
Все сильнѣй къ себѣ зоветъ.
Умерла Екатерина,
Павелъ тронъ Руси занялъ,
Волей мощной властелина
Вновь рабу надежду далъ.
Въ Манифестѣ, что былъ изданъ
О вступленьи на престолъ,
Крѣпостной къ присягѣ призванъ,
Вновь то право пріобрѣлъ *).
Снова жалобу крестьянамъ
Разрѣшаетъ государь,
А не только лишь дворянамъ,
Какъ бывало это встарь.
Для подачи сихъ прошеній
Потянулись ходоки:
Стонутъ жалобой лишеній,
Плачутъ снова мужики.
Павелъ самъ читалъ прошенья,
Отдавалъ ихъ разбирать,
Но въ разборѣ прегрѣшенья
Можно было наблюдать.

*) „Пашенные крестьяне“ со времени вступленія на престолъ императрицы Елисаветы Петровны не допускались къ принесенію присяги. Въ манифестахъ о вступленіи на престолъ императрицы Елисаветы, Петра III, Екатерины II они прямо исключались изъ числа „вѣрноподданныхъ“, приносившихъ присягу, т.-е. тѣмъ самымъ крестьяне не признавались гражданами государства. Формально это право для крестьянъ возстановлено импер. Павломъ.

Все дворяне разбираютъ, —
Вѣчно жалобщикъ виной, —
Кару строго налагаютъ
За доносъ его такой.
Но обиженнымъ съ закономъ
Царь навстрѣчу поспѣшилъ,
5 апрѣля 1797. И въ своемъ желаньи новомъ
Въ „три дня“ барщину рѣшилъ.
Пусть законъ неясно изданъ,
Пусть онъ кратокъ, словомъ скупъ,
Но, какъ важный, былъ онъ признанъ
И могучъ, какъ крѣпкій дубъ.
Александръ Благословенный,
Въ царство первыхъ лѣтъ своихъ,
Полонъ мыслію нетлѣнныхъ
Для крестьянъ земныхъ утѣхъ.
Были подняты вопросы,
Какъ бы участь облегчить,
Жизни скромные запросы
Произвола охранить.
И не только ограничить
Власть помѣщиковъ желалъ,
Но свободу возвеличить
Въ царствѣ онъ своемъ мечталъ.
„Я хочу народъ изъ рабства
Вывесть мощною рукой,
Чтобъ крестьянинъ въ нѣдрахъ царства
Шелъ свободною стезей.

Если бъ доля просвѣщенья
Въ царствѣ выше поднялась,
То страна закрѣпощенья
Эрой новой началась".
Но на практикѣ мечтанья
Далеко не подались,
И основъ великихъ знанья
Въ царствѣ ихъ не создались.
Часть друзей царя сановныхъ
Все совѣтъ другой даетъ,
И отъ помысловъ свободныхъ
Волю царскую влечетъ.
Но залогъ освобожденья
Императоръ положилъ,
И высокаго влеченья
Онъ порывъ узаконилъ.
20 февраля 1809. „О свободныхъ хлѣбопашцахъ"
Изданъ былъ царемъ законъ,
И въ крестьянахъ-землепашцахъ
Былъ съ восторгомъ встрѣченъ онъ *).
Коль помѣщикъ пожелаетъ
Крѣпостныхъ освободить —
Ихъ землею надѣляетъ,
Чтобъ не нищихъ отпустить.
Тѣ — иль денежной казною
За надѣлы отдаютъ,
Иль повинностью какою —
Службу барскую несутъ.

*) Графъ Сергѣй Петровичъ Румянцовъ, желая освободить изъ числа своихъ вотчинныхъ крестьянъ 199 душъ съ землею, представилъ государю въ ноябрѣ 1802 года записку съ проектомъ правилъ, на основаніи которыхъ помѣщики могли бы освобождать цѣлыя селенія, утверждая за отдѣльными крестьянами, или же за всѣмъ обществомъ, участки земли на условіяхъ „согласныхъ съ государственными узаконеніями и обоюдною пользою".

И законъ не маловажный
Сталъ надъ родиной сіять:
Видятъ всѣ — помѣщикъ каждый
Могъ крестьянъ освобождать.
Важенъ былъ и по условью, —
Что съ свободою земля
Становилась также долью
Для крестьянскаго житья.
Безъ земли освобожденье
Тремъ губерніямъ*) царь далъ,
Этимъ тамъ раскрѣпощенье
Онъ закономъ утверждалъ.
1808. Воспретилъ онъ на базарахъ
Подневольныхъ продавать,
И они въ забитыхъ парахъ
Перестали тамъ стоять.
1809. Отъ помѣщиковъ царь отнялъ
Власть на каторгу ссылать,
И свободу тѣмъ приподнялъ,
Чтобы право уважать.
Вотъ и все, что для крестьянства
Императоръ совершилъ,
Но отмѣну въ корнѣ рабства
Властью царской не скрѣпилъ.
Русь же рядомъ поколѣній,
Между тѣмъ, къ свободѣ шла,
И волненій, и лишеній
Много за нее снесла.

*) Реформа безземельнаго освобожденія была осуществлена Александромъ I во вторую половину своего царствованія въ трехъ прибалтійскихъ губерніяхъ—Эстляндской, Лифляндской и Курляндской.

Но не рабъ въ душѣ народа
Волей вышняго живетъ.
И могучую свободу
На щитѣ своемъ несетъ.
Ни жестокость наказанья,
Ни послѣдствія борьбы —
Не крушатъ ея сознанья
Въ сердцѣ русской голытьбы.
А возникшій отблескъ свѣта
Вновь надеждою даритъ,
И къ свободному завѣту
Съ силой новою манитъ.
Власть верховная не дремлетъ.
Мысль о волѣ не прошла,
И мольбѣ народа внемлетъ
Въ шумѣ вѣкового зла.
Съ Николаемъ I снова
Дѣломъ этимъ занялись:
Царь — желаній тѣхъ основа,
Съ нимъ сановники слились.
Но не общества участье
Здѣсь надежду подаетъ,
И рабамъ - крестьянамъ счастье
Сердцемъ любящимъ несетъ.
Революціи кровавой
Призракъ вѣчно предъ царемъ,
И боится онъ неправой
Вспышки съ кровью и огнемъ.

Всѣ работы по проекту
Бюрократамъ отдаетъ,
Съ ними вмѣстѣ по секрету
Планъ свободы создаетъ*).
Въ комитетъ Сперанскій вноситъ
Мѣръ желательныхъ проектъ,
Но записка эта носитъ
Лишь по виду силы цвѣтъ.
А дѣйствительность печальна,
Въ ней свобода не горитъ,
И лишь только идеально
Онъ ее рабу сулитъ.
И въ проектѣ нѣтъ отмѣны,
Улучшеній только рядъ;
Въ общемъ — все безъ перемѣны,
Тотъ же виденъ барства взглядъ.
Такъ окончилось желанье
Всѣхъ крестьянъ раскрѣпостить,
И народное сознанье
Свѣтомъ воли укрѣпить.
Но на царство Николая
Сынъ его успѣлъ вступить,
И надежда, угасая,
Вновь сумѣла здѣсь ожить.
Равнодушно встрѣтивъ царство,
Вдругъ въ движенье все пришло,
И крестьянство, и дворянство
Все въ себѣ порывъ нашло.

*) Начало занятій по вопросу о крѣпостномъ правѣ положено секретнымъ комитетомъ 6-го январь 1826 года. Въ составъ комитета вошли: князь В. П. Кочубей (предсѣдатель), М. М. Сперанскій, кн. И. В. Васильчиковъ, гр. П. А. Толстой, И. И. Дибичъ, кн. А. Н. Голицынъ и Д. Н. Блудовъ, въ качествѣ дѣлопроизводителя.

Слухъ тревожный появился,
Будто хочетъ царь опять,
Чтобы рабъ раскрѣпостился,
И свободнымъ сталъ гулять.
Кто съ готовностью желанной
Слухъ привѣтствовалъ такой,
Кто и злобой обуянный
Ждалъ свободы роковой.
Пишутъ, спорятъ неустанно,
Разныхъ мнѣній цѣлый рядъ:
Кто на волю смотритъ странно,
Кто съ свободой держитъ ладъ.
Но сознаньемъ жизнь кипѣла,
Мысль пылаетъ, какъ въ огнѣ
И вражды, и спора дѣло
На яву, а не во снѣ.
Градъ Петра, какъ муравейникъ,
Всюду толки, суета,
Дѣла жаждетъ и бездѣльникъ
Безъ Сибири и кнута.
И провинція явилась
Также отзвукомъ страны,
Также страстно сердце билось
Съ звукомъ царственной струны.
Ростъ народа процвѣтаетъ:
Тамъ, гдѣ карты и вино, —
Вмигъ культура назрѣваетъ,
Столь желанная давно.

Библіотеки явились,
Рядъ журналовъ и газетъ,
Въ чтенье люди углубились,
Въ нихъ ища свободы свѣтъ.
А свобода недалеко,
Царь о ней ужъ говоритъ,
И его родное око
Свой народъ свободнымъ зритъ.
Въ рѣчи къ русскому дворянству*)
Александръ II сказалъ,
Что не къ прежнему упрямству
Онъ симпатіи питалъ.
Что пора освобожденья
Наступаетъ, наконецъ,
И народному волненью
Съ ней положитъ онъ конецъ.
Лучше право крѣпостное
Властью сверху отмѣнить,
Чѣмъ желанье вѣковое
Будутъ снизу проводить.
Пусть подумаютъ дворяне,
Какъ мечту осуществить,
Чтобъ не рабскіе крестьяне
Стали имъ уже служить.
Царь въ столицу возвратился
И Ланскому приказалъ,
Чтобы тотъ распорядился,
Дѣлъ крестьянскихъ пособралъ.

*) По пріѣздѣ государя Александра II въ Москву, генералъ-губернаторъ Закревскій, крѣпостникъ, встревоженный слухами о желаніи императора дать волю крестьянамъ, обратился къ нему съ просьбой принять депутацію отъ Московскаго дворянства съ цѣлью ихъ успокоенія.

Всѣ дѣла привелъ въ порядокъ,
Въ министерствѣ помѣстилъ,
И создавшійся упадокъ
Вновь надеждой окрылилъ.
А товарищу министра —
Левшинъ постъ тотъ занималъ —
Приказалъ царь, чтобы быстро
Тотъ ему записку далъ.
Въ ней, съ исторіей считаясь,
Долженъ былъ онъ указать,
Гдѣ свобода, начинаясь,
Рабству стала подпадать,
Кто на право крѣпостное
Съ царскихъ троновъ посягалъ
И съ Петра — кто ретивое
Сердце Руси ободрялъ.
Но хотѣлось начинанье
Отъ дворянства получить,
Чтобъ свободныя желанья
Стали всѣмъ руководить.
Къ предводителямъ дворянства
Левшинъ съ этимъ поспѣшилъ,
Но вражды исконной чванство
Силой слова не сломилъ.
И реформа ихъ пугаетъ,
И не знаетъ-то никто,
Что дворянство получаетъ
Отъ рабовъ своихъ за то.

Даже выдумать не могутъ
Основаній и началъ,
Если свыше не помогутъ,
Давъ желанный идеалъ.
И министръ царю въ докладѣ
Все подробно изложилъ,
Что въ помѣщичьемъ укладѣ
Рабъ-крестьянинъ не отжилъ,
Что дворянство не желаетъ
Начинанья положить,
Мысль о волѣ поглощаетъ,
Прежней жизнью хочетъ жить.
Царь тогда вопросъ рѣшаетъ,
И секретный комитетъ
Онъ въ столицѣ учреждаетъ,
Проливая воли свѣтъ.
Самъ высокій предсѣдатель
На собраньи заявилъ,
Что и рабъ, и обладатель
Свой ужъ вѣкъ почти отжилъ.
Должно ль нынѣ отрѣшиться
Отъ исконнаго рабства,
Въ мысль свободы углубиться,
Въ лавры свѣтлаго вѣнца?
Всѣ согласно порѣшили,
Что рабство — есть только зло,
Что часы его отжили,
Въ чемъ сознанье расцвѣло.

3 января 1857 г. первое засѣданіе.

И для блага государства
Надо тотчасъ порѣшить,
Какъ устроить быть крестьянства,
Крѣпостныхъ освободить.
Но свободу постепенно
Можно только лишь давать,
И помѣщиковъ степенно
Къ ней годами пріучать.
Документы въ ходъ пустили,
Стали дѣло изучать;
Изучили, но рѣшили
Дѣло снова разобрать.
Нѣтъ совмѣстнаго рѣшенья,
Каждый взглядъ свой проявилъ,
Но во взглядахъ соглашенья
Ихъ совѣтъ не заключилъ.
Левшинъ снова появился
И записку предложилъ,
Въ ней онъ высказать рѣшился,
Что нулемъ крестьянинъ былъ,
Что и личностью, землею —
Всѣмъ помѣщикъ лишь владѣлъ
И незримою судьбою
Былъ крестьянинъ не у дѣлъ.
Ликвидируя былое,
Надо землю барамъ дать;
Мужикамъ они родное
Будутъ частью выдѣлять.

Но за эти выдѣленья
Тѣ повинность понесутъ
И въ судьбѣ раскрѣпощенья
Волю быстро обрѣтутъ.
А на личность крѣпостного
Дворянинъ права терялъ
И наградъ, всего иного,
Въ этомъ дѣлѣ не стяжалъ.
Ту реформу постепенно
Предлагалось проводить
И районы неизмѣнно
Всѣ должны ее вводить.
Но записку положили
Въ комитетѣ „подъ сукно".
Тормазъ волѣ присудили —
И попрежнему темно.
Видитъ царь, заснуло дѣло,
Надо снова оживить,
И не медля, но умѣло
Жизнь въ него младую влить.
Августъ 1857. Членомъ князя Константина *)
Назначаетъ онъ туда;
Съ нимъ, какъ волей властелина,
Вновь кипятъ часы труда.
Бурей дышатъ засѣданья,
Жаль рабовъ своихъ терять,
И могучее желанье
На плечахъ своихъ поднять.

*) Великаго Князя Константина Николаевича, извѣстнаго своими либеральными воззрѣніями.

Въ три періода рѣшили
Быть крестьянъ „пересоздать",
Но о „волѣ" заключили
Даже словъ не проронять.
А періоды годами
Надо было исчислять,
Чтобъ дворяне не страдали —
Шагъ за шагомъ все создать.
Затянуть хотѣли дѣло,
Но судьба на помощь шла
И своей рукой умѣло
Счастье свѣтлое несла.
Въ Петербургъ Назимовъ*) прибылъ,
Адресъ былъ съ нимъ отъ дворянъ,
Въ немъ раба владѣлецъ выбылъ
И къ свободѣ очень рьянъ.
Безъ земли они желали
Крѣпостныхъ освободить
И къ царю рѣшенье слали,
Тѣмъ въ надеждѣ угодить.
Три недѣли обсуждали
Въ комитетѣ адресъ тотъ,
Много думали, рѣшали,
Много мыслей и заботъ.
Недоволенъ царь работой,
Нерѣшительность претитъ
Тамъ, гдѣ свѣтлою заботой
Сердце пылкое горитъ.

*) Виленскій генералъ-губернаторъ, которому поручено было переговорить съ дворянами Виленской, Гродненской и Ковенской губерній по поводу предстоящей реформы.

И на сторону свободы
Сталъ могучею стопой,
Чтобы вольные народы
Шли протоптаной тропой.
А на адресъ три дня срока
Былъ Ланскому данъ въ отвѣтъ,
Гдѣ крестьянинъ безъ оброка
Долженъ видѣть воли свѣтъ.
Говорилось, что крестьянамъ
Ихъ усадьбы отдадутъ
И какъ собственность, не къ барамъ
Съ той поры всѣ перейдутъ;
А угодья полевыя
Для работы имъ сдадутъ,
И начала вѣковыя
Волей царскою падутъ*).
Тотъ рескриптъ великимъ актомъ
Въ общемъ дѣлѣ новшествъ сталъ
И не словомъ — мощнымъ фактомъ
Онъ реформу возсоздалъ.
Дѣло двинулось смѣлѣе,
Комитеты создаютъ,
Гдѣ ретивѣй и дѣльнѣе
Къ цѣли радостной идутъ.
И не тайна окружала
Канцелярскія дѣла —
Вся печать о нихъ кричала
Съ шумомъ лести, страха, зла.

*) Этотъ отвѣтъ въ формѣ рескрипта подписанъ государемъ 20-го ноября 1857 года.

Но общественное мнѣнье
Также въ дѣлѣ помогло
И на подвигъ, какъ на бдѣнье,
Съ грозной силой возрасло.
Рядъ губернскихъ комитетовъ*)
У дворянства создалось,
Масса преній и совѣтовъ,
Все въ порывѣ томъ слилось.
А надъ массой комитетовъ
„Главный“ выше всѣхъ стоитъ;
Къ сожалѣнью, взглядомъ дѣдовъ
На реформу онъ глядитъ.
Скоро „земскій“ появился —
Былъ отдѣлъ такой у насъ —
Въ суть онъ дѣла углубился,
Жаждя воли славный часъ.
Тамъ Милютинъ**) засѣдаетъ,
Вмѣстѣ съ нимъ и Соловьевъ***),
И, понятно, всѣ желаютъ
Жить свободно, безъ оковъ.
И изъ земскаго отдѣла
Рядъ докладовъ поступалъ,
Гдѣ блестяще и умѣло
Взглядъ свой каждый излагалъ.
Онъ противниковъ реформы
Въ старыхъ взглядахъ разбивалъ,
Создавая жизни нормы,
И свободу воспѣвалъ.

*) Основываясь на благихъ намѣреніяхъ литовскихъ дворянъ, приказано создать имъ въ каждой губерніи подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства комитетъ, составленный изъ выборныхъ отъ дворянъ, по одному отъ уѣзда и двухъ помѣщиковъ, назначенныхъ губернаторомъ. Комитеты должны составить подробные проекты „объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ“, каждый для своей губерніи. Кромѣ этихъ комитетовъ, предлагалось открыть въ Вильнѣ одну общую комиссію для сводки проектовъ.

**) Н. А. Милютинъ.

Августъ и сентябрь 1858.

Для знакомства съ настроеньемъ
Царь по Руси разъѣзжалъ,
Гдѣ съ восторгомъ и смиреньемъ
Весь народъ его встрѣчалъ.
Онъ не видитъ оппозицій,
Для крестьянъ онъ — царь и богъ,
Что безъ войска и милицій
Воли имъ сулитъ восторгъ.
Скоро царь назадъ вернулся
Свѣтлый, радостный, какъ день,
Съ новой вѣрой встрепенулся
И съ лица исчезла тѣнь.
Въ общемъ — все къ тому сводилось,
Чтобъ крестьянамъ волю дать,
Съ этимъ — имъ земля сулилась,
Дабы впредь не голодать;
У помѣщика надѣлы
Могъ крестьянинъ выкупать,
Чтобы жизнь безъ перемѣны
Вновь могла тамъ протекать.
И при выкупѣ кредитомъ
Всѣмъ крестьянамъ поспѣшать,
И въ челѣ его забитомъ
Лучъ надежды открывать;
Вмѣсто барщины — оброки
Повсемѣстно учредить,
И исконные пороки
Подъ реформой схоронить;

Дать свободу управленья
Въ деревенскомъ ихъ быту,
Какъ гражданскія стремленья,
Воли рѣзкую черту.
14 января 1861. Въ январѣ свои занятья
Кончилъ „Главный комитетъ";
Шли работы безъ изъятья
Въ Государственный Совѣтъ.
Засѣданія Совѣта
Рѣчью царь своей открылъ
И лучемъ тепла и свѣта
Все собранье озарилъ.
Царь къ вопросу постепенно
Съ лѣтъ древнѣйшихъ подошелъ
И въ процессѣ неизмѣнно
Онъ вопросъ о волѣ велъ.
Указалъ необходимость
Всѣхъ крестьянъ раскрѣпостить
И народную терпимость
До борьбы не доводить.
Снова идутъ засѣданья,
Снова споры и вражда
За завѣтныя желанья
Въ мірѣ воли и труда.
Царь сторонникомъ свободы —
Консерваторъ побѣжденъ;
Для ликующей природы
Вновь крестьянинъ возвращенъ.

Но не рабъ онъ произвола —
Мысль свободная бѣжитъ,
И помѣщика укора
Въ строгой мѣрѣ не дрожитъ.
Наконецъ, всѣ разсужденья
17 февр. Завершились въ февралѣ
И вопросъ раскрѣпощенья
Сталъ могуче на землѣ.
19 февр. 1861. Въ февралѣ же царь великій
Положенье утвердилъ,
И народъ свой полудикій
Къ свѣтлой волѣ возродилъ.
Этотъ день великой славой
Александра окружилъ,
И надъ русскою державой
Солнца свѣтъ озолотилъ.
Въ манифестѣ о свободѣ
Царь къ молитвѣ призывалъ,
Чтобы съ нимъ во всемъ народѣ
Трудъ свободный процвѣталъ,
Какъ залогъ домашней жизни,
Благо общества, среды,
И надъ прошлымъ грозной тризны
Рѣялъ свѣтлый лучъ красы*).
Плачутъ люди въ умиленьи,
Плачутъ прежніе рабы,
Ставъ свободными въ смиреньи
Безъ штыковъ и безъ борьбы.

*) ...Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего благополучія и блага общества.

Веселится все земное,
И ликуютъ небеса,
Что завѣтное, былое
Породило чудеса,
Что избранникъ Провидѣнья
Въ область сердца заглянулъ,
И великое творенье
Къ жизни свѣтлой вновь вернулъ.
Ни препоны начинаній,
Ни борьба съ самимъ собой,
Не сломили тѣхъ желаній
Въ сердцѣ, полномъ красотой.
И страна раскрѣпощенья
Сердцемъ любящимъ горитъ,
Въ день желанный всепрощенья
Бога въ царскомъ ликѣ зритъ.
Нѣтъ дѣянія смѣлѣе,
Нѣтъ могучѣе любви,
Нѣтъ и доблести свѣтлѣе,
Что явились въ эти дни.
Славенъ часъ освобожденья,
Русь какъ будто ожила,
И страну закрѣпощенья
Словомъ царскимъ погребла.
Что за Чудище Россія,
Гдѣ безъ крови и меча,
Поднялась могуче выя
Отъ согбеннаго плеча.

И вчера еще рабыня—
Нынѣ въ славѣ вѣковой,
Царства русскаго твердыня
Надъ свободною землей!
Но свободные крестьяне
Что-то новое для насъ;
Сокрушаются дворяне,
Услыхавши воли гласъ.
Что-то будетъ съ раздѣленьемъ,
Какъ надѣлы отдадимъ,
И съ помѣщичьимъ смиреньемъ
Рабство въ волю превратимъ.
Но на помощь имъ явился
Рядъ посредниковъ-дворянъ *),
Въ мысль реформы углубился,
И подчасъ въ работѣ рьянъ.
Но трудна и ихъ задача,
Надо право разсудить,
Чтобъ могли изба и дача
Въ дружбѣ тѣсной рядомъ жить
Много было недовольства
Отъ помѣщиковъ, крестьянъ;
И по службѣ безпокойства,
И подвоховъ отъ дворянъ.
И не всюду, надо къ слову
И по истинѣ сказать,
Укрѣпили ту основу,
Миръ должна что возсоздать.

*) Мировые посредники.

Нынѣ „Царь Освободитель“
Въ мысляхъ каждаго живетъ,
Какъ рутины побѣдитель,
Возродившій нашъ народъ.
Вся вселенная внимала
Слову русскаго Царя,
Волю сердцемъ принимала
Въ жизни новой эру зря.
Чтобы дѣломъ личнымъ править
Сельскихъ обществъ двинутъ рядъ,
А изъ обществъ имъ составить
Волость цѣлую велятъ.
Сельскій сходъ судьбою правитъ,
Дѣло общества храня;
Надъ собой онъ старостъ ставитъ,
Ихъ довѣріемъ даря.
Волость—сходу волостному
Въ подчиненіе вошла;
Старшинѣ, но ужъ иному,
Право власти отдала.
Волостнымъ онъ назывался,
Выше сельскихъ рангомъ былъ;
Судъ тамъ даже собирался,
И при волости судилъ.
Рядъ суровыхъ наказаній
Онъ къ виновнымъ примѣнялъ,
Даже мѣру истязаній
Поркой грозной завершалъ.

Распоряженіе 19 февр. 1864.

Польша также не забыта
И крестьянамъ данъ надѣлъ;
Объ устройствѣ жизни, быта
Царь великій порадѣлъ.
Гмины сельскія явились,
Войты*) избранны сидятъ,
И солтысы**) утвердились,
Правый судъ вокругъ чинятъ.
Закавказье не забыто,
Нѣтъ крестьянина-раба,
И въ средѣ его разлита
Свѣта новаго судьба.
Рядъ тѣлесныхъ наказаній

17 апрѣля 1863.

Съ новой мѣрой отмѣненъ;
Для судебныхъ приказаній
Только онъ не устраненъ***).
Вслѣдъ для земскихъ учрежденій
Былъ сенату данъ указъ,
Чтобы мѣрой попеченій

1 января 1864.

Былъ тамъ слышенъ царскій гласъ.
И собранья, и управы
Тамъ немедля создались,
И величьемъ новой славы
Въ мирѣ общемъ облеклись.****).
Цѣль благая—дать возможность
Дѣло общее рѣшать,
Проявляя осторожность,
И судьбою управлять.

*) Старшины.

**) Староста.

***) Почти совершенная отмѣна тѣлесныхъ наказаній для крестьянъ была установлена 17 апрѣля 1863 года. Прочія же сословія освобождены гораздо раньше: дворянство и гильдейскіе граждане при Екатеринѣ II, а духовенство при Александрѣ I.

****) Указъ правит. сената былъ данъ объ учрежденіи въ 33 губерніяхъ земскихъ учрежденій (губерніи перечислены въ указѣ). Эти учрежденія—земскія собранія и губернскія управы.

Всюду выборныя лица
На собраніяхъ сидятъ,
И не только лишь столица,
А и здѣсь свободу зрятъ.
Но царя и къ правосудью
Воля Вышняго влечетъ,
И Россіи многолюдью
Непристрастный судъ даетъ.
20 ноября 1864. Онъ уставы утверждаетъ,
Скорый, правый судъ для всѣхъ
Словомъ царскимъ обѣщаетъ,
Полагая милость въ грѣхъ.
Судъ окружный появился,
Мировые рядомъ съ нимъ,
И присяжный углубился
Въ дѣло разумомъ своимъ*).
Процвѣтаетъ всюду гласность
Равенъ каждый предъ судомъ,
И преступная опасность
Всѣмъ и каждому въ одномъ.
1866. Новшествъ свѣтлая затѣя
Въ Петербургѣ и Москвѣ,
Ореоломъ славы вѣя,
Заблестѣла на зарѣ**).
Слѣдомъ также появились
По губерніямъ суды,
Въ нихъ начала утвердились
Той же радостной весны.

*) Установлены: мировые суды, окружные суды, присяжные засѣдатели, гласность судопроизводства и т. п.
**) Открыты новыя судебныя учрежденія въ Петербургѣ и Москвѣ, а слѣдомъ начали учреждать и по губерніямъ.

1876. Былъ уставъ военносудный
Высочайше учрежденъ,
И преступникъ многолюдный
Подъ законы подведенъ.
Рядъ судебныхъ учрежденій
Для военныхъ созданы,
И вершитель преступленій
Тамъ лишь ждетъ своей среды.
Передъ нимъ юристъ военный
Все исправно совершалъ,
И виновникъ дерзновенный
Судъ законный признавалъ.
Но еще одна реформа
Рядъ „великихъ“ заняла
И какъ радостная норма,
1 января 1874. Къ службѣ царской всѣхъ влекла*).
Раньше—въ строѣ неимущій
Рядъ за рядомъ наполнялъ,
И судьбою вездѣсущей
Войско наше составлялъ.
Кто богаче—откупаться
Могъ отъ участи солдатъ,
И охотникомъ смѣняться,
Если счастливъ, иль богатъ.
Эта мѣра вызывала
Недовольство бѣдняковъ,
Что обязанность слагала
Съ богатѣевъ и купцовъ.

*) 1-го января 1874 г. изданъ Высочайшій манифестъ, которымъ введена всеобщая воинская повинность въ Россіи.

Царь сословія равняетъ,
Капиталу мѣста нѣтъ;
Всѣхъ на службу призываетъ,
Кто достигъ извѣстныхъ лѣтъ *).
Дворянинъ, или крестьянинъ,
Иль купецъ, иль мѣщанинъ,—
Предъ солдатской службой равенъ,
И законъ для всѣхъ одинъ.
Тянетъ жребій при наборѣ,
Тотъ судьбу его вершитъ;
Иль съ сохою снова въ полѣ,
Иль мундиръ на немъ блеститъ.
Срокъ назначенъ шестилѣтній,
Противъ прежнихъ сокращенъ,
И не службой многолѣтней
Русскій воинъ удрученъ.
Только рознь—образованье
Въ эти сроки принесло;
И свободное желанье
Въ школы многихъ повлекло.
Даже грамотность простая
Сократила службы срокъ,
На два года уменьшая
Всемогущей воли рокъ.
Кто же въ высшемъ заведеньи
Курсъ успѣшно завершилъ,
До полгода разрѣшенье
Быть онъ въ строѣ получилъ.

*) 21 года.

Снова равенство и братство,
Трудъ и воля впереди,
И лишь разума богатство
Освѣщаетъ имъ пути.
Неустанно царь свершаетъ
Въ область мысли своей походъ,
Массу школъ онъ открываетъ,
Къ знанью двигая народъ*).
И промышленность успѣшно
На Руси у насъ цвѣтетъ;
Рядъ дорогъ ведутъ поспѣшно;
Пароходъ рѣкой бредетъ**).
Банки, порты и тарифы,
Телеграфъ къ брегамъ морскимъ***),
Точно сказочные миѳы,
Служатъ помысламъ людскимъ.
Винныхъ откуповъ отмѣна,
Обнародованъ бюджетъ****),
И въ акцизѣ перемѣна,—
Словомъ—всюду солнца свѣтъ.
Но, увы!—могучій геній
Слово царства завершилъ,
И въ бреду лихихъ мученій
Жизнь страданьемъ заключилъ.
Палъ онъ жертвой преступленья,
И убійца молодой,
Въ буйномъ вихрѣ прегрѣшенья,
Вмигъ сразилъ его рукой.

*) Новый уставъ гимназій и прогимназій (1871 г.) и уставъ реальныхъ училищъ (1872 г.), преобразованіе военно-учебныхъ и духовно-учебныхъ заведеній, открытіе женскихъ гимназій и прогимназій, открытіе женскихъ педагогическихъ курсовъ въ Петербургѣ и, какъ особенно важная мѣра въ дѣлѣ преобразованія, открытіе народныхъ школъ. Въ 1874 г. для нихъ издано новое положеніе. Учреждены учительскія семинаріи и институты для приготовленія учителей въ народныя школы.

**) Проведено около 25 т. верстъ желѣзнодорожнаго пути и много пароходныхъ сообщеній.

**) Десятитысячеверстный телеграфъ, соединившій Петербургъ и Европу съ прибрежьемъ Тихаго океана.

***) Обнародованіе росписи государственнихъ доходовъ и расходовъ.

1881 — 1894.

И погибъ Освободитель,
За свободу поплатясь,
Воли свѣтлый покровитель,
Въ царство мира погрузясь.
Скорбитъ людъ освобожденный,
Скорбитъ съ ними старъ и младъ,
Этой смертью удрученный,
Въ высь неся съ мольбою взглядъ.
И Россія царство славы,
Царство мысли и любви,
Время мощное державы —
Не забыла въ наши дни.
Духъ великій неизмѣнно
Славу родины хранитъ,
А народъ царю нетлѣнно
За любовь—любовь даритъ.
И умчатся поколѣнья,
Рядъ за рядомъ проносясь,
Но народъ освобожденья
Не забудетъ, имъ гордясь!
На престолъ отца вступаетъ
Императоръ молодой,
Родъ онъ предковъ продолжаетъ
Подъ счастливою звѣздой.
Царство кратко, но могуче,
Не реформой, не войной,
Но идетъ оно кипуче
Жизнью новою, иной.

Онъ великое вліянье
На Россію оказалъ, —
Съ міромъ тѣсное сліянье
Въ царство славное стяжалъ.
При рожденьи не престоломъ
Императоръ награжденъ,
Но судьбы великой словомъ
Былъ къ царямъ онъ пріобщенъ.
Божій перстъ надъ нимъ сіяетъ,
Съ раннихъ лѣтъ къ добру ведетъ,
Жизнь народа открываетъ,
И на бой со зломъ зоветъ.
Тамъ Зиновьевъ *) благородно
Мысль ребенка развивалъ,
И Перовскій **) благотворно
То же дѣло продолжалъ.
Задушевное вліянье,
Простота у нихъ царитъ,
Съ ней и Руси обожанье
Во главѣ всего лежитъ.
Рядъ посредниковъ***) успѣшно
Дѣло трудное ведетъ
И серьезно, не поспѣшно,
Знанья твердыя кладетъ.
И характеръ чисто русскій
Въ тѣхъ занятіяхъ сквозитъ,
А не въ рамѣ буквы узкой
Слово теплое лежитъ.

*) Н. В. Зиновьевъ—воспитатель Великаго Князя Александра Александровича въ раннемъ возрастѣ.

**) Съ 15 лѣтъ воспитаніе перешло въ руки графа Б. А. Перовскаго.

***) Законоучители — Бажановъ и Рождественскій, военной исторіи и тактики М. И. Драгомировъ, законовѣдѣнія — К. П. Побѣдоносцевъ, русской исторіи—С. М. Соловьевъ и др.

И исторію народа
Александръ здѣсь познаетъ:
Руси ширь, ея природа
Предъ глазами возстаетъ.
И Загоскинъ съ „Милославскимъ"
Укрѣпляютъ ту любовь,
И кипитъ огнемъ славянскимъ
Молодая въ сердцѣ кровь.
Онъ поѣздки совершаетъ
Въ глубь страны своей родной,
Бытъ народа изучаетъ
Въ жизни скромной, трудовой.
Города, селенья, хаты
Посѣщаетъ онъ въ странѣ, —
Всѣ ему душевно рады,
Какъ привѣтливой веснѣ.
Много ласки и отрады
Онъ крестьянину принесъ,
И среди народной страды
Много видѣлъ счастья слезъ.
Цесаревна молодая
Трудъ съ нимъ дѣлитъ наравнѣ,
Горе, нужды познавая,
Не въ хоромахъ, а въ избѣ.
Александръ назадъ вернулся —
Снова дѣлъ кипучихъ рядъ:
Сердцемъ, мыслью встрепенулся,
Всюду свой бросая взглядъ.

То въ Совѣтѣ*) засѣдаетъ,
То съ министрами вопросъ
Цесаревичъ обсуждаетъ,
Чтобъ народъ во благѣ росъ.
„Добровольный флотъ“ **) не мало
Видитъ царственныхъ заботъ,
И волна уже качала
Нашъ воинственный оплотъ.
И на голодъ, и несчастье
Цесаревичъ поспѣшалъ, —
Всюду теплое участье
Вмѣстѣ съ дѣломъ онъ внѣдрялъ.
Русь къ нему любовью дышитъ,
Видя добрыя дѣла,
И не ухомъ,—сердцемъ слышитъ
Все, чѣмъ жизнь ея цвѣла.
И среди борьбы кровавой,
Въ свистѣ грозномъ чугуна,
Александръ, какъ всюду, бравый,
Жизнь—любовію полна.
Лично онъ въ войнѣ участье
На Балканахъ принималъ***),
И народное несчастье
Всей душою раздѣлялъ.
Полководецъ и начальникъ —
Трудовую жизнь ведетъ,
И о раненыхъ печальникъ
Скромный ихъ пріютъ блюдетъ.

*) Государственномъ Совѣтѣ.

**) Наслѣдникъ Цесаревичъ былъ поставленъ Государемъ во главѣ комитета по сбору пожертвованій на „добровольный флотъ“, который долженъ былъ служить оплотомъ противъ воинственныхъ замысловъ Англіи.

***) Въ Русско-Турецкую войну 1877—1878 года, командуя рущукскимъ отрядомъ.

Для солдатъ—отца любовью
Дышитъ царственный герой,
И готовъ своею кровью
Ублажить Руси покой.
Жилъ въ палаткахъ и баракахъ,
Ночь въ работѣ проводилъ,
А на утро въ грозныхъ дракахъ
Войскомъ онъ руководилъ.
О себѣ—заботы мало,
Къ цѣли общей онъ идетъ,
И душа его лежала
Тамъ, гдѣ Русь надежду ждетъ.
Цесаревичъ изучаетъ
Бытъ солдата, мощь его,
Съ нимъ труды онъ раздѣляетъ,
Отрѣшаясь ото всего.
Знаетъ онъ, что постъ тяжелый
Долженъ будетъ получить,
И на немъ отвѣтъ суровый
Станетъ грозно тяготить.
И серьезно, шагъ за шагомъ,
Онъ готовится къ нему,
Чтобы царство было благомъ,
Возрождая вновь весну.
Царь судьбой неумолимой
Въ это время былъ сраженъ,
А царевичъ, имъ любимый,
На престолѣ водворенъ.

И по счету Александромъ
Третьимъ онъ на Руси сталъ,
И въ своемъ движеньи каждомъ
Славу родины стяжалъ.
Онъ желалъ закончить дѣло
Славныхъ предковъ и отца,
Царство русское умѣло
Осѣнить красой вѣнца.
Время было непокойно,—
Много западныхъ началъ
Ратовали своевольно,
И ликуетъ либералъ.
Конституцію желаютъ,
Увѣряютъ, что она,
Тамъ, гдѣ страсти раздираютъ,
Мигомъ миръ создать должна.
Царь внимаетъ увѣреньямъ,
Но въ умѣ его живетъ
Планъ противный общимъ мнѣньямъ,
И на путь иной влечетъ.
29 апрѣля 1881. Въ манифестѣ объявляетъ,
Что согласно прежнихъ дней —
Самодержца укрѣпляетъ
Силой царственной своей.
Что не новыя начала
Русь ко славѣ поведутъ;
Благо тамъ, гдѣ власть лежала,
Гдѣ плоды ея цвѣтутъ*).

*) Въ манифестѣ говорилось: „Гласъ Божій повелѣваетъ намъ стать бодро на дѣло правленія, въ упованіи на Божественный промыслъ, въ силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народнаго отъ всякихъ на нее поползновеній“...

Голосъ здравый отрезвляетъ,
И исконно-вѣковой
Рядъ традицій процвѣтаетъ
Вновь надъ русскою страной.
Самодержецъ бодро правитъ,
Жизнь покойная течетъ,
И народъ монарха славитъ
И за нимъ во всемъ идетъ.
Царь съ народомъ въ единеньи
Дѣло мощное вершитъ,
И предъ Промысломъ смиренье
Въ сердцѣ любящемъ хранитъ.
Бережливый въ жизни частной—
Тотъ-же принципъ онъ даритъ
Въ жизни царства силой властной,
И бюджетъ казны хранитъ.
И доходы надъ расходомъ
Въ государствѣ все растутъ,
И поспѣшно годъ за годомъ
Къ мощи родину ведутъ.
Трудъ народный процвѣтаетъ
Иностранное тѣсня,
И въ сердца людей внѣдряетъ
Благодарность за царя.
Онъ „подушную“ *) снимаетъ,
Тяжела она была,
И крестьянинъ прославляетъ
Императора дѣла.

*) Подушную подать, которой до него облагалось все крестьянское населеніе государства.

Имъ на встрѣчу банки*) встали
Надѣляютъ ихъ землей,
И по льготѣ окрыляли
Пашней, нивой и водой.
Заселяетъ брегъ Амура,
Въ Средней Азіи селитъ, —
Но для шумнаго разгула
Мѣсто въ царствѣ не даритъ.
И промышленность, заводы,
Не минуютъ царскихъ глазъ,
И о нихъ лежатъ заботы,
Возвышая царскій гласъ.
Поднялъ пошлины товарамъ,
Что изъ странъ иныхъ везутъ,
И въ избыткѣ русскимъ барамъ
Иностранцы продаютъ.
Пушки, ружья и снаряды,
Паровозы и суда,
Взяли россы на подряды,
Въ поощреніе труда.
Эта царская забота
Силу родинѣ даетъ,
И вѣрнѣй штыка и флота
Славу Руси создаетъ.
Дѣти, женщины рабочихъ,
Также въ милости царя;
Отдѣляетъ ихъ отъ прочихъ,
Силы слабыя щадя**).

*) Крестьянскіе земельные банки.

**) Трудъ дѣтскій и женщинъ на фабрикахъ и заводахъ былъ ограниченъ и положено начало фабричному законодательству.

Помня славные завѣты
Императора Петра,
Утверждаетъ быстро смѣты
Для желѣзнаго ядра*).
И азійскую дорогу
Средь пустыни онъ ведетъ,
И сибирскій путь въ подмогу
Постепенно создаетъ**).
Хочетъ русскія владѣнья
Съ океаномъ породнить,
И страницу единенья
Новой мѣрой закрѣпить.
Царь наслѣднику***) вручаетъ
Дѣло сложное, и тотъ —
Актъ закладки совершаетъ,
Путь надежды и заботъ.
Царь народность укрѣпляетъ:
Прибалтійскій край при немъ
Ликъ нѣмецкій покидаетъ,
Въ обезличеньи своемъ.
Лица русскаго рожденья
Во главѣ всего стоятъ,
И на дѣлѣ обрусенья
Волю царскую творятъ.
Царство Польское, Финляндью,
Императоръ укротилъ,
И своей могучей дланью
Ихъ строптивость усмирилъ.

*) Желѣзнодорожныхъ путей.

**) Постройка Средне-Азіатской желѣзной дороги и начало постройки великаго желѣзнодорожнаго пути черезъ Сибирь, соединившаго наши владѣнія на Великомъ океанѣ съ крайними западными владѣніями Россіи.

***) Нынѣ благополучно-царствующему Государю Императору Николаю Александровичу.

Александръ и просвѣщенье
Средь народа насаждалъ,
И страны оздоровленье
Въ этомъ видѣть онъ желалъ*).
Царь искусство поощряетъ;
Рядъ талантливыхъ творцовъ
Онъ изъ массы выдѣляетъ
Руси ревностныхъ сыновъ**).
И художникъ, и писатель,
Литераторъ, музыкантъ,
Скромной музы обожатель,
Развивали свой талантъ.
И не разъ съ ступеней трона
Онъ щедроты расточалъ,
Скромной лиры перезвону
Сердцемъ пламеннымъ внималъ.
Все, гдѣ славное былое
Сохранилося страной, —
Было сердцу дорогое,
Точно памятникъ святой.
Реставрировалъ соборы
И дворцы, и рядъ палатъ***),
Велъ съ ученымъ разговоры,
Выражая личный взглядъ.
Чтилъ онъ церковь всей душою,
Мною сдѣлалъ для нее,
И лишь дружбой, не враждою,
Царство славилъ онъ свое.

*) Въ царствованіе Императора Александра III возникло до 45 тысячъ народныхъ школъ съ 2 милліонами учащихся. Эти школы были церковно-приходскія и носили чисто-національный характеръ.

**) Въ области живописи — Рѣпинъ, Полѣновъ, Васнецовъ, Маковскій, Боголюбовъ, въ области скульптуры — Антокольскій, Опекушинъ, Микешинъ.

***) Императоръ Александръ III реставрировалъ Успенскій, Благовѣщенскій и Архангельскій соборы, Грановитую палату, которая была расписана по своимъ сводамъ и стѣнамъ на основаніи открытой въ ту пору рукописи придворнаго живописца царя Алексѣя Михайловича — Симона Ушакова. Возобновилъ дворецъ Дмитрія царевича въ Угличѣ, содѣйствовалъ реставраціи Кремля, Софійскаго собора въ Новгородѣ и храмовъ Владиміра Залѣсскаго и вообще сдѣлалъ многое на пользу русской исторической наукѣ.

Царь любилъ страну родную
Сердцемъ пылкимъ и умомъ,
Чтилъ и славу боевую,
Русскимъ былъ въ себѣ самомъ.
И хотѣлъ онъ Русь поставить
На достойной высотѣ,
Чтобъ никто ее безславить
Не дерзалъ въ своей мечтѣ.
Но всегда миролюбивый —
Миръ хотѣлъ онъ охранять,
Чтобы врагъ съ душой строптивой
Не задумалъ воевать.
И для этого — царь силы
Русской рати сторожилъ,
И не влекъ на край могилы,
Только ею лишь грозилъ.
Войскъ количество умножилъ
И перевооружилъ,
Крѣпостей рядъ преумножилъ,
И изрядно укрѣпилъ*).
Много создалъ броненосцевъ,
Увеличилъ русскій флотъ,
Къ нимъ прибавилъ миноносцевъ,
Что бурлили кипень водъ.
Надоѣла намъ опека,
Тяжекъ тройственный союзъ**),
Нѣтъ въ немъ чувства человѣка,
И пріязни нѣжныхъ узъ.

*) Усилилъ старыя и создалъ новыя крѣпости—Карсъ, Двинскъ, Иванъ-городъ, Новогеоргіевскъ, Варшаву и др.

**) Тройственный союзъ состоялъ изъ Россіи, Германіи и Австріи, но пользу для себя извлекали изъ него только двѣ послѣднія, роняя наше достоинство и значеніе во всемъ славянскомъ и азіатскомъ востокѣ и поддерживая въ Европѣ гегемонію Германіи, раздавившей Францію въ 1870 году только благодаря дружественному нейтралитету Россіи.

Царь могучею рукою
Цѣпи тяжкія порвалъ,
И державною стопою
Богатырскимъ ростомъ всталъ.
Тщетно Пруссія старалась
Снова дружбу возродить, —
Горделиво Русь осталась,
Не желая угодить.
Этотъ шагъ вознесъ Россію,
Вся Европа предъ однимъ
Наклонила скромно выю,
И пошла уже за нимъ.
Но враги, не успокоясь,
Вновь интриги создаютъ,
И въ своемъ коварствѣ роясь
На борьбу царя зовутъ.
Баттенбергскій *) самовольно
Взялъ Румелію къ рукамъ,
И свершивъ—самодовольно
Смотритъ въ ликъ своимъ врагамъ.
Ждетъ Россіи одобренья, —
Та ни звука, и молчитъ;
Швабъ и Турокъ ждутъ рѣшенья,
Мечъ у ногъ его лежитъ.
И Болгарія внимаетъ
Слову русскаго Царя...
Что-то скажетъ, что желаетъ,
Съ чѣмъ взойдетъ для нихъ заря.

*) Принцъ Баттенбергскій, поставленный Россіей на Болгарскій престолъ, безъ дозволенія Императора Александра III присоединилъ къ Болгарскому княжеству Восточную Румелію.

Александръ прекрасно видитъ,
Что одобри онъ захватъ, —
Врагъ немедля войско двинетъ,
И войны предлогу радъ.
Если-жъ силою захочетъ
Баттенберга наказать —
Средь славянъ престижъ онъ прочитъ
Навсегда тѣмъ потерять.
Мудрый царь рѣшаетъ дѣло,
Врагъ и другъ довольны имъ,
Что разумно и умѣло
Александромъ миръ хранимъ.
Онъ захватъ не утверждаетъ,
Безъ него тотъ совершенъ,
И меча не обнажаетъ,
Кровью тотъ не обагренъ.
Вслѣдъ Болгары низложили
Баттенберга, и опять —
Иностранцу предложили
Ихъ страною управлять.
Къ нимъ изъ Австріи явился
Принцъ Кобургскій на престолъ;
Снова миръ здѣсь водворился
Послѣ ряда всякихъ золъ.
Эта сдержанность немало
Государя вознесла,
И любовь ему снискала
Даже тамъ, гдѣ рознь жила.

Въ это время вновь пруссаки,
Силясь Францію дразнить,
Жаждутъ съ нею снова драки,
Дабы вкорень разорить.
Рядъ шпіоновъ посылаютъ,
И къ границѣ войско шлютъ,
Но, конечно, увѣряютъ,
Что маневры лишь вёдутъ.
Здѣсь Россіи самодержецъ
Ясно всѣмъ даетъ понять,
Что хотя не громовержецъ,
Но не дастъ враждѣ сіять.
И нейтральнымъ въ пользу пруссовъ
Не останется опять, —
Обездоленныхъ французовъ
Не позволитъ обижать.
Слава мощная несется,
Русь великая растетъ,
Сердце царское съ ней бьется,
Счастьемъ родины живетъ.
Намъ и Франція съ любовью
Дружбу крѣпкую даритъ,
И готова даже кровью
Закрѣпить тѣхъ узъ гранитъ.
Царь на дружбу отвѣчаетъ
И навстрѣчу ей идетъ;
Ихъ эскадру самъ встрѣчаетъ
У Кронштадта мутныхъ водъ *).

*) Въ Кронштадтъ была прислана эскадра подъ командой адмирала Жерве. Государь, стоя съ открытой головой, выслушалъ національный гимнъ Франціи и поднялъ чару за ея процвѣтаніе.

Вслѣдъ затѣмъ визитъ наносимъ
(Съ Авеланомъ**) и въ Тулонъ —
Имъ привѣтъ мы приподносимъ,
И страны родной поклонъ.
Гордо русская держава
Доблесть родины хранитъ, —
Какъ звѣзда — Россіи слава
Надъ вселенною блеститъ.
И Европа вся внимаетъ
Слову русскаго царя,
Умъ и силу воспѣваетъ,
Въ немъ опору миру зря.
Но могучее здоровье
Недугъ началъ подточать,
И нерѣдко тяжкой болью
Императоръ сталъ страдать.
Всѣ прошедшія невзгоды
Отразилися на немъ,
И вліянье непогоды,
Жизнь подъ вражескимъ огнемъ,
Съ ними вмѣстѣ — непосильный
Трудъ правленья изнурялъ,
И надъ нимъ покровъ могильный
Постепенно раскрывалъ.
Но великою душою
Царь въ унынье не впадалъ;
Предъ иконою святою
Духъ великій укрѣплялъ.

*) Адмиралъ Авеланъ, подъ начальствомъ котораго наша эскадра явилась въ Тулонъ для отвѣтнаго визита Франціи.

А на утро — снова бодро
Дѣло царское вершалъ,
И на міръ, какъ прежде, гордо
Съ трона русскаго взиралъ.
Но здоровье хуже стало,
Царь на югѣ ужъ живетъ,
Жизнь поспѣшно угасала,
Богатырь къ концу идетъ.
Слухъ о царскомъ состояньи
Міръ подлунный содрогнулъ.
Всѣ слились въ одномъ желаньи,
Чтобы царь болѣзнь стряхнулъ.
Всюду звонъ, — въ церквахъ моленья,
Всюду искренность сердецъ,
Жаждутъ часъ выздоровленья,
И страданіямъ конецъ.
Но, увы! — настало время
Путь тяжелый завершить,
И заботъ великихъ бремя
Въ склепѣ хладномъ заключить.
Царь предчувствуетъ кончину,
Съ свѣтлымъ духомъ къ ней идетъ,
И предсмертную личину
Съ вѣрой трепетной несетъ.
Ни боязнью ожиданья,
Ни невѣдомымъ путемъ,
Ни минутою страданья,
Отпечатка нѣтъ на немъ.

Бодро смотритъ предъ собою,
Въ мысляхъ родина лежитъ,
Къ ней предсмертною стонсю
Съ сердцемъ пламенныхъ спѣшитъ.
Онъ доклады разбираетъ,
Резолюціи кладетъ,
Царствомъ править продолжаетъ,
И правленья гнетъ несетъ.
Наконецъ могильный холодъ
Въ сердце началъ проникать,
И того, кто духомъ молодъ,
Тѣнью смерти окрылять.
Царь-страдалецъ причастился,
Съ вѣрой пламенной въ очахъ,
Предъ кончиной помолился,
Духомъ рѣя въ небесахъ.
И царица, и Наслѣдникъ,
Дѣти царскія предъ нимъ, —
И Кронштадтскій проповѣдникъ *)
Съ словомъ любящимъ своимъ.
Часъ настать—царя не стало,
Сердце русское его
Биться жизнью перестало
Для народа своего.
Сколько горя, сколько муки
Вѣсть о смерти разнесла,
Чашу горькую разлуки
Въ душу каждаго влила.

*) Уважаемый Государемъ и всей Россіей пастырь—отецъ Іоаннъ Кронштадтскій, прибывшій въ Ливадію по желанію Императора.

Нѣтъ страны, и нѣтъ народа,
Гдѣ бы скорбь не возросла,
Гдѣ бы пламенная ода
Чувствъ отъ сердца не несла.
И главою государства,
И желѣзомъ, и мечомъ,
И рабочимъ классомъ царства,—
Дружно шли плечо съ плечомъ.
Скорбь одна сердца спаяла,
Міръ страдальца провожалъ,
Въ счастьѣ прошлаго витало
То, чѣмъ жизнь онъ окрылялъ.
Миръ надъ грѣшною землею
Русскій витязь охранялъ,
И державною рукою
Вѣтви пальмы*) разсылалъ.
И предъ миромъ сохраненнымъ
Волей русскаго царя,
Марсъ склонился побѣжденнымъ,
Мечъ заржавленный храня.
Сколько мощнаго величья
Царь странѣ своей принесъ:
Недовольство, безразличье—
Побѣдилъ не моремъ слезъ.
Этотъ колоссъ всю Россію
Въ сердцѣ русскомъ воплощалъ,
Миръ желанный, какъ мессію,
Духомъ радостнымъ встрѣчалъ.

*) Вѣтви пальмы — олицетвореніе мира.

Справедливость, благородство
Были спутники его;
Охранялъ онъ превосходство
Власти сана своего.
Царь служенію народу
Жизнь и силы посвятилъ,
И сомнѣнья, и невзгоду,
Все—любовью побѣдилъ.
Какъ отецъ, онъ неустанно,
Славу родины хранилъ;
Въ жизни краткой—безпрестанно
Безъ меча врага разилъ.
Въ гнѣвѣ—громы разсыпаетъ,
Въ мирѣ—ласкою даритъ;
То сварливыхъ устрашаетъ,
То запуганныхъ бодритъ.
Сколько жизней, сколько счастья
Онъ въ Европѣ сохранилъ,
Сколько теплаго участья
Въ сердце каждаго пролилъ!
И не силой грозной власти,
Не отточеннымъ мечомъ,
Онъ смирилъ народа страсти,
Но лишь правдой и добромъ.
Нынѣ, волей Провидѣнья,
Императоръ Николай,
Предковъ славныя стремленья
Вновь несетъ въ родимый край.

1894.

Снова теплится любовью
Взоръ любимаго царя,
Что согрѣтъ державной кровью,
Счастье родинѣ даря.
Пусть-же царство величаво
Въ блескѣ славы вѣковой,
Длитъ великое начало
Надъ великою землей.
И смѣняя поколѣнья
Родъ Романовыхъ царитъ,
Божьей воли повелѣнья
Въ сердцѣ любящемъ хранитъ.
А Россія всей душою
Гимнъ Всевышнему поетъ,
Что подъ царскою рукою
Жизнью пышною цвѣтетъ.
Что изъ мрака лихолѣтій
Нынѣ въ свѣтъ вознесена,
И промчавшихся столѣтій
Побѣдила образъ сна.
Не забытою страною
Русь великая живетъ,
Но державною стопою
Къ свѣту разума идетъ.
Крестъ не рабскою рукою
На челѣ своемъ кладетъ,
И не рабскою душою
Службу царскую несетъ.

Гимнъ свободы, гимнъ побѣды,
Наша родина поетъ,
И не тотъ, что пѣли дѣды
Ощущая рабства гнетъ.
Отъ восхода до заката
Развернулась наша мать;
Много войска, много злата
Стали царство охранять.
Разумъ, творчество, науки
Полной жизнію растутъ.
И идутъ побѣдно внуки
Все впередъ, безъ тяжкихъ путъ.
Пусть же царственной рукою
Жизнь величье создастъ,
И надъ русскою землею
Миръ и счастіе несетъ.
Боже, даруй многолѣтье,
Жизнь царя Ты охрани,
И въ годину лихолѣтья
Ты Его оборони.
И Россія предъ Тобою
Благодарная падетъ,
И съ царемъ одной душою
Славу Вышнему снесетъ!

Валентинъ Сонгайлло.

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
KratkJii ocherk istorJii tsarst
891.714 S698K
D903523577Y